АНДРЕЙ КРУЗ

У ВЕЛИКОЙ РЕКИ. ПОХОД

Андрей Круз

У Великой реки. Поход

«Эксмо»
2009

Круз А.

У Великой реки. Поход / А. Круз — «Эксмо», 2009 — (У Великой реки)

ISBN 978-5-9922-0901-3

Когда-то пересеклись миры, чуть не разрушив друг друга. Мир наш, привычный, столкнулся с миром другим, в котором магия обычна, а боги надзирают за людьми и прочими населяющими его расами. И остался от нашего мира в том изрядный кусок. Но только история совсем не об этом, потому что с тех пор прошло двести лет, и все это уже быльем поросло. А история о том, как живущий в мире Великой реки бывший драгунский унтер, а ныне охотник на нечисть, нежить и прочих чудовищ, за свои же собственные деньги влип в такую историю…

ISBN 978-5-9922-0901-3

© Круз А., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1, 5
Глава 2, 30
Глава 3, 36
Глава 4, 40
Глава 5, 50
Глава 6, 56
Глава 7, 58
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Андрей Круз
У Великой реки. Поход

Посвящается прекраснейшей из женщин — моей жене Маше

Глава 1,
в которой главный герой возвращается из недолгих странствий, но вместо заслуженного отдыха попадает в заваруху

Я изо всех сил затянул толстую пеньковую веревку на длинном брезентовом свертке, уложенном вдоль кузова, отдуваясь и упираясь в него ботинком. Из свертка пахло кисло и гнилостно, снизу брезент промок. Придется выбрасывать: такие запахи обычно еще и въедливые, держатся долго, давая возможность насладиться ими вволю. Ладно, внесу его в счет, что выставлю конторе градоначальника, когда довезу до них груз. Придумали тоже систему учета! При прошлом городском голове хватало фотоснимков, даже пленки с негативами, а новый голова порядки поменял. На выборах он пообещал бороться с разбазариванием городского золота — вот теперь и заявил, что фотоснимкам как доказательству грош цена, так что, сказал, нехай охотники свои трофеи прямо сюда — в управу великореченскую в смысле — везут. А уж тут мы их будем по счету принимать.

Ладно, голова на то и голова, чтобы всему головой быть, а брезент они мне пускай в таком случае оплатят. А без брезента, да не перемотав сотней витков, я незнакомую тварь у себя за спиной никуда не повезу. А как ей воскреснуть доведется? Я таких раньше и не видел никогда, та еще страхолюда. Как вспомню, когда своими клыками оскалилась да после рявкнула, так до сих пор волосы дыбом встают. А посему не знаю, чего от нее ждать можно. Всякое у нас бывает, всякое.

Раньше я бы ее после фотографирования составом специальным побрызгал, какого у меня дома целая канистра, Да запалил — и через минуту некому стало воскресать. А теперь везти придется. Ну да ладно, хватит жаловаться, за эту тварюгу, что двоих пастухов пожрала, голова полторы сотни золотом отсыпать обещал. На эти деньги можно месяц пить-гулять без остановки.

Перебрался из кузова в кабину через толстую дугу из трубы, уселся за руль. Помповик пристроил справа от себя в держатель, рядом со стоящим там карабином, поправил на поясе кобуру с револьвером, чтобы не давила. Выудив из кармана брезентового пыльника ключ, воткнул в замок справа от черного большого руля, повернул. Рыкнул мотор, из вертикальной выхлопной трубы-шнорхеля, что справа от стойки стекла торчит, вылетел клуб вонючего дыма, подкинув зазвеневшую крышку-клапан. Успел остыть, хоть и стоял недолго вроде. Пришлось даже подсос чуток подвытянуть, чтобы обороты держались. Сдал задним ходом, подпрыгивая на кочках так, что грохотал откидной задний борт, выбрался на проселок, а затем, переключившись на первую, поехал вперед, в сторону Великореченска.

Машина, тяжелая и шумная, шла тем не менее по разбитой грунтовке легко, и стрелка на черном круглом циферблате спидометра подползала к беленьким цифрам «40». Для такой дороги очень даже неплохо, даже быстро — вот что значат большие колеса да изрядный вес. Почти не трясет — так, покачивает, как лодку на пологой волне.

«Копейка»[1] эта была моим последним и главным приобретением, если считать, конечно, после маленького подворья в Великореченске. Не то чтобы у меня раньше машин не было. Были, разумеется, куда же без них? Был небольшой вездеходик, именуемый «козлом»[2] за его прыгучесть и «виллисом» — больно уж он был похож внешностью на некоего прародителя двухвековой давности и не из этой жизни. Такая же простота: ни дверей, ни крыши, кузов сварен из гнутого стального листа и посажен на могучую раму из стального же профиля. Хорошая была машинка, даже не слишком старая, ей лет семь всего было, когда я ее перекупил у приказчика одного тверского купчины, да одна беда — привод был у нее только на задние колеса. Пожадничал купчина, когда приказчику машину подбирал, сэкономил рублей двести золотом. А мне такое дело никак не подходит, по моим делам во всякую глушь иногда забираться приходится. Мне без полного привода никак и никуда. Большие колеса «козла» вкупе с немалым клиренсом еще выручали, но, как говорится, все не то, все не то…

До «козла» была еще у меня «багги»[3] — проходимая, но очень маленькая и легкая машина вроде жестяного корыта на трубчатом каркасе. Но ее я вообще от бедности тогда купил. Без транспорта в моей работе нельзя, но и с таким транспортом тоже не годится. Себя довезешь до места, но мне подчас одной экипировки под центнер надо, да и добыча не всегда мертвой нужна, а как живую да спеленатую на такой тарахтелке довезешь? Вот и оставался без многих заказов. Хотя на ней чуть не по болотам гонять было можно.

А вот «копейка», на которой я сейчас еду, самое что ни на есть новье. Не по конструкции, разумеется. Извлекли из уцелевших архивов наши предки чертежи ГАЗ-62, что придуман был в старом мире в 1958 году, да и сделали по ним машину. Напоминает ГАЗ-69, он же «козел»,

---

[1] *«Копейка»*– жаргонное наименование автомобиля АТЛ-ПГ (артиллерийский тягач легкий полугрузовой) с грузоподъемностью на самом деле 1,2 тонны, выпускающегося на Нижегородском автозаводе. Машина построена по типу автомобиля ГАЗ-62 проекта 1958 года, внешне — симбиоза знаменитого внедорожника ГАЗ-69 и полноприводного грузовика ГАЗ-63. В старом мире эта машина, по классу соответствующая американскому Dodge WC-63 эпохи Второй мировой войны, в серию не пошла по непонятным причинам, а вот в Великоречье превратилась в один из самых универсальных автомобилей. Автомобиль оказался удачным, и завод, принадлежащий купеческому товариществу на вере первой гильдии «Баранов и Компаньоны», открыл производство как гражданской, так и полицейской версий. На нее ставится двигатель Ярославского моторного завода мощностью 87 л. с.Изменение по отношению к прототипу совершили одно — чуть расширили колесную базу. Аналогичная машина выпускается в варианте АТЛ-Т (транспортный), вмещающая двенадцать солдат.Изначально АТЛ-ПГ была предназначена для транспортировки полковой пушки (полковая по классификации Великоречья — калибр 76,2 мм, все, что выше, — бригадное) ПП-4 (прообраз — ЗИС-3) или полковой гаубицы ГПК-1 (построена на основе горной пушки обр. 1938 года, сильно измененной) вместе с расчетом и минимальным боекомплектом. Она послужила основой для целого ряда других моделей, включая командные машины и машины МПБ (магического подавления и борьбы). На ее основе построен самоходный минометный комплекс «Единорог» МСБ-107 (миномет самоходный бригадный калибром 107 мм). Миномет может монтироваться на поворотной платформе непосредственно в кузове машины или буксироваться следом на колесной паре, уступив место расчету и боекомплекту. Именно эта гибкость и сделала его очень популярным.С момента, когда Царицынский Арсенал начал выпускать пулемет КПВ (крупнокалиберный пулемет Владимирова калибром 14,5 мм), его тоже начали монтировать на шасси «копейки», на поворотном станке с сиденьем для наводчика. Машина получила наименование АТЛ-ОП (огневой поддержки) «самострел».

[2] *«Виллис»,* или *«козел»,* – жаргонное название популярного в Великоречье класса легких внедорожников грузоподъемностью до 250 кг. Делают их на нескольких заводах. В Нижнем Новгороде с успехом выпускается почти точная копия ГАЗ-69, идущая в продажу. Поскольку все нижегородские машины комплектуются ярославскими моторами, часть шасси в обмен на них передается в Ярославль, где вместе с двигателем монтируется на нее кузов другой компоновки — чуть ниже, с широким капотом и без дверей. Машина с таким кузовом официально называется «Ярославич» ЛВК-7 (легкий вездеход командирский), но все зовут ее «виллисом». Названием обязан тому, что внешне очень напоминает американскую лендлизовскую машину, хотя в основе своей остается все тем же ГАЗ-69.«Козлами» же зовут все легкие внедорожники, поскольку склонность их к прыгучести общеизвестна.Кроме того, в обоих городах на узлах и агрегатах ГАЗ-69 выпускается амфибия «тритон», почти точная копия американского «Форда Джи-Пи-Эй» эпохи Второй мировой войны. Эта машина является очень популярным разведывательным внедорожником во всех армиях Новых государств.

[3] *Багги* – легкий разведывательный автомобиль ЛРА-96 производства Тверской мастерской Пиляева, который затем, расширив производство, стал выпускать и гражданскую версию. В военном исполнении это очень легкий и довольно скоростной трехместный (в гражданской версии 2 места и багажник) автомобиль с задним расположением двигателя, большими колесами, трубчатой рамой, штампованными сиденьями и колесной формулой 2х4 с задним приводом. Однако машина обладает высокой проходимостью за счет высокого клиренса и ничтожного для нее веса. Сверху на раме может устанавливаться пулемет. Машину широко используют егерские и разведывательные части.

только намного больше и в высоту, и в ширину. Спереди у машины два сиденья, а за ними — грузовой отсек с откидным задним бортом. Можно поставить еще ряд сидений, уже на троих, сократив пространство под груз. Но этот диван, что назад ставится, в сарае у меня лежит, завернутый: я все больше один езжу.

Полный привод с блокировками и демультипликатором, бампера такие, что можно любые ворота ими выбить, спереди и сзади крючья под ручную лебедку, да еще лебедка электрическая, колеса могучие, мне так по пояс примерно будут. Чтобы в кабину подняться, надо рукой за ручку ухватиться, что на боковой стойке, и еще запаску обогнуть. Можно и не хвататься, конечно, но придется подпрыгивать. Высоко сидит машина, от дна кузова до земли полметра будет.

Теперь у нас все упростилось очень в устройстве своем в связи с падением технологического уровня и одновременно с этим — из-за стремления к ремонтопригодности в любых условиях. И подвесочка у нас рессорная теперь и шкворневая, и мосты у нас неразрезные — что спереди, что сзади, — и движок, терпимый к плохонькому низкооктановому бензину. С передачами тоже все просто: вперед — всего четыре. Ну и назад одна, не без того. Зато все с синхронизаторами, не надо два раза сцепление выжимать, как на «козле». Ездит небыстро, разумеется, так быстрых машин и вовсе нет у нас, а вот по ямам да колдобинам, грязи да снегу движется бодро и тонну груза, как следует из названия самой машины, тащит. Ну чуть больше, тут приврали все же. Тонну и два центнера, если считать с седоками, хотя даже перегруза не боится. Главное — в меру перегружать, чтобы рессоры не полопались.

Досталась она мне всего лишь годовалой и за треть цены. Новую такую, из Нижнего Новгорода, мне по деньгам ни в жизнь не потянуть: не моего полета птица. Их в нашем городе всего лишь несколько у купцов — предмет всеобщей зависти. Да еще у урядников две таких, с пулеметами в кузове. Она как четыре моих бывших «козла» стоит, да подфартило мне взять заказ от одного землевладельца местного, которого какая-то нечисть совсем со свету сживала. От нечисти я его избавил, да вот вышла закавыка — нечисть, при ближайшем рассмотрении, оказалась вовсе и не нечистью, а нежитью, и к тому же старшим братом упомянутого землевладельца, им же невинно и убиенным.

Сам-то барин сразу не скумекал, кто за ним охотится, что братец родной с того света пожаловал с целью справедливой и кровавой мести, обратился к охотнику, а когда мертвяка одержимого я изловил, правда и всплыла. Неагрессивным мертвяк оказался, гайалом[4] стал, вместо последнего и решительного боя предпочел со мной поговорить. У мертвяков-«мстителей» такое часто бывает, что не враждебны они никому, кроме конкретной жертвы.

Со становым приставом нашим великореченским некромант неплохой иногда работает, когда зовут и приплачивают, вот он и поспрошал пойманное чудище. А тот как на духу всю историю и выложил, заклятиями придавленный, как его брат родной в болоте утопил.

Дальше все было просто. С мертвяками что самое главное? Не врут они никогда: не умеют, особенно если некромантом знающим пытаемы. Да и другие доказательства сыскались. Затем был суд, скорый и справедливый, заказчика моего на виселицу отправили за смертоубийство, а коль наследников не было, то имущество пошло с молотка. Землю арендаторы из аборигенов раскупили, а мне, как поимщику оной нежити, право первой ночи на распродаже предоставили. Вот я «копейку» и ухватил. Подзанял денег под продаваемый «виллис», у кого смог, у себя в кубышке покопался, по сусекам пошарил, выскреб все остатки — да все же купил. Потом, правда, месяца два на еду едва хватало, но вскоре «козел» продался, а затем был еще заказик денежный, в общем — выкрутился.

---

[4] *Гайал* – нежить, обычно неправедно убитый и незахороненный человек, возвращающийся для мести своему убийце или всему его роду. Преимущественно не опасен для тех, кто не связан кровными узами с объектом мести. Уничтожить его можно как огнем, так и серебром, и разрушением тела. При совершении мести упокаивается сам.

А теперь на такую покупку нарадоваться не могу. Я на ней, когда заказов по главной моей специальности не было и город никаких наград ни на что не обновлял, не раз мотался в Серые горы, что на месте бывшего Вышнего Волочка раскинулись, и там скупал у гномов всякие полезные железяки. И вез их в родной город Великореченск, где и продавал с немалой выгодой для себя. Гномы до летнего торга из своих пещерных заводов ни ногой, а к ним тоже не попадешь. Не пустят, и весь сказ. Обычаи у них такие. А с гномами как: если втемяшилось что в его круглую бородатую башку в форме обычая, предками завещанного, то не вышибешь не то что кузнечным молотом, а даже аммоналом, хоть в оба уха ему заложи.

А мне повезло: завелись у меня в тамошней владетельной семье знакомства. Спас я как-то, хоть и случайно совершенно, даже сам не понял, что сделал, дочку тамошнего управителя Дарри Рыжего, Вару. Круглолицую, розовощекую и пухленькую девицу, очень-очень симпатичную даже по человеческим меркам, если вам нравятся такие задорные розовые пухляшки маленького роста, с типичными для всего гномьего племени хитрыми голубыми глазками. Охотился я неподалеку от их владений на одну восьминогую чешуйчатую тварь, по заказу, а тварь, как потом выяснилось, охотилась на загулявшую в лесу гному. Когда тварь замерла перед последним прыжком, собираясь приступить к завтраку, я всадил ей в голову крупнокалиберную пулю из «секиры»,[5] чего обычно хватает. И на тот раз хватило, а уже в лежащую я еще два раза пальнул.

Как бы то ни было, гному я спас, она вылезла из кустов сразу же, как только восьминогий… этот самый, короче, не знаю, как назвать, испустил дух. Я ее проводил до общинных ворот, передал с рук на руки охране, и расчувствовавшийся папаша объявил меня «добрым гостем общины». А это не просто слова — это такой медальон, который надо предъявлять, и такой документ на пергаменте, который можно в сортир выбросить, но с медальоном, разрешается ездить туда когда в голову взбредет. Романтическая история охотника и принцессы, только вместо свадьбы охотник и принцесса заключили выгодный торговый союз, и она не стеснялась брать в свою пользу комиссионные с моих покупок в их кузнях.

Так, предаваясь воспоминаниям, я пересек поле и въехал в сосновый лес. Рытвин стало меньше, зато колеса застучали по выпиравшим из-под песчаной почвы, усыпанной иголками, узловатым корням. Стало темнее, благо день и так клонился к сумеркам и с утра в небе висела какая-то хмарь, закрывавшая солнце. Пасмурно было, в общем, и дождило время от времени, хоть и не сильно. Апрель, что вы хотите?

В лесу вообще чуток повнимательней надо быть. И зверья в нем побольше, чем в чистом поле, и нечисти хватает. Тот же леший так может тебе извилины заплести, что сам не заметишь, как с дороги съедешь. Пешему в таких обстоятельствах так и вовсе хана обычно — пойдет куда ведут, пока не схарчат, а с теми, кто за рулем, сложнее. Но все равно можно так съехать, что обратно не выедешь.

Я пощупал висящий на груди на веревочном шнурке амулет от морока. Даже не амулет это, а серебряная бляха, знак моей принадлежности к почтенному в этом мире сообществу охотников. Как раз и защищает нас от морока, ментального доминирования и любого иного воздействия на сознание. Полезная штука наша бляха.

Однако в лесу было тихо, разве что темновато: пришлось фары включить. Свет полюбому лишним не будет, неважно, солнечный он или электрический, а все одно — свет. Иную погань можно обычным фонариком отпугнуть — настолько той же нечисти подчас свет не по нраву. Хотя далеко не всей, очень далеко не всей.

---

[5] *«Секира», а точнее, «секира Дьюрина»* – крупнокалиберная (12,7 мм) однозарядная винтовка максимально надежной и простой конструкции, компоновки «булл пап», выпускаемая гномами в Серых горах. Штучная работа с тщательнейшей подгонкой всех частей, с амортизирующим прикладом с гидравлическим демпфером. Конструкция затвора позаимствована у винтовки «маузер» с соответствующим усилением.

Дорога шла через сосняк напрямик, даже руль крутить почти не надо было, поэтому я достал из «бардачка», откинув железную крышку, пакет с бутербродами да фляжку с клюквенным морсом. Развернул бумагу, достал бутерброд, ветчина на ржаном хлебе, и вцепился в него зубами. Класс! С утра не жрамши, а сейчас вечер уже. Как раз все четыре бутера заточить успею, пока до места доеду.

Сосняк закончился минут через тридцать, дорога нырнула в пологий овраг. Я перебрался вброд через мелкий, но широкий ручей, аккуратненько, на первой передаче, не останавливаясь ни на секунду, чуть подгазовав, выбрался на обратный склон. Колеса немного забуксовали на мокром песке, но «копейка» все равно выбралась без проблем — и вновь очутились в поле, на этот раз засеянном льном. Лен, по нынешним временам, сельхозкультура почитай что основная. И не только в наших краях, где его исторически растили. Он ведь теперь вместо хлопка, а тут родит хорошо. Ткут из него льняные ткани да продают их до самых низов Волги — очень большая статья дохода нашему Великореченску. Аборигены и так со льном умели управляться, а после того как мы, пришлые, появились, внедрили в это дело технологии и даже фабрики открыли. Теперь местные льняные ткани по всему миру расходятся — это до нас их только для себя здесь и делали.

Льняное поле огибало выбросившийся в него, подобно полуострову, язык леса, и, когда я его обогнул, увидел вдалеке стены Великореченска. Почти что дома, к тому же с удачей. Добыча-то вон в кузове валяется, сюрпризов ждать уже и не следует, похоже, скоро денежки с городского головы получу — и отдыхать. Заслуженно. С ощущением выполненного долга.

В поле заметил парный патруль конных урядников. Двое, в длинных плащ-палатках, кожаных фуражках-«комиссарках», с шашками в ножнах и с карабинами СКС-М,[6] висящими наискось за спиной стволами вниз, сидели в седлах. Один оглядывал окрестности в бинокль. Прямо картинка из букваря: «Урядники на посту защищают нас от нечисти», тем более что у конских ног стояла большущая собака с хвостом бубликом и обрезанными ушами — кавказская овчарка. Патруль без собаки — считай что и вовсе не патруль. Собаки, как и кошки, впрочем, чуют нечисть за версту. Человек так не умеет. Но дело к темноте, скоро этот патруль за городскими стенами спрячется. Против того, что ночью выходит на охоту, карабины могут не помочь, равно как и собака.

Вот за что люблю заказы от городского головы — так это за то, что у него все они связаны с одной тематикой: «Зачистить окружающую город местность от чудовищ». А это значит, что не нужно ездить далеко. Часа не прошло, я уже к самым городским стенам подъехал. И тоже до темноты успел — только смеркаться началось. По моей работе где только ночевать не доводилось, и за возможность делать это дома, в своей постели, большое голове спасибо.

Стены у Великореченска бревенчатые, на бетонном фундаменте, как и все, что строится в эти времена в наших краях. А поверху, во множество слоев, увиты «егозой». И перед ними, как перед траншеями времен Первой мировой войны, на забитые во множестве колья намотана колючая проволока. Ни проехать ни пройти. Между проволочными заграждениями и стеной проход оставлен: по нему днем патруль проходит, пеший.

Дорога пошла вдоль стены к Главным воротам. Кроме них есть еще Речные ворота, которые прямо к пристаням городским ведут, и есть ворота Малые, которые все больше по служебным делам используются. Главные же ворота главные и есть. Перед ними огорожен колючей

---

[6] *СКС-М* (самозарядный карабин Симонова модернизированный) — практически точная копия самозарядного карабина Симонова обр. 1943 года по внутреннему устройству, но сконструированная и переделанная под патрон 7,62х51, он же.308 калибр. Мощности старого боеприпаса не хватает в условиях Великоречья для всех задач, особенно для обороны от крупных хищников и всевозможной нечисти. Внешнее исполнение карабина тоже изменилось — на нем появился пламегаситель, магазин стал приставным, емкостью 20 патронов, шейка приклада «запистолетилась», и внешне винтовка теперь похожа на американскую М-14. На первый взгляд заметно лишь одно отличие — у американской винтовки газоотводная трубка находится снизу ствола, а у СКС-М — над стволом.

проволокой большой выгон, где днем шумит-галдит небольшой базарчик. Там торгуют хуторяне из аборигенов, привозя в город дары своих садов и огородов, и там же для хуторян держат небольшие лавки городские купцы. Всем так проще. Хуторянам в воротах толкаться-проверяться не надо, и товар для себя они всегда какой-нибудь покупают. Им и инструмент нужен, и одежда, и много что еще. У них своего, кроме еды, и нет ничего больше. А в Великореченске как раз народ пожрать любит, так почему бы не помочь друг другу?

Сейчас рынок почти свернулся. Хуторяне со своими телегами да машинами уже давно разъехались или в городе спрятались, а теперь за городские стены со своим товаром убирались купеческие приказчики. У выезда с выгона стоял камуфляжной расцветки «козел» с раструбом сирены на капоте и красной мигалкой на стальной трубе, торчащей вверх. Возле него топтались еще двое, но без плащей, в кожаных куртках и в тех же кожаных «комиссарках». У обоих на плече по дробовику и по пистолету в кобуре. Эти весь день следили за порядком на рынке.

Вообще у нас урядники в городе сила немалая. Городок наш торговый, народу приезжего много, так что возле берега хватает и гостиниц, и трактиров, и домов игорных, и даже борделей. Поэтому жилая часть Великореченска, Холм, отделена от Берега, где все это гульбище гудит, самой настоящей стеной. Не такой, как городская, но и не малой. На Холме всегда тихо, там местные жители живут, даже в трактирах благодать и степенство, а вот на Берегу… В пятницу вечером, скажем, туда и зайти нормальному человеку боязно. Как один писатель из прошлого мира сказал, некто Зощенко: «В ушах звенит от криков и разных возможностей».

Поэтому же в городе у нас урядников много, а хлопцы они все ражие и с хулиганами не церемонятся. И в холодную запрут, и морду набьют, и к судье уволокут. А как судья рассудит, что с тобой делать, так на то его судейская воля. Право у нас все больше процветает английского образца, то есть «прецедентное». Если решит судья однажды, что за драку в борделе полагается два месяца городские нужники вычерпывать, то так и дальше пойдет. Создан прецедент, если по-умному выражаться. И каждый следующий скандалист будет при золотарской бочке вахту нести, покуда двухмесячный срок не выйдет. Очень популярная в нашем городе кара для мелких злодеев мужеска полу. И колодцы-септики всегда чистые.

На воротах, в первом этаже сторожевой башни, в кордегардии дежурил еще один страж порядка в звании старшего урядника, а с ним — целых шесть ополченцев. Содержать городу гарнизон не под силу, это уже роскошь по нынешним временам — вот все мужики городские, да и баб немало, ходят на дежурства. На сторожевые вышки, стены и ворота. Я не хожу, правду говоря, потому как охотники — те, что с лицензиями, — и так всегда на городской службе числятся. Нас в любой момент вызвать могут куда там городу понадобится. С нас даже налог берут именно таким образом — услугами.

Объехал выгон, тормознул в воротах перед тяжелым бревном шлагбаума. Подошел ко мне один из ополченцев, второй его из бойницы страхует. На башне стволы пулеметной спарки[7] уставились в сторону леса, а вот еще двое ополченцев дробовики на меня навели. Смотрят настороженно, пальцы на спусковых крючках. Не забалуешь. Мы все друг друга знаем,

[7] *Крепостной пулемет* – в данном случае подразумевается модель ПККБ-С, пулемет крепостной (корабельный) крупнокалиберный Борисова, спаренный, калибра 12,7 мм. В сущности, является переработкой местным оружейником П. С. Борисовым (39-127 гг.), попавшим сюда с пришлыми НСВ, однако с принудительным водяным охлаждением обоих стволов. Каждый из них заключен в кожух, напоминающий известную систему «максима», но связанный армированным шлангом с почти столитровым баллоном с охлаждающей жидкостью. Отдача пулемета приводит в действие насос, заставляющий охлаждающую жидкость циркулировать, не давая стволам перегреваться даже при очень длинных очередях. В самом крайнем случае возможно принудительное охлаждение жидкости в резервуаре магическими способами, например с помощью амулета «Вечный холод». Пулемет установлен на стационарном крепостном станке, стрелок и заряжающий закрыты щитами, есть возможность установки дополнительных защитных амулетов. Питается от коробов с лентами на сто выстрелов. Заряжающий имеет возможность соединять ленты, поэтому, в теории, они могут быть бесконечными. Мощное дальнобойное оружие, пригодное также для ведения огня по воздушным целям.

здороваемся, городишко-то маленький, да только мало ли кто из дикой земли в город с моей личиной вернулся? Чего в наших краях только не случается…

Ополченец у шлагбаума поздоровался вроде как приветливо и протянул мне деревянный резной жезл с костяным округлым наконечником. Я положил левую, с сердечной стороны, ладонь на костяное навершие. Когда выезжал из ворот, я тоже так сделал, и жезл мою ауру запомнил. А теперь должен этот «оттиск» мне обратно вернуть. Если что-то не так, жезл красным засветится, а меня задержат «до выяснения». Вызовут наряд с дежурным колдуном, и тот уже дальше разбираться будет, моя ли аура так изменилась, или кто другой мою личину натянул.

А по-другому в наших краях никак нельзя. Прямо за спиной караульного на тяжелых бревнах боковины башни четыре глубоких следа от могучих когтей и темные пятна. Уехал так один горожанин в дальнюю дорогу, а вернулся оборотнем. И при проверке успел обратиться — и караульному почти начисто башку снести с одного удара, второй удар уже в стенку пришелся. Оборотня-то расстреляли — у тех, кто подстраховывает, половина картечин в патронах серебряные, а вторая половина заговоренная, зажигательная, такой заряд любого оборотня в клочья рвет, — но караульного схоронили. Так-то.

С приезжими проверка еще сложнее. Они через проходную по одному идут, и проверяют их сразу шестью разными способами. И человек ли под личиной, или там, скажем, гном или иной нормальный член одной из рас, населяющих наш новый странный мир, или кто иной уже? И привержен ли он злу вообще, а сейчас в частности? Не под чьим ли ментальным контролем он сейчас находится? Не оборотень ли он? Не вампир ли? И так далее.

Жезл дружелюбно мигнул мне зеленым свечением, и ополченец обошел машину, заглядывая в кабину и в кузов. Помповик со складным прикладом и коротким стволом он держал в руках. Для этого места идеальное оружие. Если и начнется заваруха, так на расстоянии вытянутой руки, а на таких дистанциях боя дробовик пострашней пулемета будет.

– А это что? — спросил он меня густым басом, кивнув на брезентовый сверток в кузове.

– Шестиногий пятихрен, — ответил я. — За которого голова награду предложил.

– Да ну? — удивился ополченец. — Добыл, что ли? Того, что скот рвал на дальних пастбищах? С пастухами купно? А покажешь?

– У управы выставят — и приходи смотреть, — отрезал я, ответив тем самым сразу на все вопросы. Не слишком подробно, зато категорично.

Не хватало еще здесь с брезентом возиться, чтобы ополченческое любопытство потешить. И вообще пусть службу несут, не хрен им…

– Давай подымай свое бревно, хорош лясы точить, — изобразил я раздражение.

Мне можно, я сейчас герой. Ополченец чуть не во фрунт вытянулся и бревно от опоры отомкнул. Раз уж я такой герой, то и почести мне соответственные. Я завел мотор и въехал в ворота, которые через полчасика закроются уже до рассвета. Вход в город будет только через ворота служебные, узкие, с чародейским шлюзом для проверки ночных визитеров. Как солнце уходит, бдительность втройне повышать надо.

От ворот в глубь города вела широкая, хоть и не мощеная, улица, называемая Главной. Ее только регулярно гравием подсыпали, чтобы грязь не разводить. Справа потянулись заведения увеселительные, откуда уже пьяные голоса на улицу доносились, и за окнами девы распутные повизгивали. Слева — купеческие конторы, гостиные дворы, гостиницы и дворы постоялые. Это — Берег, тут сплошь приезжие, с караванами пришедшие или рекой, с баржами. Сгрузили товар по лабазам, а теперь веселятся.

Я разминулся с урядническим «козлом», затем опять с конным патрулем, причем урядники на поясе вместо шашек носили длинные дубинки. Тут рубить некого, зато для дубин зачастую работы хватает: во хмелю гости нашего славного города бывают буйны.

Примерно на середине Главной улицы я свернул налево, на Волжскую. Она вела от берега к Центральной площади Великореченска, до которой я доехал за минуту. Тут недалеко, Берег все же район небольшой, конторы с гостиницами, кабаки — да и все. А Центральная площадь как раз и находилась на границе между Берегом и Холмом. На ней и городская управа, и острог маленький, и околоток, и городская больница. И даже театр, который еще и цирком работал, когда к нам артисты наезжали.

Перед околотком стояла виселица на три «висячих места», сейчас пустая. Коновязь и стоянка были забиты машинами и лошадьми, как раз пересменка шла. Я даже увидел нашего станового пристава, Битюгова Степана, который свою фамилию на двести процентов оправдывал. Росту он был немереного и шириной плеч мог спорить с двумя гномами сразу. Гора, а не человек. Сейчас он раздавал последние цеу новой смене урядников, столпившихся перед околотком. Работали моторы «козлов», пахло выхлопными газами и конским навозом.

Прямо напротив околотка находилась городская управа. Возле нее было тихо, и как раз туда со своей добычей мне и было нужно. У крыльца, на скамейке под навесом, сидел, ссутулившись и покуривая папиросу, Сидор, дедок лет семидесяти, прирабатывавший в управе на какой-то универсальной должности, включающей в себя обязанности привратника, уборщика, ремонтника и еще десятка два других. Увидев меня, он поднялся, опираясь руками на колени.

Я остановил машину прямо перед Сидором, заглушил мотор.

– Чегой привез, сокол? — спросил Сидор.

– Чего просили, то и привез, — ответил я в тон ему. — Кто будет добычу принимать?

– Ванька Беляков здесь. — Сидор показал пальцем на окно второго этажа. — А голова домой ушел уже.

– Давай Белякова, если он вексель выпишет, — согласился я.

Сидор запрокинул голову и неожиданно громким и гулким для его лет голосом проревел:

– Ванька!!! Ванька!!!

Окно на втором этаже бревенчатого здания с треском распахнулось, и оттуда высунулся Ванька Беляков — молодой, сообразительный, вечно взъерошенный и донельзя пронырливый помощник городского головы.

– Сидор, чего орешь? — давшим «петуха» голосом крикнул он.

– Охотник с добычей приехал, — кивнул на меня Сидор. — Денех с тебя хочет. Плати.

– А-а-а… — с сомнением протянул Ванька. — Сейчас спущусь.

Его круглая вихрастая физиономия исчезла в окне, и через минуту Ванька материализовался на крыльце. Он был обут и одет в высокие сапоги, галифе для верховой езды и почему-то пиджак с галстуком. Выглядел такой наряд, по меньшей мере, дико, но Ванька в нем явно себе нравился.

– Здоров, Сань, — важно и покровительственно поздоровался он со мной. — Кого завалил?

– Того, за кого сто пятьдесят золотом. Давай отсчитывай.

– Уверен? — с неискренним сомнением спросил Ванька.

Я не ответил, забрался в кузов, бухая тяжелыми высокими ботинками по металлическому полу, и начал распускать бесконечные петли веревки, стягивающей брезент. Сидор с Ванькой не вмешивались и лишь наблюдали за процессом. Подошли даже двое урядников, заступивших уже на смену и теперь проявивших здоровое любопытство.

Минут за пять мне удалось освободить сверток от веревок, и я откинул брезент.

– Ох… ити-ить…

– Твою мать!

– Ой-е-е…

Нечто подобное протянули все присутствующие, каждый на свой лад. Действительно, было с чего поразиться. Тварь, лежащая в кузове моей «копейки», больше всего напоминала смесь бабуина-переростка и тигра. На первого она смахивала статями, на второго — размером, расцветкой и калибром клыков и когтей. Кроме того, от твари шел заметный след магии. Если кто умеет это чувствовать, конечно. Похоже, что тварь происхождения скорее магического, чем естественного. Побаловался кто-то, вывел ее.

В груди твари было три здоровых дыры от сегментных пуль из дробовика, голова дважды прострелена из револьвера. Контроль. Из ран вытекла какая-то бурая густая кровь, от которой и шел этот тяжелый трупно-гнилостный запах. Пока тварь жила, никакой особой пахучестью она не отличалась. Сейчас кровь уже свернулась, из чего следовало сделать вывод, что воскресать чудовище не будет.

– Это тот самый, что скот и пастухов за Выселками порвал? — спросил один из урядников.

– Он самый, — согласился я. — Иван, где деньги?

Ванька стоял, глядя на зверюгу и открыв рот, так что мне даже пришлось пихнуть его в бок. Он спохватился.

– А где я их возьму в такое-то время? — громко завозмущался он. — Приходи с утра, когда голова в управе будет, к нему иди, и он скажет, платить или не платить.

По такой Ванькиной словесной суете я сразу понял, что, во-первых, ему лень выписывать вексель, во-вторых, он перестраховывается и, в-третьих, пытается спихнуть решение финансового вопроса на начальство. Такие мысли надо пресекать в зародыше.

Я ничего не ответил, а лишь натянул на руки толстые резиновые перчатки, валявшиеся у меня в кузове, ухватил мертвого «бабуина» за мускулистую конечность, покрытую свалявшейся рыжей шерстью, и потащил его к краю кузова. Ванька сразу заподозрил неладное и заголосил:

– Ты… ты чего делаешь, а?

– Выгружаю добычу, — строго заявил я, глядя ему в растерянные глаза. — Ты что думаешь, я эту вонючку буду в кузове хранить до завтра? Тут у вас полежит, вы налюбуетесь вволю, а с утреца я подойду. Во сколько, говоришь, голова на службе будет?

– Куда ты выгружаешь! — замахал руками Ванька, пытаясь встать на пути влекомого мной трупа чудовища. — Даже не думай.

Я как бы случайно выронил лапу монстра, которую удерживал в руках, и она упала Ваньке на голову. Тот взвизгнул неожиданно тонким голосом, отскочил назад, а я снова демонстративно взялся кантовать тяжелую обмякшую тушу.

– Ваняша, я ведь знаю, что векселя у тебя в сейфе хранятся, головой уже подписанные, и ты знаешь, что работа сделана, — попутно сказал я Ваньке, который отряхивался непонятно от чего. — Так что решай: или эта гадина у вас лежит на крыльце до завтра, или ты выписываешь вексель сейчас. Третьего не дано.

Ванька посмотрел на меня с обидой, даже нижнюю губу выпятил, и сказал:

– Ладно. Потерпеть он до завтра не может. Выпишу я вексель. Пусть мне завтра голова башку открутит за нарушение финансовой дисциплины.

– Пусть, — легко согласился я. — Твоя башка, мне-то чего ее жалеть? Над каждой башкой не наплачешься.

Ванька окончательно обиделся и ушел в дом. Появился обратно он всего через пару минут, с тонкой картонной папочкой в руке, не говоря ни слова, протянул ее мне, буркнув: «Именной, палец прижми». Я принял папку от него, развернул. Там лежала бледненькая голубовато-розовая бумага, на которой я в нужных графах прочитал «Волкову Александру» и «золотом сто пятьдесят руб.». То, что нужно. Затем я прижал большой палец к блестящему кружку в уголке векселя. Кружок слегка засветился и опять померк. Все, теперь защита меня

запомнила, и никто иной векселем воспользоваться не сможет. А мне достаточно ладонью провести над кружком, и он мигнет в ответ.

– Видишь, Вань, как все просто? — похлопал я его по плечу, присев на корточки в кузове. — А что с добычей делать будем? Сгружать или как?

Ванька явно озадачился. Над этой проблемой, судя по всему, у них еще никто не задумался. Сказать, мол, сразу в печку вези — в крематорий в смысле, — получается, что вся идея доставки добычи в городскую управу псу под хвост. Выставлять на обозрение — так от вони загнешься. Тем более что развернутая мертвая тварь начинала вонять совершенно непереносимо, как будто перед нами на сорокаградусной жаре раскинулся хорошо выдержанный скотомогильник.

Я терпеливо ждал, глядя на Ванькино лицо, отображающее напряженную работу мысли. Затем Ванька махнул рукой и сказал:

– Голове домой позвоню, спрошу.

– Спроси, голубь, спроси, — неожиданно влез в разговор молчавший доселе Сидор. — Он тя, голубя, наставит.

Ванька вновь исчез в здании управы, и вскоре со второго этажа донеслись приглушенные звуки телефонного разговора. Дозвонился, видать. Надеюсь, голова велит оставить тварь возле управы. И везти в крематорий неохота, и опять же охота дать понюхать добычу голове, который с утра на службу заявится. Пусть оценит лично мудрость своих распоряжений.

Ванька появился минут через пять с довольным выражением лица:

– Главный сказал — в крематорий везти, — объявил он.

– Не вопрос, — выразил я согласие. — Пиши распоряжение.

– Какое такое распоряжение? — вновь начал закипать помощник головы.

– Известно какое. На кремацию неизвестной мертвой твари, доставленной в город по распоряжению управы. У меня без такой бумажки тварь все равно не примут, — пожал я плечами.

Ванька вновь задумался. Как ни крути, но я был прав. Точнее, сжечь тварь могли и без распоряжения управы, но тогда мне пришлось бы платить за это своими кровными. Целый червонец. А мне своих пречистых на такое дело жалко, если откровенно. И Ванька знал, что платить я не стану.

– Достал ты меня, Сашка, — заявил он и опять удалился в управу.

Еще через три минуты он появился, неся в руках голубенький бланк распоряжения.

– Вот, теперь все чин чином, — кивнул я, прочитав текст, и удовлетворенно кивнул: — Умеешь ведь, когда хочешь!

С этими словами я хлопнул Ваньку по плечу так, что из чесучового пиджака вылетел целый клуб пыли.

– Язва ты, — потер Ванька плечо.

– Да ладно… делов-то… А то бы сам эту вонючку здесь по земле ворочал. Оно тебе надо?

Оставив тружеников управы, я опять завел машину и поехал дальше вдоль ограды Холма, в дальний конец города — к самым пристаням. Там, среди деревянных одно– и двухэтажных домов, составлявших сто процентов городской застройки, высилось единственное здание, выстроенное из желтого кирпича, — городской крематорий. Без крематориев в этих краях никак. Даже из освященной земли подчас мертвяки вставали и безобразничали, причем формы неупокоенности были самые разные. Проще оказалось чтить граждан огненным погребением, а заодно, уже в отдельной печи и в отдельном корпусе, поплоше, сжигали все, что можно. Ведь и про неупокоенность у свиней тут тоже не раз слышали: лучше перестраховаться.

Без страховки случалось такое, чего и в дурном сне не привидится. Режут, скажем, свинью на мясо, и режут без ума, не специальным ножом. Сэкономили на убойщике вроде как. И получилось жестокое и беспричинное убийство невинной твари, да еще и без достойного захоронения. Не считать же таковым опаливание щетины? А раз случилось такое, что свинья

возьми да и восстань в целях осуществления личной мести, и вполне обоснованной притом, отрасти клыки, как у тигра, и давай резчиков жрать. Каково, а?

Едва я подъехал к воротам частокола, огораживающего крематорий, калитка в них распахнулась и передо мной появился мрачный усатый мужичок лет сорока.

– Чего привез? — поинтересовался он.

Я показал пальцем себе за спину и сунул ему голубую бумажку с распоряжением. Тот прочитал ее, поморщился как от зубной боли:

– И что? Нам потом за работу кто-нибудь заплатит?

– А я знаю? — резонно возразил я. — Подпись видишь? Помощник городского головы Беляков. С него и спрашивай. У него на любой вопрос завсегда ответ есть.

– С него спросишь! У него ответ есть, верно: «пошел в задницу» у него ответ. А нам опять забесплатно работать.

Уровень эмоций у работника крематория начал повышаться. Есть такой тип людей — дурак-самовзвод с уклоном в вечный пессимизм.

– Но все же ответ, верно? Ладно, велик труд — тележку с тушей до печки дотащить, — урезонил я усача.

– Да много ты понимаешь! — аж взвился мужик. — Нам сюда какую только дрянь не привозят, и все, что по команде из управы, — на халяву.

– Ты кому подчиняешься? — спросил я мужичка.

– В смысле?

Я явно сбил его с волны, на гребне которой он собирался произнести целую обличительную речь. А мне надо ее слушать, когда этот «бабуин» зубастый у меня за спиной воняет?

– В смысле твоей лавочкой город командует или частный владелец? — расшифровал я ему свой вопрос.

– Город.

– Тогда выгружай тушу и не гунди. Тоже мне сирота нашелся. Начальство приказало» — изволь выполнять.

Мужик разозлился окончательно, но перечить не стал. Разве что ворота перед моей машиной ему пришлось открывать трижды — со злости он так толкал створки, что они возвращались обратно. В конце концов он с воротами справился, и я задним ходом заехал в тесный двор. Мужик постучал ладонью в окошко маленькой бытовки, откуда высунулся заспанный парняга-абориген изрядных габаритов.

– Просыпайся, работа есть, — чуть не прошипел ему мужик.

Я сделал вид, что мне его настроения безразличны. Впрочем, даже и виду подавать было не надо: его эмоции меня и вправду мало волновали. Мужики, сердито сопя, выволокли тушу из кузова, и я крикнул им: «Брезент тоже сожгите!» После чего с досадой вспомнил, что забыл истребовать с управы его стоимость. Такой брезент рублей пять золотом стоит, а они на дороге не валяются. Теперь поздно, придется из премии вычитать, с Ваньки гроша ломаного не допросишься.

Мужики ничего мне не ответили, но загаженный брезент сгребли и бросили в тележку поверх лежащей в ней туши монстра. Впряглись в нее и покатили в ворота. Я не стал дожидаться, когда они выйдут обратно, а выехал со двора на улицу. Свернул направо и поехал обратно в сторону Центральной площади. Через те ворота мне было проще всего заехать на Холм.

В воротах стоял знакомый урядник, который махнул мне рукой, я ему ответил тем же. Холм не зря так назывался, и дорога понемногу пошла вверх. С обеих сторон потянулись высокие крепкие заборы, за многими лаяли собаки. На заборах дремали важные коты, во дворах и на улице играли дети.

Сначала с обеих сторон шли дома двухэтажные — городского купечества, затем потянулись одноэтажки людей попроще. Все они были сложены из мощных сосновых бревен, крыты металлическим профнастилом или жестью, окружены добротными заборами. Городок Великореченск не бедствовал. Расположенный на перекрестке караванных и речных путей, торговал он со всем течением Великой.

Пару раз свернув налево и направо, я подъехал к воротам, выкрашенным в зеленый цвет совсем недавно. Сам красил. Остановил машину, прошел через калитку во двор, выдернул крепкие шкворни из петель и распахнул ворота. Вернулся к машине, загнал ее во двор, поставив под крепкий навес. Сейчас лето, относительно сухо, можно и так. А зимой я ее всегда в сарай ставлю — берегу. Затем запер ворота, вытащил из кабины оружие и свой рюкзак, взвалил все на плечо и пошел в дом. Протопал ботинками по дощатому крыльцу, вошел в сени. Рюкзак сбросил на пол, а оружие пронес в горницу и установил в пирамиду. От оружия очень часто моя жизнь зависит, так что забочусь о нем я первее, чем о самом себе.

Затем вывалил вещи из рюкзака, разложив их на лавке, залез в шкаф, где стоял маленький бочонок, в котором ничто не нагревалось и не выдыхалось, нацедил из крана пива в глиняную кружку с рунами здоровья и отдыха после пути. Отпил — аж сощурился от удовольствия. Хорошо!

Вышел на крыльцо, сел на скамеечку, вытянул гудящие ноги, еще отхлебнул. Пожалуй, свою работу я больше всего ценю за такие вот возвращения домой. Пусть холостяк, не ждет меня здесь никто, но дом у меня хороший, и я его люблю.

Я огляделся. Подворье было окружено двухметровым забором, собранным из крепких крашеных деревянных плах. Добротные ворота. Во дворе большой сарай, скорее даже амбар, с антресолями по кругу, у стены стоит банька, возле нее притулились поленница и летний душ. Дом небольшой, однако новый, выстроенный всего год назад на месте старого, принадлежавшего не мне и пришедшего в негодность у нерадивого хозяина. Резные наличники, крепкие ставни, аккуратные рамы. Бревна подогнаны одно к одному. В доме две большие комнаты — горница и спальня, ну и сени. Сени холодные, а есть еще маленькая кухонька прямо в горнице, к печке пристроена. И плитка есть газовая, не без того. У нас тут все же не Средневековье, хоть иногда я в этом и сомневаюсь. Нет, не так: в княжестве у нас почти не Средневековье, а вот вокруг — оно самое.

Главное достижение нашего городка по сравнению с былыми деревнями — электричество, нормальный водопровод и — самое главное — колодцы-септики вместо классических выгребных ям. Нехитрая конструкция, зато дает возможность заменить классические деревенские сортиры во дворе нормальными туалетами в доме. И зимней ночью, в мороз трескучий, вовсе не нужно стучать зубами и морозить задницу, сидя над заледенелым очком. И ванную иметь можно. И душ. Мало вам, что ли? Цивилизация! Что там говорилось про зефир, кефир и теплый сортир? По крайней мере, последний пункт списка у нас в наличии.

Я поглядел на баню и задумался: не затопить ли? Затем отмел эту мысль как неразумную. Сегодня пятница, вечер Уже, надо идти в город развлекаться. А вот в субботу с утреца можно и баньку истопить, купить пивка, позвать друзей и посидеть за столом во дворе со вкусом. А еще подумал, что надо бы, раз свободные деньги появились, еще дров закупить. Поленница-то у меня отощала уже, надолго не хватит. Хоть газ в баллонах для плит и водогреек у нас и в наличии, но для отопления его недостаточно. Дорого получается. Для отопления у меня печь на треть дома. Не жалуюсь, кстати. Главное — не перетопить, а то и бани не надо.

Ладно, если баня на завтра, то в душ можно и сейчас зайти. И переодеться не помешает, потому как ботинки да брюки почти по пояс угвазданы. Охотился я в ржаном поле, колосья намокли, да и землица, в силу дождей, чуток подраскисла.

Разделся в сенях, побросав одежду с бельем в плетеный короб. В понедельник в стирку отвезу. Прошел в закуток, торжественно именуемый «ванной», зажег газовую горелку. Теперь

вода теплая пойдет. Выловил кусок душистого мыла, привезенного из Твери — у нас такого в продаже не было почему-то, — влез под горячие струи, намылился.

Вода стекала по всему телу, обжигая, но и взбадривая. Отмылся, вылез, замотался в большое банное полотенце. Отерся тщательно, подошел к шкафу.

Одежда моя особым разнообразием не отличалась. Основной критерий выбора в наших краях — добротность. Штаны, рубашки, свитера с тряпочными вставками, чтобы плечи с локтями не протирать, куртки-кожанки. Делилась лишь на рабочую и «выходную». Ну еще летнюю и зимнюю, но зимняя в соседнем шкафу висит, где с потолка маленький светящийся шарик свисает — от моли заклятие. Достал я из шкафа клетчатую рубашку, полушерстяную, майку, крепкие брюки из нервущейся ткани, что у нас «чертовой кожей» называют. Ботинки, высотой по щиколотку и на нормальной кожаной подошве, а не мои «рабочие» берцы в пуд весом каждый. Ну и кожаную куртку.

Натянул все на себя, посмотрелся в зеркало. Под куртку подвесил кобуру на пояс, а в нее воткнул револьвер. Револьвер у меня по конструкции американский, еще из той Америки, настоящей, которая была в мире, откуда мы все, пришлые, взялись. Изначально производился компанией «Смит и Вессон» и именовался «Моделью 29».[8] Сейчас его в Царицыне делают. Двадцатисантиметровый ствол и шестизарядный барабан. Игрушка увесистая, и хоть с компактностью у нее посредственно, зато она мощна и безотказна. Для ближнего боя, если ты хороший стрелок, очень хороша — как молотом колотит. А я стрелок хороший. Очень. Иногда думаю, что ничего в этой жизни не умею делать толком — лишь стрелять. Почему, по-вашему, я в охотники подался?

Для стрелка же посредственного мощные револьверы не слишком подходят. Точнее, даже совсем не подходят. У моего «смита» калибр «сорок четвертый магнум», например. Отдача у него дай боги, ствол вертикально подлетает, хуже моего по отдаче и не бывает ничего. Ну почти не бывает: производят пару монстров под штучные патроны невероятных калибров вроде пятисотого, но их редко кто покупает. Выстрелить из такого револьвера в противника несколько раз подряд, как из самозарядного пистолета, никак не получится. Нет такой силы ни у кого, даже у гномов, чтобы удержать такую лягающуюся вещь направленной в цель, хоть гномы часто утверждают обратное.

И перезаряжается он медленней, конечно, даже со скорозарядником. Но недаром такие калибры в свое время придумали для охоты, а не для войны и не для полиции. Придумали их, можно сказать, для оружия личной защиты охотника супротив медведя. Именно за эту «медведебойность» я «сорок четвертый» и люблю. Пуля весом в четырнадцать граммов вылетает из ствола со скоростью четыреста метров в секунду, с дульной энергией больше тысячи джоулей. Отдача велика, дульная вспышка как у гаубицы, зато, если ты умеешь стрелять, твоего противника валит с одного выстрела. Не убьешь — так с ног сшибешь.

А вот если не умеешь… лучше за такой револьвер не браться. Есть и менее изощренные способы самоубийства, чем схлопотать пулю, пока пытаешься навести оружие в цель после первого выстрела, если ствол в потолок уставился, а в ушах у тебя звенит от грохота.

Повесил кобуру на пояс, в специальный подсумок два скорозарядника сунул. Еще в один чехольчик воткнул телескопическую дубинку из стальных упругих пружин, входящих одна в другую, и с тяжелым набалдашником. Лучше любого иного холодного оружия такая дубинка. И бьет так, что если по башке — так и дух вон, и первый удар неожиданный, потому как она уже на лету раскладывается.

---

[8] *«SMITH & WESSON Model 29»* – классический американский револьвер могучего калибра.44 «ремингтон магнум», мощное и надежное оружие. Без всяких изменений эта модель производится в Великоречье Царицынским Арсеналом в нескольких версиях, отличающихся длиной стволов (64, 102, 152, 210 и 340 мм, причем к последней модели придается съемный каркасный приклад) и формами рукоятки.

Не положено мне без оружия, я здесь, по определению, всегда на службе. Охотники, которые с лицензиями, считаются чуть ли не другой разновидностью урядников. Не зря же нам даже бляхи специальные выданы, только не золотые, как урядничьи, а серебряные. И вменено нам в обязанность пресекать безобразия, буде таковые случатся у нас на глазах.

Зато если я выпивши, скажем, начну чудить с оружием, например, — лишусь не только револьвера, но и охотничьей лицензии. Да еще штраф платить придется — от трехсот золотых до тысячи. С обычных граждан в таких случаях в несколько раз меньше берут. А с нас и спрос другой.

А вообще в нашем городе без оружия мало кто ходит. Нельзя его скрытно носить, по нашему закону, а открыто — сколько угодно. Идея сего закона проста: если у тебя оружие есть, то показывай его всем — пусть знают, чего от тебя ждать можно. Свобода у нас тут, в общем, случалось, и до изрядной стрельбы доходило в городе, когда могло бы ограничиться обычной дракой. С другой стороны… Однажды банда в город вошла, с реки, на катере, взяла городской банк — и к пристани обратно со стрельбой прорывалась. Хорошо вооруженная банда: одни стрелки в ней были. И никто из них не ушел — все упали в грязь на улицах Великореченска, поскольку у половины прохожих оружие имелось. Палили по ним с каждой крыши да из-за каждого забора. В общем, у всего есть сторона темная и светлая. Закон единства и борьбы противоположностей.

Но это не только у нас, такая же картина почти во всех Новых княжествах.[9] Нет другого выхода, если после захода солнца за городскими стенами нечисть с нежитью всем заправляют. Случается тварям и в пределы городских стен забираться, вот и защищаются люди.

Ну наконец готов, можно идти наслаждаться заслуженным отдыхом. Отдых я вообще-то планирую не меньше чем на неделю. Заработал неплохо, всем остальным городским охотникам нос утерев, надо бы делами домашними заняться, с машиной повозиться и так далее, по принципу: «Чем бы дите ни тешилось…»

Но что вы хотите? Думаете, пока я за этой тварью гонялся, меня ни разу в холодный пот не бросило? Особенно когда я ее из скрадки выслеживал, а обнаружил на дереве прямо под собой, уже кинуться готовую, и до сих пор понять не могу — как эта зараза туда попала? Телепортироваться умеет? Счастье мое, что имею привычку в засаде взведенного оружия из рук даже на миг не выпускать, и самое главное — взгляд чувствую. Когда тварь ко мне рванула вверх по стволу, я всадил ей в грудь три тяжеленные, собственной конструкции, составные пули из помповика. Хватило, особенно после того, как я еще и «контроль» из револьвера провел.

Вышел из калитки — и направился по улице в сторону Берега. Хотя на Берег на самом деле не собирался. Но все трактиры и корчмы, куда заходят постоянные жители Великореченска, находятся неподалеку от забора, делящего наш город на жилую и гостевую части.

Такой порядок не только у нас заведен, многие завели. Особенно в больших и торговых городах. Местный народ живет своим укладом и своим законом, а приезжие всяк по-своему этот уклад видят. Так пусть уж местные живут, как хотят, а приезжие тоже как желают, ну и как им дозволят.

Например, подгулявшего приезжего на Холм просто так не пустят. Поначалу вежливо, а если не поймет, то могут и погрубее. Особенно если он из аборигенов. А что ему там делать? Там народ живет, дети играют, зачем ему туда, незваному? Если трезвый, то спросят, к кому

---

[9] *Новые княжества* – государства пришлых в Великоречье. После Пересечения миров в этом мире очутилось частично шесть крупных поволжских городов и некоторые кусочки их бывших областей. Из них образовались Тверское княжество, Ярославское, Астраханское, Казанское ханство, Нижегородская торговая республика и Царицынская область. Ни один из городов не попал полностью в этот мир. Нарушились и расстояния — длина реки Великой около 7 тыс. км, и островные владения княжества Астраханского, например, тянутся чуть не до экватора. На настоящий момент население всех Новых княжеств составляет около 2 млн. пришлых на 60 млн. (прикидочно) населения обширного бассейна Великой.

идет и по какому делу, — могут завернуть. Так что лучше мальчика сперва посылать, чтобы оповестил того, к кому идешь. Мальчишек, готовых за медный полтинник сбегать куда просят, у ворот куча вьется.

Закрыт вход на Холм и гулящим девкам — даже тем, у кого желтый билет в порядке. Потому как им там делать тоже нечего. Девки в борделях городских работают все больше приезжие. Городок у нас хоть богатый, но маленький, своя таким промыслом займется — ославят до конца жизни. Свои в других городах работают, наверное, да и зачем им? У нас и без того здесь жизнь сытая, поэтому к нам и едут — аборигенки все больше. Христианская мораль в эти края никогда не приходила, да и не придет по объективным причинам. Обстановка не располагает к монотеизму.

Так вот о приезжих: по прибытии идут в околоток, в специальный «бабский отдел», где старшая урядница Анфиса Зверева им «желтые билеты» выписывает. А как билет выписан, так у девицы все гражданские права урезаны. Туда нельзя, сюда нельзя, того нельзя, сего… И будет так, пока девица билет обратно не сдаст, решив к нормальной жизни вернуться. В общем, одно из двух: или деньги зарабатывай известным способом, или будь полноправной если не жительницей, то, по крайней мере, приезжей.

Все гулящие девки поступают под надзор «бабского отдела». В отделе кроме самой Анфисы еще четыре местные жительницы работают. Вот они с момента получения пресловутого желтого билета и надзирают за благонравием своего развратного и непутевого контингента.

Нарушать правила не стоит. Если мелким преступникам в городе назначают месяц-другой тяжких и грязных работ, то с дамским полом поступают гуманней. Все же негоже девку, пусть даже распутную, заставлять дерьмо из ям ручным насосом качать. Если речь идет не о серьезных преступлениях, а скорее о нарушениях порядка, нарушительниц сразу передают в «бабский отдел» для «определения ей наказания в административном порядке». По понедельникам все помощницы Анфисы Зверевой собираются в околотке, и уводят повинную девицу в специальный сруб вроде баньки на задах околотка «банькой» и называемый. Затем вызывают туда фельдшерицу из больницы, запираются на тяжелый засов, после чего оттуда доносится свист розог и визг наказуемой. Тоже обычно помогает. А «банька» и исключительно дамский персонал отдела — из уважения к женской стыдливости, буде у кого из преступниц таковая осталась.

Тюрьмы же у нас в городе нет: слишком уж городок мал для того, чтобы таковую иметь. Поэтому наказывают у нас или тяжкими работами, или, в случае с мелкими преступницами, поркой, или штрафами разной величины. Преступников настоящих, серьезных, под конвоем в Тверь отправляют, откуда им путь на каторгу, на рудники. Это уже воров да разбойников. И вершина всего — смертная казнь. Но казнь всегда за смертоубийство или за незаконную волшбу, направленную на подчинение человека или лишение его жизни. Такое случается нечасто, и обычно виселица пустует.

У нас вообще с этим полный либерализм. Все же город-то на три четверти пришлыми населен, вот потому и уклад такой. В иных городах, в аборигенских, или графствах с баронствами — там на всякое насмотришься. Раз Средневековье в полном разгаре, то и нравы соответственные. И на кол сажают, и в котлах варят, и лошадьми рвут. Теперь, правда, вместо лошадей во многих местах лебедки с Ярославского механического завода пользуют. И медленней, и дешевле. А где-то, по слухам, на ратушной площади вместо эшафота пилораму поставили. Но тут уже за что купил, за то и продаю.

Улица, ведущая к Берегу, местами освещалась, тусклые лампочки фонарей разгоняли густеющий мрак всего на несколько шагов от столбов. Но я и без фонарей каждую колдобину знаю, хоть таковых и немного. Аккурат на прошлой неделе здесь улицу снова подсыпали. Целая баржа с гравием в город пришла, и возили ее грузовиками.

Гравий похрустывал под подошвами ботинок, со стороны Берега доносилась приглушенная расстоянием музыка. Веселье уже начинается. Я повторил почти весь путь, который проделал от ворот до дома на машине, разве что на площадь выходить не стал, а дотопал до трактира под названием «Царь-рыба». Сие питейно-едальное заведение располагалось на Холме и посещалось все больше местными. И кормили здесь так, что любо-дорого.

Я поднялся по ступенькам гулкого деревянного крыльца, поздоровался с двумя знакомыми шкиперами барж, курившими папиросы на крыльце. Внутри трактира, к моему счастью, курить не разрешали. Я вошел в дверь, захлопнувшуюся за моей спиной на пружине, огляделся. Зал был заполнен наполовину, я видел немало знакомых лиц, но из приятелей моих никого не было.

Сел один за пустой четырехместный столик у окна, сколоченный из толстой ошкуренной доски. Такими же здесь были и стулья. Едва сел, как ко мне, плавно покачиваясь, будто дирижабль на ветру, подплыла Марина Ивановна, жена владельца трактира Митрича, суетившегося сейчас на кухне, за окошком раздачи. Но если Митрич был мелок, бородат, суетлив и шумен, то супруга его блистала дородностью, статью, ходила «белой лебедью», поскрипывая досками прогибавшегося под ее немалой тяжестью пола, а говорила всегда ласково и растягивая гласные. Щиколотки да запястья у нее были толщиной чуть не в мое бедро, но лицо на удивление приятное.

– Здравствуй, Саша.

– Здравствуйте, Марина Ивановна, — поприветствовал я хозяйку.

– Один будешь?

– Пока один. Поем без суеты.

– И то верно. Что будешь кушать?

– А чего сегодня хорошего?

Тут всегда полезно спрашивать, потому как плохого не присоветуют.

– Если совет нужен, то бери уху тройную и котлетки из сомятины. Петька с хорошим уловом сегодня, все прямо из речки.

Петька был племянником Митрича и командовал рыбацкой артелью. Было у них три больших баркаса, так что снабжали они рыбой чуть не весь город и еще на сторону продавали. А в трактир шла рыбка самая лучшая, если уж Марина советовала что-нибудь попробовать, оно того всегда заслуживало.

– Тогда уху с… котлеты большие?

– Нет, небольшие. Такие примерно. — Она показала на ладони, какого размера будут котлеты из сомятины. — Парочку бери.

– Пару котлеток с молодой картошечкой, уху, моченых груздей мисочку, кувшинчик клюквенного морса и двести водочки, — закончил я перечисление заказа.

– Водочки простой? Есть на калгане, на брусничном листе, на лимоннике, «Клюковка» имеется, — перечислила хозяйка.

– Обычной, главное — с ледника.

– Сейчас принесу.

Действительно, через минуту она вернулась с водкой, морсом и солеными груздями. Выставила все на стол, сказала, что уха будет через пару минут, и удалилась царственно. А я булькнул прозрачной, как слеза, водки из запотевшего графинчика в лафитник зеленоватого стекла — и единым махом осушил. Потыкал вилкой в мисочку с груздями, подцепил пару грибков вместе с колечками лука и с хрустом зажевал. Хорошо! Да здравствует седативное воздействие алкоголя на организм после тяжелых, полных невзгод и опасностей похождений!

Не позже чем через пару минут появилась глиняная миска с ухой. Уха и вправду была замечательная. Почти без рыбного запаха, но беспощадно наваристая, притом прозрачная,

с плавающими в ней кусками белой рыбки. Под такую благодать пришлось еще водки себе налить и выпить. Как заставили.

Пока я наворачивал уху, в трактир вошли двое. Один — среднего роста, в плечах широченный, с изрядным при этом пузом, с длинными волосами, убранными в хвост, и заросший до самых глаз бородой. Второй — повыше, с чуть скуластым лицом, светлыми глазами и волосами. Борода и Батый. Почему Бороду так прозвали, объяснять не надо. А вот Батый… Батый был татарином из Нефтекамска, за что кличку в честь монгольского хана и получил с чьей-то легкой руки. Разве что не похож был на носителя этого имени. Были они на пару с Бородой владельцами торгового Дома «Стрелец» и держали почти всю оружейную торговлю выше Твери. Числились пока третьей гильдией, но росли на глазах. Торговали они еще и доспехами, и всякими кузнечными делами гномьей выделки. Была у них самоходная баржа и четыре грузовика. Им же я сбывал товар от гномов, который привозил не в торговый сезон.

Я замахал им, и они сразу направились к моему столу. Пожали друг другу руки, похлопали по плечам. Расселись, позвали Марину Ивановну. Через пару минут на столе уже стоял большой графин водки, большая же тарелка со всевозможными соленьями, дополнительная порция груздей. Перед Батыем исходила паром уха, а вот Бороде принесли солянку. Борода, по обыкновению, взял инициативу в свои руки, разлил водку, поднял свою стопку, почти полностью скрывшуюся в его толстенных пальцах.

– Ну как говорится, за встречу! — произнес он басом не блиставший оригинальностью тост, но выпить за это никто не отказался.

– Где пропадал? Искали тебя вчера, хотели дельце одно предложить, — сказал Батый, закусив.

– На охоте был, — притворно небрежно ответил я. — Голова сто пятьдесят золотом за одну тварь предложил.

– Это которая у Ручейного пастухов пожрала?

– Ага. Она самая.

– И как? — поинтересовался Борода.

– Уже вексель получил с Ваньки Беляева, — не без тайной гордости сказал я.

Нам, типа, монстры всякие на один зуб. Только награду объявили, как мы их за шкирку — и в сумку.

– Погодь… — удивился Батый. — Ты же на город забесплатно работать должен! Или я чего не понимаю?

– Забесплатно тоже не всегда, а по очереди с другими, — пояснил я. — Сейчас вот бесплатная ходка получилась вроде как, но повезло с тем, что староста Ручейного в казну премию поймавшему передал. А я ее и получил.

– А что за тварь-то была? — спросил Батый.

– Демон его разберет. Магическая тварь. Умеет или телепортироваться, или так глаза отводить, что никто ее засечь не мог.

– И как ты засек?

– Секрет фирмы, — ответил я.

Не стал я рассказывать историю своего везения, когда монстр решил меня на ужин себе пустить и сам ко мне пришел. И если бы я прямо под ноги себе не взглянул, чужой глаз почуяв, то сейчас бы тут ухи не ел. Повезло и повезло, им-то зачем это знать? А про умение свое чужие взгляды ощущать я вообще никому не говорил. Это мое секретное оружие, узнает кто — и потеряю я главное свое преимущество. Взгляд я чувствую и магию. Колдовать вообще не могу, лист сухой не переверну, распознавать, что за чары, тоже не умею, но чувствую течение и очаги Силы. В нынешнем мире у многих всякие способности прорезались. У кого какие.

– А что предложить-то хотел? — спросил я в свою очередь.

– Ты к гномам в Серые горы не собираешься? — откликнулся Борода.

– А чего надо? — осторожно ответил я вопросом на вопрос.

– Стволы винтовочные. У нас заказ из Твери на тридцать штук. И еще кой-чего, по мелочи, но много.

– Понятно. — Я кивнул.

Огнестрельное оружие после того, как миры столкнулись, в этот мир пришло с людьми. До нас тут тринадцатый век на дворе был, да еще с примесью волшебной сказки. И выпускается оно по-прежнему на заводах пришлых. Никто другой не умеет сделать всей технологической цепочки, да и иные причины есть. Например, производство бездымного пороха всего на трех заводиках налажено, и состав его, равно как и всех компонентов вроде азотной кислоты, защищен магически. А технологи под клятвой живут, и охраняют их круглосуточно. Химия здесь и вовсе не развита, кроме алхимии разве что, которая к химии имеет отношение крайне отдаленное: начнет кто разбираться, как пироксилиновый порох сделан, — а он возьми да и сгори немедля. И взрывчатка бабахнет, ее тоже всего на паре заводиков делают, и тоже она под защитой. Хватило пришлым ума сообразить, в чем их сила.

Но частично аборигенные народы кое-что делали. Те же эльфы деревянные ложа заговоренные делали для винтовок. Которые, например, не давали стрелять из оружия никому, кроме владельца. Иные заговоры, по слухам, меткости прибавляли, но не очень верю. Это все к эльфам, а они и так стрелки необыкновенные.

А вот гномы прочно заняли рынок всего, что делается из металла и предназначено для улучшения. Им, с их любовью к железному делу и трудолюбием, не лень возиться с изготовлением штучного товара. Массовое производство чего-либо наладить им их философия жизненная не дает — мол, халтура получается, а если штучно… Специальные стволы тонкой обработки, усовершенствованные затворы, ударно-спусковые механизмы — все шло из подгорных мастерских. У меня не было, например, ни единой винтовки или ружья, чтоб на них не стояли какие-нибудь гномьей выделки детали.

Более того, именно гномы с удовольствием делали что-то по твоим чертежам, и отчасти за это я был там желанным гостем, потому что вечно с какой-нибудь новинкой лез. Любили они с чем-то новым повозиться. И гильзы для снаряжения винтовочных патронов у них самые лучшие были, считай, вовсе без допусков. Лично я только ими пользовался.

– Можно съездить, — согласился. — У меня вся неделя свободна. В понедельник могу сгонять, к четвергу обернусь. Только стимулируйте вразумительно, чтобы мне хоть бензин отбить за эту поездку.

– Тут не в цене дело: не хотим перспективного покупателя терять, — сказал Борода. — Сейчас гномьего товара ни у кого нет, а тут мы… Объявляй цену, короче.

Объяснять ничего не надо. Если они клиенту дадут тот товар, который никто больше достать не может, то он потом к ним возвращаться будет. Так что сейчас можно не за прибыль работать, а за репутацию. Им, в смысле, за их репутацию, а я все равно за прибыль. Свою.

– Пятьдесят золотом я должен заработать. За меньшее не поеду, у меня и так дела нормально сейчас, — выставил я свои условия.

Типа, хотите — соглашайтесь, не хотите — как хотите. Борода с Батыем согласились не торгуясь. Видать, и вправду нужный клиент у них. Ну а за полтинник золотом очень даже сгонять можно. День туда, день обратно, пару дней там. Годится. К тому же мне самому кое-что из гномьих запчастей прикупить не мешает, и вообще у меня там дела есть. И им кое-что отвезу, что у меня для такой оказии в подвале хранится. С чего ожидаю заработать куда больше этих пятидесяти.

Нам принесли горячее. Мне — котлеты, Батый заказал карасей в сметане, а Борода — свиную отбивную. К рыбе он относился с недоверием и за еду ее не считал. Даже в свое время, будучи в подпитии, предлагал Митричу переименовать «Царь-рыбу» в «Королевскую свинью». Но тот не согласился.

Графин с водкой вновь обежал круг над лафитниками, поделившись с каждым граммами полста прозрачной жидкости. Тому же Бороде принадлежала фраза: «Мясо без водки только волки едят».

– Ну давай за согласие! — объявил очередной актуальный тост Борода.

Опять все выпили, захрумтели соленьями. Борода, причмокивая, высосал соленый помидор, аккуратно подхватив его пальцами из большой глиняной, расписанной по краю немудрящим рунным орнаментом миски.

Котлеты из сомятины оказались на диво хороши. Нежные, с молодой картошкой в масле, пересыпанной мелко порубленным укропом, они прямо сами в брюхо просились. Пришлось налить опять — и опять выпить.

Постепенно мне уже захорошело. Я огляделся. «Царь-рыба» была забита народом под завязку: ни одного свободного места. Это не единственный трактир на Холме, есть еще и шашлычная «Казбеги», которой заправляет некто Заза Абашидзе, шашлычник и сын шашлычника, есть и пельменная «Сибирь», весьма неплохая, но с «Царь-рыбой» никто конкурировать не может. Ходят слухи, что у Митрича тоже таланты сверхъестественные прорезались, и все — кулинарной направленности.

Когда мы расправились с горячим и методично пили водку, закусывая солененьким и запивая морсом, к нашему столу подошли еще двое: длинный, худой, с висячими запорожскими усами и хитрым взглядом, и с ним маленький, круглый, с виду несерьезный, если не знать его поближе. Петро Попыйвода и Сема Колобок. Оба работали моими прямыми конкурентами, то есть были лицензированными охотниками. Всего в их команде пятеро, включая даже неплохого колдуна. Я с ними работал пару раз, так что отношения у нас были скорее дружественными. Да и не конкурент я им, одиночка-то. У них дела, у меня — делишки.

Колобок плюхнулся за стол, а Попыйводе места не хватило, и он пошел искать свободный стул. Тем временем к нам подошла Марина Ивановна, сразу поставила два стакана и две стопки дополнительно, положила вилки у миски с грибами. Мы заказали ей еще водки со льда и еще груздей. Колобок с Попыйводой уже ели в шашлычной и сюда зашли выпить. Вернулся Петро, неся над головой массивный стул. Поставил его с торца стола, бухнув об пол и почти перегородив проход. Борода разлил остатки водки из графина на пять рыл, как раз по полтиннику всем хватило. Морс уже выпили, но на него никто особо и не претендовал, закусывать взялись груздями.

– Слышал, ты приз от старосты Ручейного взял? — спросил Колобок, закусив.

– Ага, было такое дело, — кивнул я.

– И что оказалось?

Я рассказал то, что до этого рассказывал Бороде с Батыем. Петро покивал в такт моим излияниям, затем спросил:

– Как думаешь, откуда тварь взялась? Кто ее вывел?

– Не знаю, — пожал я плечами. — Сбежала от какого-нибудь колдуна. Мало идиотов? Чего только не выводят.

Действительно, такая беда, особенно с колдунами-недоучками и самоучками, случалась часто. Выучат несколько заклятий, начинают экспериментировать на каком-нибудь звере вроде пойманной дворняги, а потом сами оказываются с откушенной головой, а нам, охотникам в смысле, новую работу подкидывают.

Петро довольно точно описал монстра, которого я отвез в крематорий. Это меня заинтересовало.

– Паччиму знаешь? — спросил я, подражая одному знакомому торговцу арбузами, приплывающему с баржами в конце лета с низовий Волги.

– Паттаму, — передразнил меня Петро.

Он полез во внутренний карман черной кожаной куртки и достал оттуда пачку черно-белых фотоснимков. Цветная фотография, увы, из нашей жизни ушла, осталась в том мире, откуда нас сюда принесло. Протянул фотографии мне. Я взял их, быстро перелистал, вернул.

– Что скажешь? — спросил он меня.

– Откуда снимки?

– От верблюда. Мы прошлым месяцем в Старицу ездили на поимку твари, которая людей жрала, кто за стенами допоздна задерживался. Вот это… — потыкал он узловатым пальцем с выпуклым и толстым ногтем в верхний снимок, – …вот это она и есть. Похожа?

– Один в один с той, что я сегодня грохнул, — подтвердил я.

– А вот это… — Пальцы перелистали снимки и остановились на другом изображении подобной твари. – …Это из Михайловки. Мы там тоже подряд на отлов брали. Поймать не удалось, а завалить, как видишь, завалили, так что с твоей добычей их уже три получается. Будешь и дальше утверждать, что это результат неудачного эксперимента?

Я отрицательно мотнул головой:

– Нет, не буду. Это кто-то специально делает. Только вот зачем? Смысла не видно.

– Очевидного, может, и не видно, а скрытый смысл… он скрытый и есть, — сказал Колобок. — Кто делает, тот знает зачем.

– Логично.

А кстати, действительно интересно, кто такими безобразиями занялся? И кто послужил «исходным материалом» Для эдакой магической трансформы? Похоже, что кто-то гуманоидного типа, другое существо превратить в подобное было бы сложно. Все же передвигалась тварь на задних ногах, и обезьянье в ней явно проглядывало. Либо над обезьяной поглумился колдун неизвестный, что маловероятно, либо над человеком или иной человекоподобной расой. Тем же гномом, например.

– Петро, а дальше у вас по этим тварям какие-то дела есть? — спросил я.

– Нет. Их пока в один случай никто не связал. Но мы помаленьку над этим думать начали. Странно это все.

Это естественно, что сами думать начали. Все подобные случаи все равно на нашу голову свалятся. И не только в окрестностях Великореченска. Так сложилось, что самые лучшие охотники в нашем городишке проживают и заказы берут не только по Тверскому княжеству, но и из других. Охотники люди рисковые и все больше лихие, склонные к анархии, и для них такой шебутной городок, как наш, — самое лучшее место для жизни. И городку хорошо от нашего в нем присутствия. Это же север княжества, два Дурных болота неподалеку: кто здесь только не водится. Мы на город все больше бесплатно пашем, вместо налога, вот и получается, что окрестности у нас всякой дрянью не наводняются.

Я вот в городок этот из самой столицы, из Твери, два года назад перебрался. Обжился, привык и никуда уже отсюда не собираюсь. Жизнь тут как бы даже не богаче столичной, очень уж хорошо городок расположен, на слиянии всех торговых путей. Работы и заработка всем хватает. Кому больше, кому меньше, но нищеты у нас нет. Совсем. Весь берег пристанями, складами и лабазами застроен, да вдоль стены у Главных ворот тоже целое складское хозяйство. Товар течет отовсюду и всюду же расходится. Процветает Великореченск. Ну и столичные власти чрезмерной опекой не досаждают. Собирают налог, да и все.

Возле городской управы стоит еще домик двухэтажный, где от князя представитель живет, и с ним отделение жандармов. Их работа представителя охранять, налоговую казну — тут, на месте, и в дороге. А зачем ее охранять на месте, ежели ее хранят в подвале Первого Гильдейского банка, а там и охрана, и магическая защита, и чего только нет! И возят ее всегда с попутным военным кораблем, который поди захвати. Вот и бездельничают. Вон четверо из них за дальним столом сидят и лыка уже не вяжут. Сидят с тремя артиллеристами, кстати. Городским общинам свои пушки по закону не положены, их из столицы княжества присылают

с бойцами вместе. Вот и у нас в Великореченске стоит батарея из четырех бригадных гаубиц,[10] готовых стрелять, куда скажут. И при них, естественно, пушкари.

Впрочем, я и сам на звание первого трезвенника не претендовал. Наклюкался уже нормально, захорошело. Бороду с Батыем тоже пробрало. И Колобка с Попыйводой тоже придавило, по мордам видно. Надо или закругляться и идти домой спать, или перебираться в иное место, где и напиваться окончательно. Я бы лучше домой пошел, но, кроме меня, такая мысль явно никому в голову не пришла. Поэтому, когда все направились на Берег, я потащился следом, хоть и без особого желания. Вывалились на улицу, продолжая гомонить, направились в сторону ворот. Стемнело окончательно, на часах около одиннадцати было, зажглись редкие фонари.

В воротах Стены стоял уряднический «виллис» с мигалкой, в нем и возле него разместились трое урядников. Все с дубинками, пистолетами, в открытой машине в специальной пирамиде три помповика. Для городской заварухи — самое оно. Один из них, Митька Белоярский, был сыном моего соседа, владельца автомастерской, у которого я всегда машину чинил. Кстати, как раз пора подвеску шприцевать, шкворневая такого ухода раз в неделю требует. Мы поздоровались и прошли мимо.

Берег уже гудел. Вся набережная шумела голосами, пиликала музыкой из открытых окон, звенела посудой. Гуляли. Я бросил взгляд на хорошо заметные с этого места пристани. Так и есть, в город одновременно несколько караванов рекой пришло. У причалов стояли чуть не десяток барж, пяток небольших пароходиков, из которых два были пассажирскими, и несколько патрульных катеров. Понятно, почему такое столпотворение. И наверняка ведь навстречу караванам речным пришли караваны сухопутные. Сдать речникам свой товар и забрать у тех то, что привезли они. Это дело обычное. А что это еще значит? А значит это то, что без скандалов и мордобоя тут сегодня не обойдется. Больно уж народу много. А с пассажирскими пароходиками тоже кто только сюда не приезжает. И шулера заезжие, и бандиты, и ворье. А в одном из кабаков у нас так и наемническая биржа имеется Но насчет них пусть урядники с околоточным во главе мозгами шевелят. Мое дело за тварями лесными да порождениями болот гоняться.

Завалились мы в «Дальнюю пристань». Что это за заведение — сказать сложно. Самое близкое к истине название для него — кабаре. По крайней мере, тут и музыканты играли на сцене, и там же, время от времени, плясали девки невысокой степени потрепанности. Достаточно молодые, в общем, но все повально с невероятным мейкапом, делающим их в этом свете похожими на крепко оголодалых вампиров. Как-то не прижился мейкап из нашего мира в тутошнем. Его здесь «творчески» переосмыслили, и местные его версии выглядят подчас просто пугающе, особенно сценические.

Выступал тут как-то фокусник из Озерных баронств, но сейчас он второй месяц в принудительном порядке золотарем трудится — попался на карманничестве прямо в этом самом заведении. А чего от народа с Озер еще ждать? Там жулик на жулике.

А вот нумеров здесь не было. Девицы если и водили куда клиентов, так в гостиницу «Белый лебедь», что через дорогу. А в самом заведении — ни-ни, приличное место, как утверждал его владелец Степан Полузадов. Он даже по-быстрому не позволял, разгонял такие парочки, за портьерами пристраивающиеся.

---

[10] *Бригадная гаубица* – в данном случае подразумевается ГПБ-2 (гаубица полевая бригадная), буксируемое орудие калибром 105 мм. Разработана на основе советской 122 мм гаубицы М-30, которая изначально и проектировалась как 105 мм. За счет снижения калибра удалось значительно облегчить конструкцию без ущерба для надежности. Существуют ее самоходная и крепостная разновидности. Первая, ГБС-2 «Тур» (гаубица бригадная самоходная), монтируется на шасси трехосного бронетранспортера БТР-5 в открытой поворотной башне, но не может вести огонь с ходу — требуется откидывание дополнительных опор. Вторая, ГБК (гаубица бригадная крепостная), существует больше в виде проекта, потому что вооружение крепостей стационарной артиллерией экономически не оправдано. Ограниченное количество таких орудий поставлено гномам.

Еще в заведении подавали хорошее пиво, а если пришли караваны с низовий Волги, то и пиво наверняка появилось царицынское, свежее. Было желание попросить пивка, но после водки… В общем, заказали мы, чтобы не выпендриваться, опять водки. Столик достался неплохой: и плясуний видно, и весь зал, и сидим не на проходе. Повезло. Как раз мы вошли, а перед нами упитая в дым компания с него снялась, судя по разговору направляясь прямо в бордель. Иначе пришлось бы нам места ждать или в другое заведение топать.

Слева от нас, чуть поодаль, сидели четверо аборигенов из какой-то баронской дружины. У всех форма синего цвета с вышитыми гербами на рукавах, у всех пистолеты в кобурах. Родом они явно откуда-то с Южного моря, смуглые, горбоносые, волосы в хвосты затянуты. У каждого заколка с родовым гербом. А герб барона у них знакомый, это вар-Борен, от нас к западу двести верст сушей. Значит, наемники. Вар-Борены активную торговлю кожей ведут и типографию у себя открыли. Книжки печатают, все больше трагедии из эльфийской жизни — их дамочки покупают аж до самой Астрахани. В общем, из продвинутых аристократов, какие все дела только с пришлыми ведут.

Еще одна компания у дальней стены тоже заинтересовала. Это явно охрана барж. Один пришлый, главный вроде как, и с ним четверо аборигенов. Аборигены все из нордлингов, светловолосые, у каждого из-под круглой вязаной шапки по две косы выпущено, а в них вплетены нити с зубами убитых врагов. Один труп — один зуб. Принято у них так, в общем. И тоже все с оружием в кобурах.

Вскоре через столик от нас угнездилась еще одна компания. Среднего роста худощавый мужик с умным лицом и короткой стрижкой, в кожаной куртке, с каким-то колдовским амулетом на груди — я его излучение ощущал. С ним — два рослых и крепких парнюги, у каждого по кобуре на поясе. Заметно, что мужик главный, а эти двое при нем шестерят. Все из пришлых, аборигенов нет. Правда, активные амулеты у нас в городе к ношению запрещены, но это нарушение небольшое. Степенно сели, заказали водки и закуски. В общем, ничего необычного, похожи на колдуна по найму с подпевалами. Таким колдунам обычно работы хватает, они в любом городе нарасхват, вот зачастую многие из них чуть ли не годами путешествуют, следуя от одного заказа к другому.

Борода в очередной раз провозгласил тост, поэтому я от разглядывания новоприбывшей компании отвлекся. Обратил же я внимание на них снова, когда ощутил взгляд, взгляд был направлен не на меня, но кто-то на кого-то смотрел с такой злостью, что я почувствовал это всем позвоночником.

Я закрутил головой и заметил, что в дверях заведения, в тени, стоит еще один человек. Девушка лет восемнадцати с виду. Светлые волосы, коротко постриженные и растрепанные. Светло-голубые глаза. Ростом совсем невелика. Кожаная потертая куртка, крепкие ботинки из рыжей кожи, серые брюки с наколенниками и множеством карманов. Лицо разглядеть сложно, но, кажется, очень симпатичное. И взгляд исходит от нее. И направлен в спину тому, кого я счел странствующим колдуном.

Я перевел взгляд на компанию за столом. Шестерки глазеют на сцену, где под оркестрик девица в откровенном костюме с блестками пытается изобразить что-то напоминающее танец. А колдун только делает вид, что смотрит. Он взгляд уже поймал, и чувствую, что слегка подколдовывает. В какую сторону — непонятно, и пока в рамках допустимого, но…

Я толкнул ногой под столом Батыя, сидевшего ближе всех. Тот повернулся ко мне, и я глазами показал на компанию из колдуна с охранниками. Батый вопросительно поднял брови и одними губами спросил: «Проблема?» Я пожал плечами, подразумевая: «Все может быть». Не нравится мне этот напряг, который на моих глазах разворачивается. Не нравится, и все тут. Такие напряги без мордобоя не разруливаются, насколько мне известно. И это если на ситуацию с оптимизмом смотреть.

Вообще мне захотелось крикнуть девчонке в дверях, чтобы так на колдуна не таращилась. Такой взгляд почуять может даже корова, не то что человек, да еще и Силу знающий. Но крикнуть не успел. Прямо за спиной у девчонки появилась еще одна фигура, раза в полтора ее выше, и широкая, какая-то слишком бледная ладонь опустилась ей на плечо. Я ощутил, как искра Силы проскочила от колдуна к темной фигуре. И от нее сразу же к девчонке.

Я не умею различать заклятий, мой дар — лишь ощущать проявления Силы, не больше. Но заряд Силы, пролетевший сквозь накуренный зал, был неслаб. И, к моему удивлению, разбился вдребезги о нечто, вылетевшее ему навстречу. Девчонка-то оказалась тоже не слаба! И быстра! Ее противник, подошедший сзади, отшатнулся.

Развернувшись на каблуке, она впечатала тяжелый ботинок прямо в пах напавшей на нее сзади фигуре. Хорошо впечатала, я даже стук услышал. Фигура должна была после такого удара с криком и матом повалиться на пол, где и кататься потом, поджав ноги, но такого тоже почему-то не случилось. Однако девчонка освободилась от захвата, отскочила в сторону и вновь повернулась к колдуну с телохранителями.

Колдун сидел по-прежнему за столом, а вот шестерки вскочили, схватились за пушки. Это уже прямое нарушение наших законов. Носить пушки можно, но кто их первый обнажил — тот и преступник.

Мой револьвер тоже перескочил мне в ладонь, удобно улегшись выточенной специально под меня деревянной рукояткой. Я успел вскинуть оружие и выстрелить одновременно с одним из «быков», который тоже очень быстро прицелился в девчонку. Он промахнулся, та как-то защитилась, пуля ударила в косяк над дверью, а вот моя тяжелая пуля из «сорок четвертого» попала ему в середину груди, сбив с ног точно тараном и отшвырнув на перевернувшийся стол. Грохот моего выстрела перекрыл хлопок пистолета с большим запасом, а дульная вспышка осветила весь кабак.

Колдун понял, что дело запахло керосином, и выставил какой-то щит перед собой и вторым своим охранником. Нечто вроде синеватой вогнутой линзы образовалось между ними и мной. Его охранник успел выстрелить, но щит был двусторонним, и пуля ушла с визгом в потолок. Я же от выстрела успел удержаться, разглядев слегка искрящую завесу. Мало ли куда отрикошетит?

Еще одна вспышка Силы пронеслась мелкой дрожью по моему телу. Опять девчонка! А сильна! Ударила по щиту так, что тот разлетелся сиреневыми искорками. Я тут же выстрелил в телохранителя колдуна, того сбило с ног, но не убило — видать, в кирасе или бронежилете оказался, а пули у меня мягкие, не пробить им. Но мало все равно не показалось: тот свалился на пол и судорожно хватал воздух ртом.

Странный мужик вновь оказался за спиной девчонки и надвигался на нее шаг за шагом. И противник был какой-то… необычный, пожалуй. Не пойму чем, но что-то с ним было неправильно.

Мужик в кожаной куртке колданул уже сам, и все девчонкины экзерциции по сравнению с ним оказались детским лепетом. От потолка до пола проскочила голубая молния, разбежавшись по полу и распустившись в подобие перевернутого тюльпана. Колдун схватил за шиворот своего валяющегося телохранителя, с силой рванул к себе и затащил прямо в «тюльпан». И там они исчезли, а тюльпан свернулся, вновь ударил вертикальной молнией — и рассыпался в воздухе вместе с искрящим щитом.

Тем временем противник девчонки вновь схватил ее обеими руками. Вообще вел он себя как зомби, хоть таковым явно не являлся. Не пытался уворачиваться, не пытался отбиваться, а тупо пер напролом. И пер успешно. Прямо на моих глазах проворная блондинка опять пнула его в пах и ударила чем-то магическим, а ему хоть бы хны. Схватил за плечи ее так, что она заорала, и начал просто гнуть ее назад, как будто стараясь переломить.

Я прицелился ему в башку, но выстрелить не успел: прямо за спиной у странного громилы возник Борода и огрел того по затылку кулаком. Тут надо отступление сделать — Борода кулаком ломает лавку. В городе так умеет кроме него лишь околоточный. И если он кому по затылку прикладывает, хватает этого всегда, и с запасом. Но громила даже не покачнулся, а у Бороды глаза полезли из орбит от удивления. Но все же девчонку он спас. Громила развернулся, сгреб Бороду за кожаный воротник и, крутанув вокруг себя, запустил вдаль по залу. Тот пролетел до стены, врезался в нее так, что с окна рухнул карниз с вышитой занавеской, и повалился через лавку, выбыв с поля боя.

Следом за Бородой рядом со странным противником оказался один из нордлингов. Он на кулаки полагаться не стал, в воздухе мелькнула граненая гирька на широком ремне, висящем на запястье. Удар кистенем был быстрым и могучим, громко хрустнула кость, противник покачнулся — и тут же ударил нордлинга в грудь. И тот очутился рядом с Бородой, проскользив на спине по полу и раскинув ноги врозь.

Если уж ни Борода не сумел завалить противника, ни этот викинг с кистенем, то мне там в рукопашной делать нечего. И я нажал на спуск. Снова грохнула моя карманная артиллерия, и пуля угодила противнику точно в переносицу. И… опять ничего! То есть не то чтобы совсем ничего. Переносица провалилась внутрь, кровь брызнула во все стороны, но покачнувшийся противник даже не счел необходимым отвлекаться на меня, а направился следом за отбежавшей от него девчонкой.

Рядом захлопали частые выстрелы — Батый палил из своего длинного «кольта»,[11] но тяжелые пули только дырявили рубаху противника, тот и не дернулся. А шел и шел за блондинкой-колдуньей.

Колдунья запаниковала. Она как раз угодила в круг света, и я заметил, что губы у нее уже трясутся, а в глазах паника. Противник, иммунный к любой магии, насколько я понял, по-прежнему находился на линии огня, за ним никого не было, и я выстрелил вновь. Опять вспышка огня, отдача рукоятки в ладонь. Пуля ударила в затылок на этот раз — и уже не бесполезно: громилу швырнуло вперед, прямо на девчонку. Та взвизгнула и рванула в сторону, к выходу.

В отличие от колдуна порталов открывать она явно не умела. И прямо в дверях налетела на троих урядников. Двух обычных патрульных и саму Анфису Звереву, которые, видать, неподалеку от «Дальней пристани» были. А где им еще быть в вечер выходного дня? И Анфиса, и весь ее «бабский отдел» должен здесь надзирать за благонравием.

И тут девчонка сделала главную свою ошибку. Урядники этого не поняли, а я — понял. Я ее лицо видел. Она просто не сообразила, кто перед ней — ей любой врагом виделся, — и ударила по урядникам каким-то заклинанием. И таким, что тех на стенку отшвырнуло, и по стенке же они сползли, только кожаные фуражки раскатились. А вот Анфиса успела в сторону отпрыгнуть и ткнуть девчонку своей дубинкой с хитрым костяным наконечником. Вновь беззвучная вспышка, я почувствовал холод у позвоночника от разлетевшейся Силы, а девчонка свалилась на пол как подкошенная. А Анфиса навалилась на нее коленом сверху и быстро принялась заковывать в наручники.

Разбирались в «Дальней пристани» недолго. Приперся туда околоточный, Степан Битюгов с целой толпой урядников, прибыли в полном составе Анфисины помощницы из «бабского отдела». Отключенную магическим разрядом девчонку увезли в околоток, навесив на нее

---

[11] *«Кольт»* – почти точная копия знаменитого американского пистолета «Кольт М1911А1», производящаяся на Тверском Княжеском Арсенале (ТКА), только емкость магазина армейской модели увеличена на один патрон. Конструкция была выбрана из-за своей надежности, эргономичности и крупнокалиберного боеприпаса.45АСР с высоким останавливающим действием. Пистолет выпускается в трех вариантах: военном — со стволом 130 мм, полицейском — со стволом 105 мм и компактном — со стволом 95 мм. Возможно использование калибров: 10х23 мм (9 патронов в армейской модели и 8 в полицейской и компактной) и.45АСР (8 патронов в армейской версии и 7 в полицейской и компактной).

на специальных ремнях амулет «Внутренний щит»,[12] не дающий колдовать и вообще лишающий такой способности не менее чем на пару недель. Аукнется ей эта ошибка с урядниками, да не только лишением способностей. Знание местных законов, и к тому же Анфисиного нрава, мне это подсказывает.

Убитый мной телохранитель незнакомого колдуна ничем нас не поразил. От него остался револьвер «чекан» царицынского завода калибра «триста пятьдесят семь магнум» — самое распространенное ручное оружие в этом мире — да амулет от морока. Больше ничего. Немного денег в карманах. Напавшего же на девчонку здоровяка с почти разнесенной двумя «пустоголовыми» пулями башкой увезли с дежурным колдуном, за которого сегодня был некромант Василий Березин. Вот и все в общем-то.

Урядники, сбитые с ног молодой колдуньей, очухались быстро. Заклинанием она по ним била, к счастью, не смертельным, а обычным «толчком», который бросил их на стенку. Сообразила в последний момент все же. Другое дело, что урядников и «толкать» тоже не положено, так что девчонка вкапалась в неприятности по полной программе. До тех пор, как она это сделала, могла отделаться мелким штрафом за хулиганство, все же самооборона налицо, но вот «толчок» был лишним. Хоть и не покушение, но нападение на «находящихся при исполнении». В Великореченске такое не прощается.

Борода очухался еще быстрее, чем урядники, но медленней, чем нордлинг с кистенем. Ему, как и северянину, одного удара башкой в бревенчатую стену явно недостаточно, чтобы всерьез отключиться. Шишка у него на лбу выросла почти за секунду, но он к ней пистолет приложил. Вскочив на ноги, сразу же бросился к столу. Налил себе водки, закусил, после чего уже произнес первые слова: «Ну ваще…»

– Что «ваще»? — уточнил я у него, запихивая патроны в барабан и движением кисти возвращая его на место.

– Как будто с памятником подрался, — объяснил Борода. — Только кулак отбил.

С этими словами он потер кулак другой рукой. Я ему поверил сразу. Видел, что из драки получилось. А вот как получилось? Это интересно. Что с этим мужиком неправильно? Я даже было подумал, что он мертвяк, но — нет. Мертвяка видно сразу, его все равно Сила держит, а этот был «пустой». Сила, скорее, в него как в яму проваливалась и исчезала. Такого я пока еще не видел. Поэтому задумался. А еще мне показалось, что от подстреленного охранника магией потягивало. Чуть-чуть, почти незаметно, даже не поручусь, что не ошибся.

– Выпьешь? — спросил Батый, протягивая стопку.

– Не, — отказался я. — Достаточно на сегодня.

У меня в голове, в самом дальнем углу мозга, зародилась какая-то мысль, которую я сам пока никак не мог сформулировать. Что-то, что создавало ощущение некоего беспокойства, но ухватить эту мысль за хвост не получалось. Как будто увидел знакомое лицо в толпе, но откуда оно знакомо, понять не можешь. Мучился, мучился да и решил, что хватит на сегодня приключений. И пошел домой.

---

[12] *«Внутренний щит»* – относится к так называемым «спецамулетам», используется полицией, всевозможными стражами и спецотрядами специально для ареста колдунов. В среднем, сутки ношения «Внутреннего щита» лишают какой-либо способности колдовать как минимум на неделю, чаще всего — на две недели или больше. Иногда к ношению амулета приговаривает суд, и год с таким амулетом на шее делает колдуна обычным человеком пожизненно, возможность управлять Силой не возвращается никогда. В законодательстве Тверского княжества такого приговора нет.

Глава 2,
в которой герой неожиданно для себя отдает честно заработанную премию и обзаводится крайне нелюбезной спутницей

Разбудил меня с утра большой механический будильник, колотивший своим молоточком по двум хромированным чашкам звонков. Будильник был огромным, гномьей работы, мне его в Серых горах подарили, когда я пожаловался на то, что редкий шум способен нарушить мой утренний сон. Мне тогда пообещали, что звук этого будильника способен, — так и оказалось. Я вскочил почти мгновенно. К моему удивлению, похмелья никакого не было, хоть и выпили много. Повезло. По плану у меня сегодня банный день, суббота — как ни крути, но к бане тоже надо подготовиться.

Перекусив на ходу парой бутербродов с колбасой и выпив чаю, я завел «копейку» и выехал со двора. И порулил прямо к Берегу, а еще точнее — на рынок, что у пристани. Дело меня вело туда важное и ответственное. Пиво у меня почти закончилось, вот и вознамерился я заново наполнить ведерный деревянный бочонок с краном. Бочонок был непростой, на нем по кругу были прибиты медные бляшки со знаками заклятия сохранности. Налей в такой бочонок пива, и оно так и останется всегда холодным и невыдохшимся, даже если ты его с собой в парилку затащишь. Очень полезный бочонок, он мне в свое время в немалые деньги обошелся. Я теперь без него бани не мыслил.

С утра наладился накрапывать мелкий дождик, и я натянул над кабиной брезентовый тент, прикрывающий ее сверху. Капельки дождя барабанили по нему, настраивая меня почему-то на меланхоличный и расслабленный лад. Под колесами плескались небольшие лужи в колеях, на улицах было почти безлюдно. Выходной день вкупе с дождем разогнали всех праздных по домам. Всего пару раз я махнул рукой знакомым прохожим да еще разок раскланялся с водителем встречного «козла».

Проехал через ворота в Стене, делящей городок на Холм и Берег, выкатил на площадь. И был остановлен властным взмахом руки старшей урядницы Анфисы Зверевой.

Даром что ни ростом, ни крепостью сложения она не блистала, но авторитет ее в городе был непререкаем. С чего так? Да вот вышло как-то, что ограбила одна залетная банда броневичок, который вез в Серые горы гномам деньги за товар. Шарахнули в двигатель из гранатомета, перестреляли пятерых охранников почтовой стражи, взяли сундук с золотом — и рванули оттуда. Причем рванули по уму: сундук вскрыли на месте, золото поделили на части, навьючили на лошадей и лесом уходили. Часть из бандитов была аборигенами, да еще из Лесного края родом — погоняйся за ними. И вышло так, что преследовать банду из десяти человек взялись всего трое урядников, одним из которых тогда еще совсем молодая Анфиса и была.

Банда оказалась матерой. Они оставили засаду на своем пути отхода, куда урядники и угодили. Оба товарища Анфисы были убиты в первую минуту боя, равно как и все лошади. Сама же Анфиса схоронилась за конским трупом, отстрелялась из своего СКС-М, сумела перебежать в заросли, скрыться, оторваться от преследования. На нее махнули рукой, а зря. Она не убежала, а пошла следом.

Все подробности ее двухдневной погони рассказывать не хочу — скажу только, что четверых бандитов она застрелила, а остальных умудрилась прижать огнем в овраге, где их и накрыла совместная погоня полуэскадрона драгун из Тверской дружины и гномьего малого

хирда.[13] Бандитов потом перевешали в Твери, а начинающий урядник Анфиса Зверева получила княжескую медаль «За храбрость», и городской совет присвоил ей звание старшего урядника.

А на вид ничего особого в этой тридцатилетней женщине и не было. Среднего роста, худощавая, темные волосы собраны на затылке в хвост, черты лица правильные, но вполне обычные, губы всегда плотно сжаты. Впечатляют разве что глаза, чуть вытянутые к вискам, что-то среднее между эльфийскими и азиатскими. Есть в Анфисе все же какая-то «не пришлая» кровь. А может, и нет…

Я притормозил, заглушил мотор. Выпрыгнул на дорогу, откинул капюшон штормовки и поздоровался с Анфисой за руку. Она сама так всегда со всеми здоровалась. Ладонь у нее было небольшая, но очень крепкая.

– Привет. Чего хотела? — спросил я.

– Зайди ко мне, вопросы у меня по вчерашней драке, — ответила она.

Мы вошли в двухэтажное здание околотка мимо сидящего на скамейке караульного, прошли по коридору до глухой массивной двери. Анфиса толкнула ее, и мы оказались в «бабском отделе». Сейчас там никого не было. Анфиса сняла кожаную «комиссарку» с гладко зачесанных волос, бросила на стол, а затем сама же на этот стол уселась, упершись в соседний затянутой в высокий кавалерийский сапог ногой.

– Сашка, расскажи, как вчера там все было, в «Дальней пристани»? — спросила она.

– А при чем тут твое «бабье царство»? — Я удивился.

Обычно такими расследованиями другие занимаются, чаще всего околоточный. Все же стрельба, трупы. А ее отдел все больше на кражах да нравственности специализируется.

– Битюгов мне поручил, — сказала Анфиса. — Живая-то одна девчонка — она у нас сидит, в колдовской камере. Убить она никого не убила, сейчас решают, как с ней быть, под суд ее или в административном порядке? Ну и расследование вместе с ней мне досталось.

Так… Интересно. Девчонке достанется по-любому — что судом, что «в административном». Анфиса — баба упертая, и у нее есть правило: никаких нападений на стражей законности не прощать. А мне, если честно, девчонку жаль, потому что на самом деле реальной вины я за ней не видел. Она сначала защищалась, а потом просто не узнала урядников с перепугу. Поди узнай в такой кутерьме. Пусть она мне и незнакома и до ее судьбы мне дела нет, но все же…

– И что ей будет? — спросил я.

Анфиса пожала плечами:

– Если до завтра решу дело судье не давать, то будем карать в административном порядке. В понедельник всыплю ей сотню — и пусть гуляет, куда хочет, если встанет. А что судья решит, если к нему отправлю, — без понятия.

– Анфис, так не за что ее так… — вкрадчиво сказал я. — Несправедливо будет.

– Это с чего? — поразилась Анфиса.

Я никогда в общественных защитниках ничьих прав не числился, да и все знали, что если Анфиса чего решила, то уж точно не свернет. Ситуация возникла, мягко говоря, нетрадиционная.

– С того, что самозащита это была.

– Так, самозащитник! — пристукнула урядница ладонью по столешнице. — На урядников она напала? Напала, Без намерения убить, правда, так ее ни в чем таком и не винят. Что в городе за такое полагается? Ты бы уже дерьмо качал четыре месяца, а девки мне на расправу попадают. Магию она применяла? Свидетели говорят, что применяла. В драке, то есть не насморк лечила и не фокусы детишкам показывала. Что за это полагается? Сто золотых штрафа, если попалась в первый раз. Но денег у нее нет, это я уже выяснила. Что в ином слу-

[13] Малый хирд — боевое подразделение гномьего войска.

чае? Опять пороть полагается. Все вместе выходит на двести горячих, да в два захода, но я ей, по доброте своей, в два раза дозу уменьшу. Что еще? Где я не права?

– Анфис, кругом ты права, но… и кругом неправа. — Я поднял руки в защитном жесте, упреждая ответную гневную речь. — Вообще неправа даже. Ты ведь дар мой знаешь, верно?

– Силу чуять? Знаю, — кивнула она.

Про эту мою способность, в отличие от умения ловить взгляды, знали многие. И многие ей доверяли. На это я и рассчитывал.

– Вот я и почуял. Девчонка не первая к Силе прибегла: начал тот колдун, что в портал ушел. Причем с такой силой, что она с перепугу света белого невзвидела, — чуть усилил я свои собственные впечатления.

– А люди говорят, что колдун только щит поставил, а потом в портал ушел, — отрицательно покачала головой Анфиса. — Все видели.

– Все видели, да не все чуяли, — возразил я. — Первое заклятие от колдуна пошло через того громилу, которому я башку разнес. Он под управлением был. Колдун его на девку спустил — отбивайся, мол, милая, а сам в портал ушел.

Анфиса задумалась. Затем спросила:

– На Правдолюбе поклянешься?

– Поклянусь.

Тут я душой не покривил. Может, я чуток и приукрасил, но от правды не отступил. А Правдолюб… Тут дело такое: если клянешься на этом красном камне, но умышленно лжешь при этом, то руку, что на нем лежит, по запястье сожжет мгновенно. Поэтому такое свидетельство в расчет принимается со всей серьезностью. Другое дело, что ежели человек не врет, а заблуждается, то и Правдолюб его не тронет.

– Все равно ее отпустить нельзя, — помотала головой Анфиса. — Урядников никто ей не спишет. Оба потом к лекарю ходили. Сто горячих — и пусть гуляет.

– Анфис, да она испугана так была, что не то что урядников, она бы отца родного не разглядела! Ты сама понимаешь, как оно бывает в драке. Кулаками машешь, а тут кто-то прямо под руку. Ну и дашь в зубы, не разглядев. Дело житейское.

Анфиса вздохнула, как будто подчеркивая, как же ей трудно общаться со мной, непонятливым.

– Это твои зубы — дело житейское, а урядничьи зубы под охраной закона, — сказала она с расстановкой. — Дашь мне в зубы, не разглядев, — пойдешь дерьмо откачивать. На четыре месяца. Протоколы есть. Отпускать нельзя. Можно или судить, или под мою ответственность отдать.

Анфиса зачем-то заглянула под стол, затем выдвинула и задвинула обратно один из его ящиков. Потом разозлилась непонятно на кого.

– Да не развалится она от одной порки! — заявила. — У нас такие каждую неделю через «баньку» проходят, и никто не помирает. Эта молодая, зверствовать над ней не будем — так, выдерем для острастки. Вон половина бордельных девиц уже там побывала.

С этими словами она махнула рукой куда-то в сторону Берега. Тут уже я вздохнул, сетуя на Анфисину непонятливость:

– Анфис… не мешай ты контингент свой бардачный с обычной девчонкой. Привыкла всех одним аршином мерить, понимаешь… Не видно разве, что она не из таких? Те все больше из аборигенов, у них розги — вариант нормы, сама знаешь, какие законы в их государствах. Им плюнь в глаза — все божья роса, а эта, не дай бог, еще руки на себя наложит. Она же из пришлых, сама видишь. Лучше уж оштрафуй ее, это же в твоей власти. Так?

– Нет у нее денег, — заявила Анфиса, вздохнув.

– Сколько, сотня штрафа?

– Сто пятьдесят, — покачала она головой. — Могу скостить половину штрафа за урядников и половину за колдовство. Так что сто пятьдесят, а было бы триста.

– Я заплачу, — сказал я и сам обалдел.

Я и сам не понял — как у меня такое вырвалось? У меня всех денег свободных сейчас как раз сто пятьдесят золотом, ну еще рублей пять — семь сверху. Даже на пиво и бензин до Серых гор теперь не хватит. Что это со мной? На жалость пробило? Так это точно не про меня…

– А тебе-то зачем? — не меньше моего поразилась Анфиса.

Я задумался. Все же что-то здесь не так… Не зря мне интуиция подсказывает, что надо девчонку выручать… И не жалость тут главное: я вообще не жалостливый. Хотя девчонка молодая совсем, все-таки жалко. Симпатичная…

– Если честно, то не знаю, — ответил я. — Считай капризом, и все такое. Закон ведь не нарушаем?

– Нет, ни капли, — покачала она головой, подумала секунду и кивнула: — Хорошо. Когда деньги внесешь?

– На Правдолюбе-то надо клясться? — изъявил я готовность.

– Нет. Я тебе верю. Говори: когда деньги привезешь?

– Хоть сейчас.

– До завтра терпит. Все равно Степана нет, а отдавать их ему надо. Пошли к твоей добыче, — вздохнула Анфиса и встала из-за стола.

– Сейчас отпускаешь? — удивился я.

– А чего тогда ее держать? Напугаю только, чтобы совсем жизнь малиной не казалась, и отпущу.

Она встала со стола, и я, схватив ее за плечи, дважды быстро поцеловал в щеки, после чего увернулся от оплеухи:

– Милосердная ты моя!

– Сашка! — аж взвилась Анфиса. — Ты когда-то так доиграешься! Дам в морду — будешь знать!

Через минуту в комнату вошли еще две урядницы. Обе молодые, крепкие деревенские девки. Из пришлых, фермерские или купеческие дочки. Их имен я не знал. Анфиса скомандовала им: «За мной», и они втроем вышли из «бабского отдела». Одна дверь вела в коридор с камерами, а в конце короткого коридорчика была вторая — как раз в пресловутую «баньку».

В «баньку» заходить мне доводилось, хоть и в «свободные от использования» дни. Когда с Анфисой надо было наедине поговорить, а в отделе кто-то сидел, она всегда туда уводила. Так что тамошний интерьер мне известен. Просторная комната была почти пуста, лишь в середине стояла массивная лавка с ремнями, к которой привязывали жертву. На стенках висели «наказательные орудия», излишним зверством, впрочем, не поражающие, в ведре пучком торчала целая связка розог. В уголке стояла невысокая конторка, на которой лежал какой-то гроссбух, еще одна лавка, для сидения, вытянулась вдоль стены. Интерьер простой, и свободы толкования его назначение не предоставляет, хоть до камеры пыток среднего барончика ему по устрашительности далеко. Вот там — это да, там высшее искусство живодерства.

Сейчас Анфиса нарушительницу туда заведет, объявит ей свой приговор, ту разложат — и в последний момент объявят о замене наказания телесного наказанием финансовым. Это у нее тоже обычная практика.

Минут через пятнадцать дверь в отдел распахнулась, и в сопровождении урядниц появилась давешняя девица-колдунья. В одежде заметен беспорядок: явно одевалась в спешке, от «колдуньи» тоже ничего не осталось — «Внутреннего стража» с нее со вчерашнего дня не снимали, так что не колдовать ей теперь долго. Анфиса показала ей на один из стульев, а одна из ее помощниц подтолкнула арестованную к указанному месту.

Я присмотрелся к нарушительнице порядка. На вид лет восемнадцать, не больше. Волосы растрепаны, лицо хоть и зареванное, но очень хорошенькое. Голубоглазая, полные губы, курносый нос. Выражение лица — смесь облегчения с недоумением. То, что бить не будут, замечательно, но вот почему?

– Мария, — обратилась к ней официальным тоном Анфиса, — вот человек, который выступил за тебя поручителем. И платит штраф.

Она показала кивком в мою сторону. Я чуть поклонился Марии. В глазах у нее появился оттенок недоумения — она меня явно не узнала, что и немудрено, впрочем. Откуда ей меня помнить?

– Он выплачивает за тебя штраф в сто пятьдесят рублей золотом. Это понятно? — продолжила речь урядница.

– Понятно, — кивнула Мария.

– Хорошо. Теперь, по закону города и округа Великореченск, ты ему эти сто пятьдесят рублей должна. Ты не имеешь права покидать город без его официального разрешения до тех пор, пока долг не будет выплачен или снят с тебя лично кредитором и в установленном порядке. Это понятно?

– Понятно, — опять кивнула девчонка.

– Тогда протяни сюда левую руку.

С этими словами Анфиса достала из ящика стола короткий деревянный жезл с округлым гранитным навершием. Девчонка протянула руку, Анфиса коротко ткнула камнем ей в ладонь. Легкий укол Силы в комнате. Все, теперь на девчонке появилась метка, которая не позволит пройти ей через ворота, не вызвав тревоги. Не абсолютная гарантия того, что она останется в городских пределах, но и немалая.

– Все обвинения с тебя сняты, ты следуешь за поручителем. Наше дело теперь сторона, договаривайтесь сами, — подвела Анфиса итог разговору.

В общем, через пару минут мы оказались с моей неожиданной должницей и главной статьей расходов у машины. Она явно меня дичилась, смотрела с подозрением. Я показал ей на пассажирское сиденье «копейки». Она кивнула и ловко заскочила в кабину, ухватившись за поручень. Я обошел машину и вскарабкался слева.

– Тебя как лучше называть — Мария или Маша? — спросил я.

– Все равно, — буркнула.

– Да не бойся ты, — сказал я. — Ты меня не разглядела просто. Я тот, кто вчера застрелил того мужика, что тебя сломать пытался.

– Да? — Она явно заинтересовалась, но немного. — И с чего сегодня такая щедрость?

– С того, что жалко тебя стало. Анфиса драть умеет, после такой порции ты бы прямо в больничку переехала. Вот и попросил заменить штрафом.

Она посмотрела на меня с недоверием. Хмыкнула. Не поверила.

– И чем я тебе буду долги отдавать?

– Не знаю, — пожал я плечами. — Так далеко я не думал. Для начала расскажешь, что там произошло. Или наколдуешь что-нибудь.

– Наколдую… через год, — усмехнулась она. — Недели две-три мне не колдовать. А тебе, кстати, какое дело до моих проблем? Что рассказывать?

– А интересно, — ответил я. — Да и должок отдавать надо, а то ты так из города по гроб жизни не вырвешься. А рассказывать… Ну про колдуна этого с порталом. Про тварь, что тебя удавить пыталась. Про многое.

Она промолчала. Впрочем, молчать ей удалось не больше минуты, после чего она сама спросила:

– Куда едем?

– На базар. Я вообще-то туда с утра и ехал, в околоток случайно попал. Ты откуда сама?

– Из Царицына.

– Ого, куда занесло! — искренне удивился я. Действительно не ближний свет. Даже если и на «Ласточке», а быстрей ее парохода нет, все одно не один день. Она промолчала. Я тоже замолчал. Так в молчании до рынка и доехали.

– Пойдешь со мной или подождешь здесь? — спросил я свою новую спутницу.

Та задумчиво смотрела на пришвартованные к причалам баржи, возле которых суетились грузчики и крючники из аборигенов.

– Даже не мечтай, — сказал я. — На выходе всех проверяют. Тогда точно сдадут Анфисе, мне деньги вернут, а тебе двойную порцию пропишут.

– А ты и рад? — спросила она не слишком логично.

– Чему? — притворно удивился я. — Что за тебя сто пятьдесят золотых выложил, все, что за последнее время заработал, и при этом понятия не имею, стоило ли оно того? Ты бы лучше убедила меня, что стоило.

– Отработать, что ли? — с напускной грубостью спросила она.

– И без тебя найдется. Информация мне нужна. Ну так что, ждешь здесь или идешь со мной?

– Пошли, что ли… — вздохнула.

Мы выбрались вдвоем из машины и направились в лабазный ряд. Рынком как таковым это место не было, здесь все больше держали свои склады да лабазы крепкие оптовые торговцы, ну и попутно торговали с них, из пристроенных лавок. Именно этот лабазный ряд и был причиной процветания нашего славного городишки. Со всех сторон и земель, окружающих Тверское княжество, везли сюда товары. И купить здесь можно было что угодно. В том числе и хорошее пиво. А заодно и еду.

– Маша, ты когда ела? — спросил я, перехватив ее взгляд, направленный на висящие в мясном ряду окорока.

– А что? — с подозрением спросила она.

– Да ничего. Когда? — пожал я плечами.

– Вчера с утра.

– В околотке не кормили?

Она отрицательно мотнула головой:

– Нет. Вчера уже поздно было, а сегодня — еще рано.

– Ну тогда дома перекусим.

– Дома? — с подозрением переспросила она.

– А где, по-твоему? — слегка возмутился я. — Я и так без денег остался, на твой штраф все спустил, так чем я тебе гостиницу оплачивать буду? Или у тебя где-то под забором клад зарыт? Займешь пока одну комнату, а как деньгами разживусь, тогда посмотрим. Тем более что послезавтра уеду на неделю.

Уехать теперь точно придется. Пока еще раздумывал, браться за работу или нет, но теперь, как говорится, двух мнений быть не может. А то зубы на полку. И аванс требовать придется, но это не страшно: Борода не откажет. А затем уже поездка должна дела поправить.

Она промолчала, поджав губы, но и возражать больше не стала. Не то чтобы согласилась, а просто отложила генеральное сражение за независимость на потом. Мысленно проводя в голове несложные арифметические подсчеты, я прикинул, на что я еще тяну из еды — так, чтобы на понедельник на бензин осталось. И на переправу. И товары кое-какие для поездки закупить. Выходило, что особо размахиваться не стоит. Тем более что мне теперь эту спасенную от внесудебной расправы Машу на время моего отсутствия тоже снабдить провиантом придется. А про то, что она меня дождется, это я уже решил заранее. Так просто не отпущу. Почему? Считайте интуицией. Есть за этой девочкой какая-то тайна, а тайны такого рода часто прибыль охотникам сулят. А также возможный печальный конец.

Глава 3, в которой герой парится в бане и размышляет, а заодно обнаруживает, что у его новой подружки хороший аппетит

Колдунья, временно недееспособная в качестве таковой, Маша оголодала. Потому что, пока я жарил мясо с картошкой и грибами на сковороде, она умяла целых три бутерброда с чем попало, после чего подчистила свою немалую тарелку с основным блюдом до зеркального блеска. Пока мы в полном молчании ели в доме, баня топилась вовсю. Пива я все равно налил полный бочонок, потому что иначе и баня не баня. Гостья моя в сторону бани поглядывала, но поскольку я помалкивал, то и она ничего не спрашивала. Ну и умница. Я ее и не приглашаю, потому как в бане люблю париться, а не убеждать посторонних девиц, что никаких планов на их прелести не строю. Дома пусть сидит.

Единственное, что она сказала, когда зашла в дом, так это фразу: «Зачем тебе столько?» Относилось это к моей оружейной пирамиде. Пришлось рассказать, кем работаю. Кажется, это даже чуть прибавило ко мне уважения, или она о чем-то задумалась.

После обеда и питья чаю я проверил, протопилась ли баня. Дрова и угли прогорели, каменка была раскалена, запаренный в ведре дубовый веник благоухал на все окрестности, так что можно было приступать к любимой процедуре. Я прихватил бочонок и деревянное блюдо с тонко нарезанным вяленым и острым мясом, называемым бастурмой, которое приходило в наш город с низовий Великой.

Баню я люблю. Даже не просто люблю, а люблю нежно, самозабвенно, всеми силами души. Нет для меня способа лучше провести субботний день в городе, чем закатиться в нее до вечера, зайти в парилку не знаю даже сколько раз, пропариться до самых костей. После хорошей бани ты как заново родился. И самое главное — нигде так не думается, как в парилке. Наверное, мозги от тепла быстрей работают. Вот и сейчас я пришел в предбанник, шлепая себе по пятками плетеными тапками, завернувшись в свежую, накрахмаленную, только из прачечной, простыню. Заглянул в горячее нутро парилки, потянул носом ароматный воздух. То, что надо. Раскинул на полке простыню, поддал ковшом на каменку. Охнул от жара окутавшего меня облака — и развалился, забравшись на полок. И задумался.

Так все же — что такого общего между вчерашней дракой в «Дальней пристани», моими обязанностями охотника и чуть не выпоротой молодой колдуньей, недружелюбно ко мне настроенной и оказавшейся у меня в должниках аж на сто пятьдесят рублей золотом? Что вчера произошло? Если по порядку?

Если по порядку, то с утра я завалил ту самую тварюгу которая чуть не… Стоп! Которую я совсем не ощущал поблизости! Хотя тварь была магической, а магию я всегда чувствую. Я поэтому и беру заказы на выколдованных тварей: им от меня не спрятаться. И только второй мой дар, «чувство взгляда», спас меня. А тот здоровяк, что пытался переломить пополам нашу неудачливую малолетнюю волшебницу, тоже был таким же по ощущению. «Пустой». Как будто замкнутый сам на себя, но при этом тоже под магическим же управлением! Вот оно что! И управлял им колдун, за которым колдунья Маша следила. И не сообразил я сразу всего этого потому, что вспоминать пытался все, со мной произошедшее по приезде в город, а надо было с охоты начинать!

Я аж вскочил на полке. И что это мне дает? И что может дать? Смысл всего в том, что выведение магических тварей, равно как и управление ими, и науськивание оных на обывателя есть преступление серьезнейшее, для виселицы. А раз связано с магией и чудовищами,

то как раз по охотничьей части. Но пока наград никаких за голову колдуна не предлагается. И отлова таких вот здоровяков, как тот, которому я башку прострелил, никому не требуется. Но в любом случае любая тайна чего-то стоит. Знать бы только, для кого. И для чего я сто пятьдесят кровных рублей потратил? Только чтобы кормить недружелюбную девицу?

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе с целью не дать той родить мышь. А родить надо розыск с премией за голову. С большой желательно, с княжеской.

Что можно узнать дополнительно? Можно пойти к некроманту Ваське и у него выспросить, что ему с трупов убиенных злодеев удалось вытрясти. А он скажет? А это как спросим. И отношения с Васькой у нас нормальные, особенно после того случая, когда убиенный брат у мужика разупокоился. Можно даже сказать, подружились мы с тех пор. Вот Васька как раз, может, чего и скажет. Что еще?

А вот из кого все же могли сделать ту тварюгу, что на меня поохотиться решила? Привезли «исходный материал» издалека? И почему все эти твари, которых уже три было, крутились каждая в определенном месте? Может быть, из какого-нибудь местного, пропавшего без вести, их изготовили? А почему бы и нет? Версия шаткая, но имеет право на жизнь. Ну да ладно, сейчас не о них речь, тут пусть Попыйвода с Колобком голову ломают.

Кто может отследить портал? Любой хороший колдун, кроме некроманта, каких у нас в городе аж четверо, но только если начнет это делать в ближайший час после того, как портал закрылся. Во время открытия портала он сможет с точностью до метра отследить, а после закрытия с каждой минутой точность падает. Но можно будет сказать, например, к Торжку направлен портал или, скажем, к Твери.

Телохранитель еще колдуновский убитый имеется. По содержимому карманов мы ничего о нем не узнали, но опять же наш городской некромант мог накопать больше. Или медиуму заплатить… Ага, заплатишь тут медиуму. Как же. За вызов духа Валентина Кабакова медиумша наша не берет меньше сорока рублей. А у меня что останется после уплаты штрафа — курам на смех. Так что фокус с медиумом не пройдет.

Ладно, зачем размышлять без толку? Все равно ничего умного сам не придумаю. К тому же пар уже из парилки выживает. Соскочил с полка, выбежал в предбанник… и обратно забежал. А она-то что здесь делает? Старею. Не слышал в думках своих, как ведьма эта новоприобретенная в баню пришла. Сидит, в простыню завернувшись, и пиво из моей кружки пьет. Нормально, а? Как будто так и надо. Я влетел обратно в парилку, завернулся в промокшую от пара и моего пота простыню, выскочил назад в предбанник. Щелкнул выключателем, и в пристройке к предбаннику включился душ, в который насос качал ледяную колодезную воду. Проскочил мимо малолетней колдуньи, с явным удовольствием уплетавшей мою бастурму, схватил с крючка полотенце и убежал. Теперь остыть — первое дело, а с этой попозже разберемся.

Попозже, впрочем, тоже произошло с задержкой. Вошел в предбанник, а ее там и нет. И возня из парилки доносится. Я плюхнулся за стол, достал с полки еще одну глиняную кружку и налил себе. Хорошая штука этот бочонок зачарованный, пиво в нем как с ледника. Отхлебнул, подцепил двумя пальцами с тарелки ломтик тонкого огненно-острого мяса, запил пивом. Хорошо!

Колдунья в парилке долго не продержалась: минут через пять вылетела с ошалевшими глазами. Натопил и пару нагнал я там под себя, непривычный человек долго не продержится. Хе-хе. Завернутая в простыню, пролетела она мимо меня, хлопнула дверь, и я услышал, как полилась вода. И сразу донеслось повизгивание — вода ведь ледяная. Вновь дверь в предбанник распахнулась со стуком, гостья моя вошла, завернувшись в простыню до подмышек. Схватила с лавки вторую, начала вытирать ею короткие волосы, начисто изведя мой запас сухих «оберток».

Теперь уже я, играя роль гостеприимного хозяина, налил ей пива, бухнул кружку перед ней на стол.

– Ага, спасибо, — кивнула она и вновь потянулась за бастурмой.

У меня мелькнула мысль, что, пожалуй, я это симпатичное создание прокормить не смогу. Несмотря на юный возраст, полудетское лицо и даже несколько субтильное сложение, есть она была готова постоянно. По крайней мере, бастурма исчезла с блюда очень скоро, я едва успел схватить себе еще кусочек.

Ладно, будем считать, что колдунья у меня уже освоилась как дома. И ей от этого хорошо. А как насчет того, чтобы поделиться знаниями с гостеприимным хозяином? А также с самоотверженным и щедрым человеком, не пожалевшим честно заработанных денег для того, чтобы отвести страшную угрозу от ее нежной попы?

– Вкусно! — оповестила меня Маша, после того как прожевала последний ломтик бастурмы, и показала большой палец. — А я никогда не покупала раньше, дурында.

– Спасибо! — сказал я, сделав вид, что польщен.

Она кивнула, показав, что оценила мою признательность, и вернулась к молчаливому питью пива.

– Ты куда собираешься ехать? — вдруг спросила она меня.

– В Серые горы, к гномам, — немножко удивился я вопросу. — А что?

– Да так, ничего, — пожала она плечами. — Удивляюсь просто. Сам куда-то намылился, а меня в доме бросаешь. Не боишься, что обворую?

– А что у меня воровать? Если только сам дом разберешь да как сруб на вывоз продашь, — усмехнулся я.

Странно было бы, чтобы кто-то покусился на мое небогатое имущество. Ценного-то у меня и было всего, что машина да оружия несколько стволов. На машине я уеду, часть стволов с собой возьму, а что останется… Ну из моей пирамиды не всякий большой колдун сумеет без моего ведома что-то в руки взять. Может и без рук остаться. Или без башки. Колдовством над шкафом этим со мной как раз Васька-некромант за одну работу рассчитался, и на нем такие заклятия гадские лежат… Лучше не пробовать. Я его уже сам потом в оружейную пирамиду переделал.

Тот же Васька в нашем городском банке сейфы заклинал. И что вышло? Когда банк наш грабили, двое грабителей там в подвале и остались. Чего ждут от магических ловушек? Огня, холода, падающего камня — чего угодно. Привыкли, что все на стихийном волшебстве держится. А вот заклятия «покрывало праха» точно не ждут. И отмычек-то для таких охранных систем не делают. Просто не догадываются. Не предполагают, если угодно, что некромант ловушку будет настраивать.

В нашем случае так и остались двое налетчиков навечно привязанными к этому сейфу в виде голодных духов. И то появляющихся в нашем мире лишь с разрешения ночного сторожа. Он их на ночь выпускает у сейфов покрутиться, а с рассветом выгоняет из нашего слоя. А им остается лишь мечтать о новом грабителе, или придется оставаться голодными до конца эпох.

Вот с подобным сюрпризом «от Васьки» и пирамида у меня. О чем я на всякий случай, под соусом «случайно не напорись», и поведал своей невольной гостье. Та легкомысленно кивнула, пошарила машинально рукой по блюду, пытаясь найти на идеально чистой поверхности еще ломтик вяленого мяса, не нашла, выпила пива, затем опять спросила:

– Ты меня собираешься здесь держать, пока долг не отдам?

– Не знаю, если честно, — пожал я плечами. — Не слишком-то я тебя и держу, и не думаю, что ты сможешь его отдать деньгами — ты все же не местная, работы у тебя здесь нет. Откуда тебе деньги брать? Но ты колдунья не из последних, в этом меня не обманешь. А я — охотник. Поэтому мне кажется, что сумеем придумать, как помочь друг другу. И оба внакладе не останемся, вместе заработаем. Тебе ведь лишнее золото помехой не будет, верно?

– Как от колдуньи — от меня толку ноль, — заметно расстроилась она. — Дай боги через месяц Силу почувствовать. А сейчас я вообще безрукая. И спешу я к тому же.

– Далеко?

– Далеко. Отсюда не видать, — отрезала она.

Я пожал плечами, сказал:

– Поспешишь — людей насмешишь… — Усмехнулся и добавил: — Или урядников об стенку приложишь. И ты бы сейчас не в баньке, а в камере сидела, а в понедельник после другой баньки в больничке лежала, кверху задом. А на целителя у тебя денег нет, так что отмучилась бы по полной программе.

– Хватит, может, мне об этом напоминать! — возмутилась колдунья Маша. — Не лежу же в больничке? Не лежу. Ну и довольно об этом.

– Ты имеешь в виду, что ты сама так ловко выкрутилась? — съехидничал я.

– Не сама! — чуть не крикнула. — А какая разница?

– Разница? — треснул я ладонью по доскам стола с такой силой, что посуда подпрыгнула. — А очень простая разница. Я за тебя отдал все, что заработал, своей башкой рискуя. За эти деньги меня вчера утром чуть не съели, а теперь я князь такой, могу их все до копейки отдать за то, чтобы какой-то ведьме-недотепе задницу не надрали. С которой я даже незнаком. Потому что я им лучшего применения не нашел, наверное. И взамен даже спасибо не услышать.

Я действительно всерьез разозлился. Я не жадный: легко пришло и легко ушло. Но если бы кто-то мою задницу из-под молотилки вытащил, просто проходя мимо, то я тому как минимум был бы благодарен. А этой я теперь досадная помеха к осуществлению личных планов. Застряла она со мной здесь — досада, понимаешь, какая. У нее это по выражению лица видно.

Именно с таким выражением она снова машинально пошарила рукой по тарелке в поисках бастурмы, нащупала пустоту, осмотрела чисто выметенное блюдо, потом возмущенно сказала:

– Больше нет, что ли?

Глава 4, в которой герой узнает о своей новой подружке больше, а затем они идут в гости к совсем не зловещему некроманту

Воскресное утро против всякого обыкновения наступило у меня в восемь утра, хотя в другие выходные дни до полудня мог в постели проваляться. Встал, огляделся. Спал я сегодня не в своей спаленке, а на топчане в горнице, и с непривычки шея затекла так, что пошевелить трудно было. А свою кровать уступил прожорливой колдунье.

Умылся, в душ зашел, а когда начал жарить себе омлет с ветчиной и масло только зашипело на сковородке, на кухне показалась совершенно заспанная Маша. Которая молча вытащила из буфета тарелку и со стуком поставила ее на стол рядом с моей, после чего села на скамейку, оперлась головой на руку и сонно уставилась на меня. Я пожал плечами, добавил к порции сначала два яйца, но потом, перехватив разочарованный взгляд внезапно приоткрывшихся глаз, добавил еще два. Влезло это все на мою сковородку с великим трудом, я все больше один здесь живу, и на одного утварь кухонная рассчитана. Но справился, разве что подгорела чуток яичница.

Сняв сковороду с плиты, я разбросал по тарелкам половинки круглого омлета, выставил острый соус выделки какого-то южного народа, о котором я никогда и не слышал, затем поставил чайник на плиту. За спиной зазвякали нож с вилкой. Когда я обернулся, сонный туман из взгляда ушел, и теперь колдунья Маша уплетала омлет с грибами и ветчиной за обе щеки, при этом меня не замечая и глядя в окно на усевшихся на забор воробьев.

– Доброе утро, — поприветствовал я ее.

В ответ получил легкий кивок. Не уверен, что она вообще расслышала, что я ей сказал. О своем думала, о значительном — что ей суета? Яичницу есть не забывала, правда, но это у нее машинально получалось, хоть и с аппетитом. А чего она худая такая, если так ест? Тоже интересно. Магия какая-нибудь из ей доступных? Не тощая, но и до полной ей очень далеко. Небольшая, стройная, складная. Лицо чуть детское, хоть ей уже больше восемнадцати наверняка. На правой брови маленький белый шрамик, отчего бровь немного раздвоилась. Глаза голубые, светлые. Волосы тоже светлые, стриженные растрепанным ежиком. Шея тонкая, высокая. Прямой нос. Рот крупноват немного для ее лица, но смотрится даже красиво. Твердый подбородок. Ушки маленькие и розовые. Хорошенькая девушка, очень. Свежая, чистая, и взгляд ясный. Не зря, наверное, я ее из мрачных Анфисиных застенков вытащил.

– Я сейчас к некроманту местному пойду, — сказал я, решив не размениваться на вступления. — Хочу выспросить у него, что он с тех двух трупов, что в кабаке остались, вызнал. Не хочешь сказать что-нибудь, чтобы мне жизнь облегчить?

– Хочу, — сказала она, отвернувшись от окна и даже перестав жевать. — Не трать время. Ни один некромант о них ничего не узнает.

– Это почему? — удивился я. — У нас тут несколько колдунов в Великореченске, но некромант наш — самый сильный. Даже в Твери такого, по слухам, нет.

– Да хоть в Эрале Эльфийском. Или в Темных землях, — ехидно улыбнулась она. — Кто с Пантелеем дело имеет — у некромантов не воскресает. И дух их не вызывается. Так что к медиуму тоже можешь не ходить.

– Это почему? — удивился я.

Про то, что многие колдуны своих присных от некромантских расспросов заклинают, — это факт известный. А если колдун был сильный, то и самый лучший некромант труп не под-

нимет и говорить не заставит. А вот насчет духа… Духи, конечно, свидетели не лучшие, у них от астральной жизни ум за разум заходит, и вместо правды такого могут понагнать, что хоть стой, хоть падай, а не дай боги, их еще и на пророчества потянет… но такого, чтобы дух не вызывался, — не слышал. За все свои тридцать три года.

– Это потому, что Пантелей их дух вызывает первым, — взялась за объяснения девушка. — Сразу же, как его слуга погибнет. У них на шее амулеты специальные, которые для духа вроде как порталы открывают. А затем помещает во временное тело. После этого уже подбирает постоянное — и вмещает дух в него.

– Погоди… так что же получается?..

– Получается, что слуги у него бессмертные, — подвела она итог. — Потому и служат ему так, как никто никому не служит. Поди плохо, померев, в другое тело войти?

– А другие тела откуда берутся?

– Известно откуда. Мимо проходят. Как пройдет подходящее, так и…

Тут она резко помрачнела, закусила губу и отвернулась к окну.

– Что-то не так? — спросил я.

Она лишь мотнула головой, вроде как «отстань!». Я отстал, но кое-что в мозгах прояснилось. Какие выводы можно сделать из сказанного? Если все правда, то этот самый Пантелей на смертный приговор себе прегрешений набрал. А я Маше верю. Такое колдовство, какое он пользует, — верный путь на виселицу, а тому, кто «клиента» к ней доставит, — награда. Немалая.

– Его где-то ищут?

Колдунья лишь отрицательно мотнула головой. Хуже. Награда пока не объявлена никем. Значит, надо повернуть дело так, чтобы стали искать. А как это сделать? Для начала все же надо с Васькой пообщаться. Некроманты — они такие, с мертвого тела могут информации собрать больше любого иного колдуна, причем такой, что никто другой ее и не заметит.

– Маша, а тот, кто на тебя напал, — это кто такой был? Я таких и не встречал.

– Тело. Пустое, — лаконично ответила она, так и не глядя на меня. — По крайней мере, я так думаю.

– А не слишком ли оно крепкое для обычного тела? Здоров уж больно, — засомневался я.

Она лишь пожала плечами.

– А ты этого Пантелея откуда знаешь? Откуда он сам? — задал я следующий вопрос.

– Знаю я его по Царицыну, — повернулась она ко мне. — А откуда он сам — никто не знает. И его самого никто не знает, кроме меня одной. Что-то еще хочешь спросить?

Откровенно недружелюбный тон я пропустил мимо ушей. Раз уж начала она что-то рассказывать, то пусть рассказывает до конца. Тогда я смогу с большей пользой провести день. А эмоции свои пусть при себе держит, мне до них дела как до прошлогоднего снега.

Тут объяснить бы надо. Любой объявленный в розыск преступник, которого ты на аркане приведешь, дает тебе сто золотом. Это если мелкий, вроде алиментщика или должника по штрафам. Но если приведешь «висельника», того, кто на смертную казнь претендует, то получишь целую тысячу. Большие деньги, года два не работать можно, если не транжирить. А вот если поймаешь или уничтожишь колдуна, которого для виселицы ищут, то ты разбогател. Тверской князь в таких случаях платит сам, не община. Сто тысяч на ассигнации. Хоть в купцы подавайся. На свою самоходную баржу хватит, по крайней мере. А вот этот самый Пантелей, если все, о чем Маша говорит, правда, таким и выглядит. И если его в розыск объявят, то десять тысяч золотом за его голову обеспечено. Искать кинутся все, но у меня преимущество будет — Маша. И фора по времени.

Другое дело, что, гоняясь за такими, как Пантелей, очень даже запросто можно без башки остаться, но… Риск все же оправдан, на мой взгляд. К тому же он профессиональный.

– А чем Пантелей вообще занимается?

– Понятия не имею! — довольно зло ответила Маша. — Ничего я о нем не знаю, кроме того, что на куски бы его, гада, разорвала! А теперь тут с тобой застряла!

– Ну не очень-то ты и застряла, — ответил я. — Собирайся, в общем.

– Куда? — удивилась она.

– Со мной. Если все правильно сделаем, то за Пантелея твоего награду объявят. А если объявят, то я с тобой за ним погоняюсь. Сама понимаешь: ум хорошо, а два — тоже хорошо. Глядишь, и поймаем.

– С какой это стати ты за ним гоняться будешь? — пораженно спросила она.

– Оглохла, что ли? — удивился я преувеличенно. — За награду! За деньги! За наличные или аккредитив в Первом Тверском банке! Все, бегом умываться, одеваться, что там тебе еще надо! Время теряем.

Она действительно ускорила процесс поглощения завтрака, а потом достаточно быстро собралась. По крайней мере, это обнадеживает. Нам теперь партнерствовать — и не один день, как мне кажется.

Вышли из дома, я посмотрел на небо — опять явно собирался дождь. Вообще погода не слишком радовала. Вроде бы дело к лету пошло, а на дворе октябрь самый настоящий. Вот у эльфов, по слухам, есть колдуны, которые погодой умеют распоряжаться, расталкивая облака в стороны от их лесов. Зато и жить рядом с эльфийскими лесами в дождливый год замучаешься: двойная доза мокроты тебе обеспечена. Мало того что свой дождь польет, так еще и тот, что эльфы за опушку обратно вытолкают.

Подумал я, подумал и решил все же идти пешком. Прикатил плащ-палатку военную, еще одну выдал колдунье. И как в воду глядел: едва за калитку вышли, так и дождь полил. Пришлось надевать накидки и наслаждаться стуком капель по жестким капюшонам, а заодно и своей предусмотрительностью.

После того как я сказал, что намерен организовать охоту на этого самого зловещего Пантелея, колдунья немного отмякла и подобрела. И даже стала старательно и подробно отвечать на мои вопросы, которых у меня накопилось много. Вкратце ее история выглядела так: Пантелей появился в Царицыне месяц назад примерно. Приехал по приглашению, потому как в городе гнездо вампиров появилось. Кто его пригласил, Маша так и не выяснила. Похоже, никто: сам себя пригласил и по своим делам приехал — вампиры отмазкой были.

Приехал и встретился с Настей, старшей сестрой Маши. У сестры тоже был дар. Если Маша колдовала, то Настя могла «видеть». Не прошлое и не будущее, а то, что ей хотелось увидеть. Плохой дар, кстати. Лично я нипочем не хотел бы, чтобы у моей не существующей пока жены такой прорезался. Или у ее подруги. Например, захотела узнать, куда муж «по делам» запропастился, — и немедленно узнала. А заодно и увидела, с кем именно у него дела. С Бородой ли, как он сам уверяет, или с кем другим? Плохой дар. Нескромный. Неудобный для окружающих. И окружающие ее за это заслуженно недолюбливали.

Пантелей с помощью Насти гнездо вампирское вроде как вывел, а затем… В общем, непонятно, что произошло между Пантелеем и Настей, но та вдруг, не собрав даже вещичек, отправилась с колдуном. Села на пароходик, идущий вверх по реке, и уплыла. Все удивились, конечно, но ничего странного в том не было, если разобраться. Настю в невесты в городе никто не хотел по всем известной причине. Пантелей хоть и не юноша, но с виду не старше сорока и не урод, может быть, именно такой жених ей и нужен был. К тому же Пантелей колдун сильный, соответственно и человек богатый. С ним и охрана была, и прислуга. Чего еще надо?

На веревке ее никто не тащил, сняли они с Пантелеем каюту первого класса на двоих, по палубе прогуливались, Настя даже улыбалась. И когда Маша начала бить тревогу, ей никто не поверил, что дело нечисто.

– А с чего ты взяла, что там что-то не так? — уточнил я.

Удивило сначала Машу то, что Настя, девушка спокойная и обстоятельная, даже педантичная, в отличие от своей младшей взбалмошной сестры, не взяла из дома ничего из того, что полагала всегда ценным. Остались многие амулеты, остались немногие Настины драгоценности, включая наследственные, без которых бы она точно никуда не поехала. А самое главное — нашла Маша дома сестринский амулет от сглаза, морока и, самое главное, — ментального доминирования, который она вообще не снимала нигде, кроме бани. И вот тут-то подозрения разгорелись пожаром.

Она собрала все деньги, что у нее были, выяснила, куда шел пароход, на котором отправились сестра с Пантелеем, и взяла билет до того же места — до Нижнего Новгорода. Там она прожила около месяца — следы сестры и колдуна потерялись. Деньги стремительно подходили к концу, и, когда ей наконец удалось выяснить, что Пантелей со свитой и какой-то девушкой уплыли в Тверь, денег ей хватило только на билет. Даже на еду толком не оставалось. Пришлось ей взять «за харчи» работу от шкипера на борту парохода — по выведению тараканов: позор-то какой!.. Но до Твери добралась.

В Твери след колдуна взяла она быстро. Тот направился в Великореченск по ему одному ведомой причине. А заодно Маша узнала, что направился он туда со свитой, но без сестры. Подозревая худшее, она направилась следом, банально украв деньги на билет на тверском базаре — вот где магия-то помогла! И при этом совершив преступление такой тяжести, что Анфисины розги ей щекоткой бы показались: кража с помощью колдовства по закону приравнивается к преступлению против устоев и подведомственна Тайной комиссии Департамента благочиния. В то время как за счет ловкости рук в нашем городке можно отделаться четырьмя Месяцами ассенизаторства и иных тяжких работ.

В Великореченске же она след Пантелея обнаружила сразу — с помощью заклятий поиска. Раньше они, кстати, не работали, а тут он расслабился, перестал след свой скрывать. Нашла, настигла… а остальное я сам видел. Как ни банально звучит, а нашла она вместо всего — приключений на свою задницу.

Так, за рассказами, дошли до дома Васьки-некроманта. Васька жил крепко, богато. Двухэтажный дом из бревен в два обхвата, за могучей оградой. У калитки деревянный резной молоток на цепи висит — стучите, мол. Я и постучал. Почувствовал легкую щекотку вдоль позвоночника от магического прикосновения. Это Васька проверил, кто пришел. Тоже выпендреж своего рода — типа, «смотрите, сколько сил у меня, даже на такую ерунду тратить не жалко». Затем дверь сама распахнулась перед нами.

– Пошли, — пригласил я свою спутницу во двор.

Мы вошли в калитку, Маша оглядела двор, в котором раньше не была ни разу. Устроился Васька действительно неплохо. Двор был обширен, что для центра даже такого городка, как наш Великореченск, было куда как необычно. Город стеной ограничен, расширяться особенно не будешь, а у Васьки во дворе простор и красота. Красота такая, какую сам Васька за таковую почитает. Своеобразная. Если по-ученому, то «эклектикой» назвать можно.

Тут тебе и резная беседка, и огромная баня, построенная в виде терема, с резьбой и жар-птицами на коньках крыши. Тут и гараж аж на три машины, в котором через открытые настежь ворота все три и видны, включая новенькую «чайку»,[14] и пруд с фонтаном даже, где чашу в виде морской раковины три голые мраморные эльфийки держат, а в самум пруду золотые рыбки плавают. И даже на резном дубовом крыльце самого Васькиного дома стоят две голые эльфийки из заморского мрамора — одна с луком, другая с тонким мечом. Вроде как вход

[14] *«Чайка»* – ничего общего с автомобилем ГАЗ-13 не имеет. Крытый большой внедорожник, выпускающийся на нижегородском автозаводе «Баранов и Компаньоны», построенный на базе АТЛ-Т (ГАЗ-62). Отличается плавностью хода за счет мягких мелколистовых рессор и богатством салона, куда на отделку идут парча, бархат, сафьянная кожа и редкие породы дерева. Популярен среди богатого купечества.

охраняют… ну и Ваське нравится. Васька даром что некромант, а живчик еще тот и до девок страсть как повадлив.

К ноге одной из эльфиек, той, что с мечом, привязан крупный кабанчик, явно нервничающий. При нашем появлении он хрюкнул и укрылся за крыльцом. Видать, решил, что мы пришли на шашлык извести его безвинно.

Едва мы к крыльцу подошли, как украшенная заговоренным металлом деревянная дверь распахнулась. Однако открыл ее не сам Васька, а высокая белокожая огненно-рыжая девица в странной высокой шапочке вроде турецкой фески, расшитой золотым бисером по черному шелку, и в свободно свисающем черном же платье. На равномерно бледном лице выделялись лишь изумрудно-зеленые, пронзительные глаза и причудливо изогнутые красные полные губы. Красивая девка, хоть и очень странная.

Раньше я у Васьки этой девицы не видел. Хоть и неудивительно: они у него часто сменяются.

Девица не сказала ни слова, лишь томно улыбнулась, не размыкая губ, и сделала приглашающий жест рукой. Мы прошли через сени, встав на минутку на коврик из заговоренного мочала, собравший всю грязь с наших сапог, и зашли в горницу.

Васька сидел в резном, с позолотой и красным бархатом, кресле, за столом из инкрустированной костью карельской березы и пил чай из огромной расписной кружки, хрупая попутно кренделькы с маком, которых целая горка была навалена в хрустальную вазу гномьей работы.

– Здорово, Сань! — поприветствовал он меня, не вставая, и указал на стулья вокруг стола, приглашая присаживаться.

Маленькие Васькины глазки оценивающе скользнули по моей спутнице, перескочили на рыжую, продолжающую загадочно улыбаться, и на этом их бег завершился. Рыжая ему все же больше, чем колдунья Маша, понравилась. Но Машу тоже оценил.

– И тебе не болеть! — ответил я на приветствие и сел на стул.

Маша тоже присела и сразу ухватила пригоршню кренделькоов из вазы. Кренделькы один за другим начали отправляться к ней в рот, где были с невероятной скоростью разгрызаемы мелкими белыми зубками.

– Чаю нальешь? — спросил я Ваську.

– Налью. Как не налить? — кивнул колдун, после чего обернулся к рыжей и сказал: — Чайку гостям не принесешь? Будь добра.

Та лишь усмехнулась, явно не принимая Ваську всерьез, но ничего не сказала и вышла из горницы, покачивая бедрами. Бедра были красивые, и походка очень вдохновляющая. Настолько, что я ощутил некое волнение. Я опять обернулся к Ваське.

Васька — даром что профессия у него самая мрачная — с виду был сущим аллегорическим изображением вкуса к жизни. Маленького роста, круглолицый, безбородый, розовый как порося и как порося же упитанный, одетый в красный парчовый халат, обнажавший его жирную безволосую грудь, он в самую последнюю очередь вызывал ассоциации со смертью и загробным миром, что являлись его профессией. Больше он напоминал удачливого кондитера.

– Чего хотел? — спросил он меня. — Небось спросить, до чего я дознался от твоего клиента?

– Клиента? — удивилась Маша.

– Клиента, — кивнул некромант. — Санек его завалил, вот и его клиент. Точнее, даже два клиента, просто один из них интересный, а другой не очень.

– Чем интересный? — живо откликнулся я. — И кто из них?

Васька задумался, помолчал. Затем спросил как бы невзначай:

– Ты в Лесную долину когда собираешься?

Вот ведь гад скаредный. Нет чтобы товарищу помочь просто так, не ожидая ответной услуги.

– Пока не собираюсь. Завтра к гномам поеду, в Серые горы. Оттуда чего надо?

Васька пожевал губами в задумчивости, сказал:

– Подумаю. Может, и надо чего. Хоть и вряд ли. Мне Вместилище духа надо. На демона. Заказ у меня, понимаешь, из Твери. У дочки купца первой гильдии Кочерыгина дочь бесом мается. Я ее смотрел — так там демон целый в ней сидит, не бес. Надо бы гнать, а где я потом другого демона найду? И коробки такой нет у меня… Только на малого беса.

Понятно. Васька старается одним выстрелом целое стадо зайцев разбомбить. А заодно всех их зажарить. Ему, как некроманту и колдуну большой силы, изгнать беса или демона из страдальца большого труда не составляет. За это заплатит ему купец Кочерыгин, и заплатит немало. Васька задешево не работает. Откуда все эти эльфийки мраморные? От заработков. Свинья небось тоже от них. Но вот какое дело: демон, изгнанный из страдальца, может быть заключен во Вместилище духа, а колдун, туда его загнавший, сможет этим демоном командовать как хочет. Что куда важнее для него, чем на купеческой дщери заработать.

– А если призвать демона? — спросила вдруг Маша.

Я аж крякнул и поморщился. Вот те на, сильная колдунья вроде, насколько я помню, а такие, с позволения сказать, детские вопросы задает.

– Маш, демон призванный одно задание твое выполнит и уйдет в свой план, — объяснил я ей. — Служить не будет. И ты ему чем-то заплатишь, и он не продешевит. А если демона изгнанного перехватить, так он под обещание того, что когда-то ты его отпустишь, не один десяток лет на тебя проработает. Ему-то что десяток-другой годов? Пустяк. Он вечный.

– Надо же. А я и не знала, — удивилась она.

При этих словах Васька на Машу покосился с оттенком недоверия, затем спросил:

– Погодь, милая… Так ты та колдунья, что Анфиса-урядница завтра пороть должна?

Маша густо покраснела и явно разозлилась. Васька специально спросил с подначкой: разозлить и хотел. Вот паскудник. Васька мужик совсем не злой, если честно, скорее даже добрый, но ехидный — страсть.

– Вась, не смущай девушку. Никто ничего не должен. Ошибка вышла, — вступился я за молодую колдунью. — Отпустила ее Анфиса, а теперь мы вместе работаем.

– Отпустила, говоришь… — с сомнением протянул Васька. — Ладно, как скажешь. Хотя за такие вопросы… Отпустила. М-да. Долго работать будете? И над чем?

– Вот у тебя и хотим узнать, есть у нас с ней работа или нет.

Васька кивнул:

– Так и думал. Даже ждал тебя. Могу сказать, что работа там есть, а вот доказать это не смогу. Чаю попьем — потом расскажу.

В горницу вошла рыжая, неся поднос с фарфоровым чайником и чашками. Подошла к столу. Расставила перед нами блюдца, на них чашки и начала разливать ароматный чай. Она приблизилась ко мне, и я вдруг почувствовал некое возбуждение. Очень даже определенного плана возбуждение. Захотелось мне эту рыжую так, что хоть сразу на стол ее вали да юбки задирай.

Более того, мне показалось, что нечто подобное промелькнуло на лице и у Маши. По крайней мере, она уставилась на рыжую и нервно облизнула губы, на какой-то момент перестав даже грызть крендельки. И задышала тяжко. И в глазах что-то такое появилось, что легко поверишь — вот-вот кинется.

Я чуть задумался — и меня осенило. Так и есть, как же я сразу-то не догадался? С чего это такой красотке у себя дома в феске ходить, будто есть что прятать? А ей и вправду есть что прятать! Это же не человек, это тифлинг! Вот это да, ай да Васька! Даром что на колобка похож! А сам-то! Казанова всех рас, времен и народов!

О тифлингах надо рассказать, иначе не поймете. Откуда этот малочисленный народ появился — теорий много, но самой правдоподобной мне кажется самая же и распространенная. Тифлинги получились от сношений человеческих женщин с демонами-инкубами, а также человеческих мужчин с суккубами.[15] Выжить в таких связях невозможно — что инкуб, что суккуб обычного человека насмерть затрахать способны. Но с помощью кое-каких снадобий и эликсиров люди все же выживали. И в таком случае человеческая женщина всегда, даже после единого раза, дает потомство, и суккуб, демон желания, тоже рожает. И вот от таких потомков, далее меж собой смешавшихся, и пошел род тифлингов.

С виду тифлинги совсем как люди. Разве что очень белокожие, даже бледные, всегда с глазами очень яркого цвета. Есть и зеленые глаза, есть и голубые, а есть и антрацитово-черные. Волосы у них тоже всего трех цветов — белые как снег, рыжие как огонь и черные как сажа. Главное же отличие одно — рога. У мужчин-тифлингов рога подлиннее и загибаются назад, а у женщин — совсем коротенькие конические рожки, и под такой «феской» их скрыть совсем не трудно.

Главной же особенностью женщин-тифлингов является их легендарная сексуальность. Или сексапильность. Или и то, и другое, как хотите называйте. По проверенным слухам, те из мужчин, которым довелось разделить постель с такой «тифлингессой», считали, что лучше любовницы и представить себе невозможно. Хотели бы представить, но не получается. И говорят, что рога не мешают и не колются. И даже не пугают.

Верю. Потому что от рыжей, что чай разливает, явно исходят некие весьма могучие флюиды. Это у женщин-тифлингов такая природная магия. А учитывая, что предпочитают они и мужчин, и женщин, то понятными становятся и пересохшие губы Маши. На нее полудемонесса тоже подколдовывает между делом. А магии, кстати, я никакой не ощущаю. Ту магию, которая естественная, природная, присуща существу от рождения, обычными средствами ощутить нельзя. Хотя… какая-то теплая волна есть, а магию я как холод чувствую обычно.

– Ты поаккуратней, — негромко сказал рыжей Васька. — Не пугай гостей.

Догадался, что она делает. Та лишь загадочно улыбнулась, но «давить» прекратила. Меня, по крайней мере, отпустило. Машу вроде тоже. Она лишь слюну проглотила и, застеснявшись, отвела взгляд. И теперь удивляйся, с чего это вдруг о тифлингах такие легенды? Впрочем, с «не пугай гостей» Васька тоже переборщил. И ни капли я не испугался. А вовсе даже наоборот.

О мужчинах же тифлингового рода легенды чуть другие. Их, например, до появления «новых людей» в этом мире очень любили использовать в качестве телохранителей. Реакция у них невероятная, и они умеют отводить глаза. Глаза отводить на самом деле умеют многие, тот же Васька отведет — мало не покажется, но тифлинги делают это естественно, не тратя сил. Как тифлингессы соблазняют всех вокруг, сами того не замечая, исключительно по привычке. Вот как нас сейчас. И главное — даже для мага практически незаметно.

Еще они непревзойденные мечники — мужчины и женщины их рода. Впрочем, для Великоречья это типично Когда мы, пришлые, принесли в этот мир огнестрельное оружие, каста тифлингов-телохранителей почти выродилась за последний век. Как и все долго живущие нелюди, а живут тифлинги лет по пятьсот, консервативны они и привержены традициям. Привыкли мечами драться, а там хоть трава не расти. Но, по слухам, в последние годы вроде бы стали привержены огнестрелу, и каста вроде как возрождается. Снова слышно о них стало, но вроде бы, по тем же слухам, они на что-то другое перепрофилировались.

– Ну ладно, Вась, не тяни, расскажи, что узнал от покойников, — заторопил я некроманта.

---

[15] Инкубы и суккубы: первые — демоны, одолевающие своей сексуальной агрессией женщин, вторые — мужчин. Человек при этом является одержимым такого рода бесами.

– Ага, от покойников, — кивнул Васька и шумно отхлебнул чай с блюдца, захрупав крендельком. — Покойников среди них, собственно говоря, всего один. Телохранитель. А второй не только не покойник, а даже не «непокойник».

– А кто? — поразился я.

– Считай, что голем.[16]

– Да ну… а то я големов не видел…

– Таких — не видел, — отрезал Васька. — И я не видел. Я, если честно, не знал, как его назвать, вот и назвал големом. Голема всегда делают, собирают, даже если он из плоти. А вот этот… этот раньше вампиром был. Его никто не собирал, он так и был, одним куском. Ты знаешь, как вампир получается?

– Ну да… — пожал я плечами, удивившись вопросу. — Вроде бы. Когда вампир кусает человека, он его убивает, выпуская душу. Если дает умирающему пить свою кровь, то делит с ним своего демона, который затем и управляет трупом.

– Верно. Я, как некромант, могу разрушить плоть вампира, даже на расстоянии, — слегка прихвастнул Васька. — Мертвое мне подвластно, а вампир — мертв. Демон же тогда вырвется и улетит. Уйдет на свой план бытия и в наш никогда не вернется. Но кто-то сумел вырвать демона из плоти вампира, оставив всю силу вампирского тела на месте. О таком слышал?

Нет, о таком я решительно ничего не слышал и нигде не читал, хотя книги по монстрологии покупаю везде и всюду и расспрашиваю каждого, кто в этом предмете сведущ. Работа у меня такая — нельзя мне «клиентуры» не знать.

– Затем или до того над вампиром провели работу, — продолжил объяснение Васька. — Плоть его частично обратили в кремень. Не просто так, а как бы в каждую клетку его организма по песчинке подкинули. Заклинанием перемещения. Ты хоть представляешь, какое оно по сложности было? Как раздробить каждую песчинку в тачке песка, а затем заставить ее переместиться с такой точностью, чтобы каждая попала в свою ячейку?

– Ты так сможешь? — спросил я.

– Шутишь? Да ни в жизнь! — замахал короткими ручками Васька. — Тут не знаю кем надо быть, чтобы эдакое осилить.

– А зачем?

– Что — зачем?

– Осиливать.

– Так он почти неуязвимым получился. Его пуля не пробьет.

Я задумался, затем сказал:

– Стоп, стоп. Как так — не пробьет? Я его двумя выстрелами уложил. Никакой сверхкрепости не вижу. На гуля кладбищного и то больше тратишь подчас.

О целом магазине десятимиллиметровых пуль из пистолета, что Батый в него выпустил, я упоминать не стал. Батый в грудь стрелял, а любой нечисти сразу надо в голову целиться, если она у нечисти есть, разумеется.

– Повезло тебе… Лари! — окликнул он тифлингессу.

– Да, милый? — откликнулась та.

Батюшки, а голос-то! Такая по телефону соблазнит так, что дырку в лавке трахнешь.

– Дай мне, пожалуйста, вон ту шкатулочку… Ага, бронзовую, — сказал Васька, и та, покачивая волшебно бедрами, поднесла ему просимое.

Васька откинул пружинную крышечку и достал оттуда нечто, напоминающее рваный клочок пергамента.

– Ты сказку про пражского голема из старого мира помнишь? — спросил он меня.

---

[16] Голем — существо, созданное магом из глины, безмерно предано хозяину и служит для убийства.

– Примерно, в общих чертах, — кивнул я. — В пражском гетто какой-то раввин для защиты евреев от всех подряд придумал голема. Вылепил его из глины, вложил в рот клочок пергамента с именем Бога, и тот ожил. Что-то в этом духе.

– Примерно, — кивнул Васька, дуя на чай в блюдце, потянулся к вазочке с крендельками и заскользил пальцами по гладкой поверхности: все кренделькі быстро и ловко успела погрызть Маша. — На самом деле надо было пражским властям того еврейского чернокнижника на костер тащить и жечь как можно скорее. Глину он оживил, как же. Оживи ее поди. Неживое, или ранее живым не бывшее, не оживляется — правило любой магии номер раз. Анимируется — да, но не оживляется. Думаю, что началось как раз с такого же заклятия, как и в нашем случае: перемещения песка в чей-то организм. А потом окружающим сказали, что вроде как из глины вылеплен. На ощупь похоже, кстати.

– А с именем Бога чего?

– А ничего. Знаешь, что это? — Он ткнул пальцем в клочок пергамента из шкатулки.

– Нет.

– Это кусок кожи с этого самого вампира. Если содрать с кого-то кожу, начертать, как я понимаю, вот это самое заклятие и вложить тому в рот, то получится оный самый голем. В данном случае — анимированный вампир, выполняющий приказы хозяина, неуязвимый для магии и почти неуязвимый для любого оружия. И знаешь, что случилось?

– Что? — уже всерьез заинтересовался я.

– Одна из твоих пуль попала ему как раз туда, где лежал этот кусочек его собственной кожи. И разорвала его, разрушив целостность заклятия. Шанс повторить — один на миллион. Пока клочок цел и он у него внутри — ты ничего не сможешь с этой дрянью сделать. Разве что взорвать.

Васька замолчал с многозначительным видом. Да и было с чего такой вид иметь — если он прав, то и впрямь попасть так, чтобы разрушить пергамент с управляющим заклятием… В следующий раз меткости может и не хватить. А вот насчет взорвать…

– А срубить башку?

– Можно, — кивнул собеседник. — Но топор завязнет, или чем там рубить собираешься. Я же не просто так рассказывал, как его песком набивали.

– Ага, — кивнул я, подтверждая, что усвоил информацию. — Вась, так что у нас с преступностью деяний в этом случае?

– Если реально, то никак, — поморщился Васька. — Вампиры вне закона, нигде не сказано, что по отношению к ним существуют запретные чары. Другое дело, что этот самый вампирский голем напал на человека. Это уже преступно, однако…

Васька лишь скроил совсем тоскливую гримасу, и я закончил фразу за него:

– …Никто не может доказать, что этот вампир-голем был работой рук упомянутого колдуна.

– Верно, соображаешь, — подтвердил некромант. — Если даже магическое воздействие между ними засекли, то колдун всегда отмазаться может. Скажет, что обуздать чудовище пытался. И то, и другое — управляющие заклятия.

– Хорошо, — кивнул я разочарованно. — А что по второму покойнику?

– По второму, если честно, тоже не все в порядке, — без энтузиазма сказал Васька. — И тоже слабо доказуемо.

– Что именно? — уточнил я.

– А то, что в покойнике ничего не осталось. Его даже подъять невозможно.

Васька так и сказал — «подъять». Надо же, каких мы слов нахватались, это тебе не простецкое «поднять».

– Ты объясни, я все же в некромантии этой твоей…

– Чтобы труп подъять, надо хоть за что-то зацепиться. За сознание умирающее, за след души — за что угодно. Надо установить связь между малым — отрезанным пальцем, например, и целым, что лежит в круге. А в этом — пустота, будто он никогда живым и не был. Хоть пополам его пили, все без толку. При этом ясно, что был он живым, и есть на нем след заклятия, которым это проделано.

– Прочитать сможешь?

– Не, куда мне! — отмахнулся Васька. — Очень сложное. И ожог у него на груди от сгоревшего амулета. Думаю, что в этом амулете и было заклятие прошито. Как клиент помер, так его и почистило.

– Ты об этом говорила? — спросил я Машу.

– Об этом, — подтвердила она. — Этот амулет — телепорт, но для нематериальной составляющей.

– А ты откуда все это знаешь? — решил я уточнить.

– Оттуда, что это не Пантелея работа изначально. Он его модифицировал. Такие амулеты для перемещения духа делал еще мой учитель.

– А Пантелей… — начал я догадываться.

– Пантелей тоже его ученик, — сказала Маша. — Только разошлись они раньше, лет сколько-то там назад.

– Отсюда ты его и знаешь?

– Отсюда и знаю, — кивнула колдунья. — Я его раньше только на фотографиях видела, до того как он опять в Царицыне объявился.

– А учитель твой где? — спросил я с надеждой.

– Умер недавно. Год назад примерно. Старый он был.

В общем, посидели мы у Васьки еще с полчаса, но уже совсем ничего полезного не выудили. Что он знал, то нам и сказал. Пусть не много, но и не мало. Самое главное, для меня самого все уже ясно стало — волшба Пантелея зла и незаконна, а потому, если дело правильно повернуть, можно добиться того, что за него награду предложат. Можно. Но не сейчас. Пока доказательств маловато.

Васька со своей демонической Лари, по-прежнему таинственно улыбающейся, вышли проводить нас на крыльцо. Мой взгляд опять упал на поросенка, привязанного к ноге эльфийской статуи.

– Вась, а это что? Пополнение коллекции искусства?

– Да нет! — отмахнулся тот. — Оказал тут услугу малую Петру-мяснику, забесплатно вроде как, а он возьми да и притащи кабанчика. Ума не приложу, что с ним теперь делать. И отказаться неловко было.

– А ты его умертви, затем подыми и двор охранять заставь, — подначил я Ваську. — Будет такой свинский охранный зомби. На страх врагам.

Тот, судя по всему, пропустил мое заявление мимо ушей, и мы распрощались.

Глава 5,
в которой герой со спутницей сначала отказываются от чая со становым приставом, а потом вынуждены отказаться от кофе в гостях у недоброй волшебницы

Следующим пунктом нашего путешествия вновь стал околоток. Намерен я был пообщаться не с кем-нибудь, а с самим господином становым приставом Степаном Битюговым. Маше посещать повторно околоток очень не хотелось, это было заметно сразу, но я на ее присутствии настоял. Мало ли что подтвердить придется? А Маша, как ни крути, свидетельница.

Когда мы подошли к большому подворью, огороженному частоколом с колючкой поверху, в котором находились и сам околоток, и маленький острог на десяток камер, и пресловутая «банька», Маша поморщилась, но ничего не сказала. Было тихо, на крыльце болтали и курили двое урядников в форме. Вдоль забора выстроились пять уряднических «виллисов». Лошадей вообще не было видно — видать, всех в конюшню загнали. Вообще утро воскресенья — самое тихое время в городе. Кто кутил с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье, как раз сейчас отсыпаются. А кто кутит каждый день, все равно по утрам спит.

Мы прошли мимо дежурного урядника, сидящего за столом и читающего «Тверской курьер», поприветствовавшего нас кивком, затем по коридору дошли до кабинета Степана. Я постучал в дверь, оттуда донеслось: «Войдите». Мы и вошли.

Степан сидел за столом, перед ним стояла огромная чайная кружка, возле нее на тарелочке два бутерброда — с сыром и колбасой.

– Да вот, все пожрать некогда, — сказал Степан, перехватив мой взгляд. — Хотите чаю?

– Нет, спасибо, только что напились, — отказался я.

– А девушка? — уточнил Степан.

– Нет, спасибо, — пискнула Маша, подавленная размерами человека, сидящего перед нами.

Непривычного посетителя Степан поражал. Росту в нем было больше двух метров, а весу больше ста пятидесяти килограммов. Ладони как лопаты, пальцы как обрубки черенка от нее же. Кожаную форменную куртку он снял, сидел в серой рубашке с расстегнутым воротом, рукава которой очень выразительно обтягивали бицепсы толщиной с бедро нормального человека. Плечи были ровно в два раза шире моих, хоть я на узкоплечесть не жалуюсь.

Голос у Степана соответствовал внешности. Казалось, будто какое-то чудовище научили говорить, а потом заперли в металлической бочке. Вот оно оттуда и вещало. Лицо же нашего станового пристава производило обманчивое впечатление. Эдакое сонно-туповатое, круглое, маленькие глазки близко к носу, а эмоции на нем вообще не отражались. Тот, кто принимал его за дурака, потом обычно в этом раскаивался — Степан был еще и умен как змий, — именно благодаря ему в городе, несмотря на всю местную вольницу, было относительно тихо.

– Тогда говори, с чем пришел, — сказал он.

– Да я, собственно говоря, по поводу позавчерашней драки в «Дальней пристани»… — начал я издалека.

– Колдуна хочешь в розыск объявить? — сразу сократил мою речь до необходимого минимума Степан.

– Хочу. Откуда знаете?

– У меня вот телефон есть, — похлопал он огромной ладонью по такому крошечному под ней телефону в деревянном корпусе. — И у Васьки-некроманта такой же есть. Техника называется.

– Ага, понял, — с уважением кивнул я. — Так что?

– Доказательств маловато, вот что. Ты же десять тысяч княжеских срубить хочешь, верно?

– Ну да, — кивнул я.

– Тогда надо, чтобы Тверь его в розыск подала, а не мы, — покачал он головой. — Нету нас таких полномочий — на княжескую премию розыск объявлять, ты же знаешь. А как они такие бумаги издают, лучше даже не вспоминать. Вроде как ежика рожают против шерсти.

– Есть способ… — сказал я, сложив ладони перед грудью и глядя в потолок.

– Есть, — согласился Степан. — Я могу его в розыск объявить как свидетеля. Нашлись люди, подтвердили, что видели его в сопровождении обоих убитых. Значит, пускай объясняется перед законом.

– Именно, — кивнул я. — Вот и объявите. Я и начну помаленьку, хоть полномочия заимею. А дальше видно будет, подаст его Тверь на княжеский приз или нет.

Задумка моя проста, проще даже некуда. Охотники, как я уже говорил, обязаны на закон работать. Но если я приеду в ту же Тверь, например, и начну расспрашивать людей, что Им известно о некоем Пантелее, то они имеют право послать меня подальше. Особенно официальные лица. А вот если будет у меня сыскное поручение, что такового Пантелея велено пред власти Великореченска представить, пусть хоть и как свидетеля, то могу рассчитывать на помощь. Потому как в таком поручении точно написано, что полагается оказывать помощь подателю сего, сиречь Александру Волкову.

И такой закон действует в большинстве людских земель — все равно кем населенных, пришлыми или аборигенами, лишь бы там вообще какая-то власть была. Тем более что любая из властей в прилегающих к Великоречью землях свои действия с законами пришлых по меньшей мере согласует.[17]

– А если все же Тверь на призовой розыск не согласится? — напомнил Степан. — В пролете будешь.

– Тогда на свой страх и риск его поищу. Зато перед другими будет фора. А в пролете… Будем считать риск благородным делом, — ответил я.

В этом я тоже выигрываю. Свидетеля ищут без награды, широко это не объявляется. Если я с таким ордером отправлюсь Пантелея искать, то друзья-конкуренты мои, скорее всего, ни сном ни духом об этом ведать не будут. А если его все же в розыск как преступника подадут, я уже далеко ускачу.

– Ладно, твой риск — твои проблемы, — прогудел Степан, скрестив могучие руки на груди. — Часа через два заходи, будет тебе сыскное поручение на Пантелея как на свидетеля.

Я удовлетворенно кивнул, затем спросил:

– Раз будет, то тогда сразу уточню: портал отслеживали?

Некроманты отслеживать порталов не умеют, не их это епархия. Именно поэтому я Ваське такого вопроса не задавал. А вот Степан должен был пригласить Велиссу вер-Бран, молодую колдунью из аборигенов, прижившуюся в нашем Великореченске по той банальной причине, что местные жители больше привержены личной гигиене, нежели жители коренных

[17] Рассказчик имеет в виду тот факт, что большинство правителей окрестных княжеств, баронств, герцогств и прочих государственных образований или связаны с властями пришлых родственными связями, или напрямую возглавляются потомками пришлых. Сразу после Пересечения миров возникла сама Великая река из совпавших Итиля и Волги, а вдоль нее появилось несколько сот тысяч пришельцев в отдельных поселениях-анклавах, провалившихся из старого мира. Местные правители, увидев подавляющее технологическое и военное превосходство пришельцев над ними, всеми правдами и неправдами старались породниться с их правителями. В большинстве случаев это удалось. Взамен же аборигены начали обучение магии всех пришлых, имеющих способности. Именно на этой основе в большинстве случаев удалось избежать конфликтов и, что греха таить, захвата местных территорий пришлых. Сотрудничество оказалось выгодней. Ряд баронств, впрочем, был захвачен независимыми группами пришлых, но это не правило, а скорее исключение.

земель. Или пристав должен был вызвать Самуила Бредянского — въедливого старикашку с ядовитым языком и немалыми способностями в магии. Они порталы отслеживать умеют.

– Велисса приходила, — кивнул становой пристав. — Ушел колдун в Дурное болото, в самую середину. В то, что нас с Вирацким баронством делит, на берегу Улара. Где острова с протоками.

– Куда? — обалдел я.

– Куда слышал.

– Может, ошиблась магичка? — все же переспросил я, пораженный.

– Велисса-то? — удивился вопросу Степан. — Смеешься? Она колдунья в десятом поколении, по слухам, среди пришлых такой нет.

– Тоже верно. Только все равно не верю.

– И я не верю, — вздохнул Степан. — Но ты с ней поговори, она в выводах уверена. Скажи, что я послал.

– Поговорю, будьте спокойны.

Дурное болото — это одна из тех низменностей, что появились после Пересечения миров. Сдвинулось все, как будто этот мир разломили на кусочки, а затем заново склеили, причем склеивали на тяп-ляп. И получилось, что там, где кусочки мозаики наползали друг на друга, выросли горы, подчас вовсе непроходимые, а в иных же местах, где края кусочков мозаики друг с другом не соприкоснулись, возникли низины с так называемыми Дурными болотами. Именно эти болота, настоящие свищи, или червоточины в живой ткани нашего плана, порождали большую часть всевозможных чудовищ, расползавшихся по земле. Именно благодаря им я не сидел без работы. И всем было известно, что в Дурных болотах не живут ни люди, ни нелюди. Никто. Не выжить там, потому что сожрут на хрен.

– Ты мне вот что скажи, — поднял глаза от бумаг на столе Степан. — Ты за девушку свою штраф принес?

Маша втянула голову в плечи, представив, наверное, что я о своем обещании забыл и теперь ее заберут обратно и вновь отдадут ужасной Анфисе Зверевой для болезненного и унизительного наказания.

– А как же, обижаете, господин становой пристав, — солидно произнес я и достал из-за пазухи продолговатый кожаный футляр.

За спиной послышался вздох облегчения. Я усмехнулся, вскрыл крошечный тубус, извлек оттуда и передал Степану вексель городского банка, выданный мне не далее как позавчера в городской управе.

– Вот как… — хмыкнул Степан. — Даже деньги тебе выдавать не понадобилось. Как пришли, так и ушли. Ладно, отметь передачу.

Я взял со стола ручку, подмахнул графу с передачей векселя, а затем прижал палец к блестящему кружочку. Все, деньги ушли, можно сказать.

– Ладно, Сашка, вали отсюда, дел полно, — сказал Степан. — Поручение заберешь у дежурного через пару часов, если какие вопросы — обращайтесь к Анфисе, дело у нее. Вопросы есть?

– Никак нет.

– Вали тогда.

Мы покинули кабинет станового пристава с разными чувствами. Маша — с облегчением, что я все же не обманул ее, а я — с ощущением того, что о чем-то я Степана Битюгова спросить забыл. О чем-то важном.

– Куда теперь? — спросила Маша на улице вполне уже бодрым голосом.

– Пошли Велиссу навестим. Расспросим ее, что за порталы в Дурное болото открываться могут.

– Ты знаешь… — сказала Маша. — Я в свое время слышала, что в середине болот есть острова. Причем такие, что на них тебе ничто не грозит. То, что рождается в болотах, всегда направлено своей агрессией наружу, от центра.

– Это кто тебе такое сказал? — заинтересовался я.

– Учитель.

– Из пришлых?

– Нет, он из аборигенов, — улыбнулась она. — Он говорил, что это как глаз урагана — все вокруг трещит и шатается, кругом беда, а в середине — полный штиль. Вот и Дурные болота — это нечто вроде перманентной магической бури. От центра к краям которая развивается. И тот, кто сумеет обосноваться там, будет жить безопасней, чем в любой крепости. Но без сильного маяка туда портал не наведешь. Там все время завихрения, унесет не пойми куда.

– А как туда маяк доставить?

– Не знаю, — пожала плечами колдунья. — Я вообще пока порталы открывать не умею. У меня в рюкзаке учебник по порталам — как раз учить собиралась.

Велисса вер-Бран жила на противоположной от меня стороне Холма, так что дорога пешком заняла минут пятнадцать. Жила она на первый и неискушенный взгляд, скромно, в одноэтажном деревянном домике вроде моего, но побольше. С двумя спальнями, как здесь принято говорить. Ворота с какими-то выкованными из меди колдовскими символами были заперты, но калитка открыта. На воротах сидели два здоровенных черных котяры, мрачно поглядывающих на нас желтыми глазами. Точно ведь — не просто так. Каждый из котов размером с небольшую рысь, кинется сверху — мало не покажется. Вдвоем вообще в клочки порвут. Но не кинулись, пропустили.

Мы прошли через ухоженный двор, в котором с кустами каких-то цветов возилась смуглая девушка-аборигенка в мокрой от мелкого дождя накидке. Девушка была откуда-то с юга, судя по внешности. На нас она не обратила ни малейшего внимания, будто нас и не было.

Двор вообще зарос цветами, какими-то причудливыми деревьями. Домик тоже был на диво неплох — я только поначалу решил, что он похож на мою простецкую избу. И вовсе не похож. Этот был светлым, из покрытого каким-то прозрачным лаком идеально обработанного бревна, со вставками из дикого камня, крытый самой настоящей листовой медью. Хороший домик, в общем, красивый. В дальнем углу двора — еще один, маленький, для прислуги. Под навесом стоит небольшой, но дорогой вездеход «стриж».[18] Велисса не только перебралась к нам сюда, поближе к прогрессу, но и сама сидит за рулем, что для аристократки-аборигенки, каковой она и является, невероятная степень эмансипированности. По всем правилам, ее кучер, читай — шофер, возить должен.

Мы поднялись на выстланное серым гранитом крыльцо я постучал в дверь, взявшись за ручку молотка в виде павлиньего хвоста. Дверь распахнулась почти сразу же, но не магией. Ее открыла сестра-близнец девушки, копающейся в саду.

– Я от станового пристава, — сказал я ей, показав свою серебряную бляху. — Могу я поговорить с госпожой вер-Бран?

Девушка ничего не сказала, лишь отступила в сторону и сделала приглашающий жест. Мы вошли в прихожую, она приняла наши дождевики. Затем провела нас в гостиную, где перед включенным радио, по которому передавали музыку, сидела Велисса вер-Бран, покуривая длинную сигару с марихуаной. У местной аристократии, кстати, это вполне допустимая в обществе привычка.

---

[18] *«Стриж»* – небольшой, но комфортабельный вездеход производства Ярославских автомастерских, созданный на удлиненной базе ГАЗ-69 с мягкими рессорами. У него даже предусмотрен магический заменитель гидроусилителя руля, что делает его популярным среди состоятельных женщин. Еще он в выгодную сторону отличается от слишком «купеческой» «чайки» элегантной отделкой салона, без излишней вычурности. Как и в «чайке, в «стриже» имеется амулет, сохраняющий температуру в салоне неизменной в любое время года, но он требует периодической подзарядки.

Велисса вер-Бран была типичной представительницей народов, живущих в среднем и нижнем течении Великой реки. Приятно смугловатая кожа, черные, прямые, блестящие волосы. У местных аристократок они длинные, чуть не до пят в этом возрасте, убираемые в сложные прически, но Велисса свои остригла, соорудив на голове эдакий художественный беспорядок, отнюдь не лишенный изящества, впрочем.

Лицо ее было вполне европейским по нашим меркам, но как бы с небольшой примесью азиатских черт. Немного глаза узковаты, немного что-то еще. Все неуловимо, незаметно, скорее она была похожа на европейку, которую кто-то решил было загримировать под азиатку, да в последний момент передумал. Красивое лицо, с изящными чертами, разве что в изгибе карминово-красных, аккуратно подкрашенных губ скрылось нечто злое. Почему-то появилась ассоциация с красивым и ядовитым существом вроде того же василиска, с которого содрали шкуру, дабы изготовить госпоже вер-Бран брюки.

На ней была белая шелковая рубашка, расстегнутая чуть не до пупка, в вырезе которой можно было разглядеть ее красивую смуглую грудь почти целиком, ноги обтянуты черными брюками из кожи василиска, что было очень, очень дорого. К тому же эта чешуйчатая кожа тянулась как резина, поэтому каждый изгиб тела Велиссы ниже пояса был открыт к обозрению.

О ней ходили разные слухи — об ее жестокости, злости и нетрадиционных сексуальных предпочтениях, но чему из них стоило верить — неизвестно. Еще говорили, что все темные стороны ее натуры и вынудили Велиссу сменить родовой замок на домик в Великореченске. Очень уж она тамошним стандартам поведения не соответствовала. Если жестокость еще простительна, она вроде допустимого в обществе чудачества, ею грешат почти все аборигены — здесь все же Средневековье, — то нетрадиционность в сексе — это предосудительно. Мужчину за это и вовсе могут казнить посредством оскопления, с дальнейшей посадкой на кол, а женщине путь — в монастырь, посвященный одной из местных богинь. Пожизненно. Хотя, по слухам, как раз в монастырях для таких настоящий рай.

Да какая, собственно говоря, разница, с кем она спит и злая ли она? Мне с ней вместе не жить и хлеб не ломать. Еще было известно то, что она берет за свои услуги дорого: колдунья она очень сильная, и если за что берется, то всегда это делает. А вот это как раз свидетельствует о деловой репутации.

Она подняла на нас глаза, пригласила садиться на широкий диван по другую сторону низкого столика. Затем предложила кофе. Я решил не отказываться — кофе в наших краях редкость и ценность немалая. Велисса сделала легкое движение пальцами, и провожавшая нас девушка вышла из комнаты. Вскоре зажужжала кофемолка.

– Здравствуйте. Чем могу? — спросила меня Велисса.

Голос у нее был негромкий, мелодичный, тонкий, какой-то полудетский, она чуть-чуть картавила, что было местным акцентом. Но вообще по-русски говорила очень чисто. Присутствие Маши она пока подчеркнуто игнорировала, что для девушки с нетрадиционной сексуальной ориентацией было, на мой взгляд, странно.

– Я охотник, — начал представляться я. — Зовут меня…

– Я вас знаю. Вы Александр Волков, — перебила она, разглядывая при этом, как лежит лак на ногтях на правой ступне: она была босиком. — Переходите прямо к делу.

– Степан Битюгов сказал, что убежавший позавчера колдун ушел в Дурное болото. Это так?

– Да, так, — подтвердила она, продолжая разглядывать свою ногу.

– В какое именно болото?

– В то, что на границе с баронством Вирац.

Она подняла глаза, на удивление черные, радужка со зрачком совсем не отделялись друг от друга. Впечатление от такого взгляда было странным и даже немного жутковатым.

– Что-то еще?

Вошла девушка с подносом, на котором стояли две чашечки с кофе. Велисса поставила одну передо мной, вторую взяла себе. Маше кофе не предложили, и я услышал, как та зло засопела. Я свою чашечку из солидарности брать со стола не стал, хоть запах от кофе исходил божественный.

– Я слышал, что в середине болот может быть безопасная область. Может ли быть такое, что кто-то там обосновался?

– Почему бы и нет? — пожала она плечами. — Если наладить постоянный портал, то все очень просто.

– А как можно навести портал в место магических возмущений? — спросила Маша, не удержавшись.

Велисса словно не услышала ее вопроса и продолжала выжидательно смотреть на меня. Я попросил ее ответить на Машин вопрос. Она с не совсем естественным удивлением приподняла одну бровь и спросила:

– Вы разрешаете вашей девочке участвовать в разговоре?

Маша аж поперхнулась, подскочила на диване, а затем, когда вновь обрела дыхание, спросила:

– А кто это, интересно, будет мне запрещать?

– Я отвечу, не возражаете? — спросила Велисса меня с ехидной улыбкой, после чего обернулась к Маше: — Девочка, вы можете вступать в разговор тогда, когда вам разрешит ваш хозяин. Раньше у вас его не было, но с тех пор как ваш спутник вас выкупил у правосудия и вы ему должны, вы проданы за долги. В землях, откуда я родом, такие правила.

– А в наших землях на ваши правила… как бы повежливей сказать… — начала в шипящей тональности Маша, но Велисса отвернулась, словно забыв о ее существовании, и обратилась ко мне:

– Вы зря за нее заплатили, тем более так много. Отведите ее обратно и заберите деньги. — Она сделала решительный жест изящной ладонью с алыми ногтями, словно отрубила что-то. — Сколько там, сто пятьдесят? За половину этой суммы я обещаю зайти к девушке в больницу сразу же после экзекуции и залечить весь ущерб всего за час, если, конечно, не сама Анфиса ее сечь будет. Если она, то немного дольше. Вы сэкономите семьдесят пять рублей, я на столько же стану богаче, а девушка… Маша, верно? Маша научится самостоятельно отвечать за свои поступки.

Бедная Маша… сложно описать ее эмоции. Потеря речи, прилив даже не бешенства, а не знаю чего. Я приготовился схватить ее, буде она бросится душить черноволосую колдунью. Но обошлось. Маша все же взяла себя в руки, лишь фыркнула и отвернулась с гордым видом, уставившись в окно. Велисса хихикнула, откровенно наслаждаясь сценой. Думаю, все было разыграно именно для этого. Хотя как знать… Пришлые с аборигенами не всегда понимали друг друга.

Однако на вопрос Велисса все же ответила. С ее слов выходило, что маяк, на который наводится портал, можно сбросить сверху. Например, с самолета. Главное — не прогадать со временем. У магических возмущений тоже приливы чередуются с отливами: есть бури и есть штили. Сумеешь предсказать штиль — и лети, бросай шар портального маяка. А что это значит? Это значит, что мы вполне можем найти пилота, который такой маяк сбрасывал. Не так-то много аэродромов в зоне досягаемости из Дурного болота, что перед Вирацким баронством[19] вытянулось. Если память мне не изменяет — ровно один.

---

[19] *Вирацкое баронство* – незначительная по размерам территория с населением около пятидесяти тысяч человек, управляемая династией аборигенов. Баронство существует в основном за счет торговли с Тверским княжеством, с которым граничит по реке Улару. Знаменито тем, что оттуда родом две самые известные в Великоречье династии колдунов — Бэрах и ас-Пайор.

Глава 6,
в которой герой собирается в поход и дает своей подружке всякие полезные наставления, а заодно и пистолет «маузер»

Остаток дня прошел в хлопотах. Мы с Машей опять зашли в околоток, забрали выписанное на мое имя сыскное поручение с требованием найти и доставить в Великореченск свидетеля двойного убийства Пантелея, за чем следовал список примет. После этого я отвел Машу домой, где она сразу взялась делать себе бутерброды, а сам направился к Бороде. И стряс с него после недолгого торга все пятьдесят рублей золотом вперед. А заодно договорился, что завтра с рассветом он пришлет приказчика к своему лабазу у пристаней, и тот отгрузит мне кой-какой товар для гномов. За который я из этих пятидесяти и расплачусь.

Так, по моим прикидкам, пятьдесят должны были превратиться в большую сумму. Деньги мне были нужны теперь как воздух, потому как поиски человека всегда сопряжены с расходами. Охотникам такие поиски поручают, а вот финансируют они себя сами, в счет будущей награды, случись таковая в конце пути.

Затем я вернулся домой, полез в подвал и вытащил оттуда шесть ящиков динамита в цилиндрических двухсотграммовых шашках — по двадцать килограммов в ящике. Это гномы всегда покупают с охотой. Динамит им для горных работ очень нужен. Тротил пришлые не продают никуда иначе как в снарядах, в чистом виде он только саперам в людские войска поступает, а динамит, как рисковый для снаряжения боеприпасов, продаем. Он от низких температур нестабилен: это значит, что снаряд, снаряженный динамитом, может прямо в стволе разорваться, на жаре он нитроглицерин выделяет, — так что можно торговать. Тем более что его состав тоже магически защищен, как и все остальное. Начни анализировать, и рванет — костей не соберешь.

Затем очередь дошла до маленького тубуса с чертежами. Он улегся в рюкзак. Это мои задумки — хочу у гномов заказать кое-что. Есть у меня одна идея по поводу пуль к дробовикам, надо проверить. Если все получится, как я думаю, то мы с гномами неплохо заработать сможем.

Затем подготовил оружие к поездке. Короткий пятизарядный помповик «таран»[20] со складным прикладом. Без него я никуда. Еще взял СВД[21] с двукратной оптикой, хотя у меня еще и шестикратка для этой винтовки имеется. Если дойдет до боя, это будет оптимальным оружием. И меткость на уровне, и дальность, и точность достаточны. На пояс повесил свой вечный «сорок четвертый», а в подмышку поместил короткий «кольт-компакт» калибра десять миллиметров. На всякий случай. И к нему два запасных магазина прихватил. Затем призвал на инструктаж Машу. Отдал ей десять рублей золотом на пропитание. На эти деньги можно взвод пропитать в течение недели, так что, надеюсь, и ей хватит. Она вдруг изъявила желание ехать со мной, но я это отмел сразу. По своим соображениям, но ей сказал, что с Анфисиной меткой она ворота не проедет. Поверила. Затем спросил у нее, как она владеет оружием. Узнав, что «более или менее», достал из шкафа коробку из лакированного дерева, раскрыл.

---

[20] *«Таран»* – ружье 12-го калибра с перезарядкой цевьем, построенное по классической схеме «Ремингтон 870» и выпускающееся в Царицыне. Бывает с обычным прикладом и складным, с пистолетной рукояткой и без нее и стволами 52, 63 и 75 см.

[21] СВД — изначально это снайперская винтовка Драгунова, но в Великоречье расшифровывается как «самозарядная винтовка Драгунова», выпускается Нижегородским Арсеналом. Существуют три модификации винтовки: СВД — обычная снайперская, со стволом 62 см, прикладом скелетной конструкции со щекой, СВД-С — укороченная, со стволом 52 см и складным каркасным прикладом, и СВД-П — самая простая версия со стволом 52 см и деревянным прикладом, чаще всего даже без базы под оптику. Калибр 7,62х54 мм с закраиной, магазины на 10 и 20 патронов. Многие гномьи мастерские производят для снайперской версии стволы матчевого класса, повышающие кучность.

Там, в гнездах в красном бархате, лежал «маузер»[22] в комплекте с двумя стволами, отстегивающимся прикладом-кобурой и маленьким оптическим прицелом.

– Видела такой? — спросил я.

– Не-а… — покачала головой Маша. — Сложный какой-то.

Действительно, дорогая игрушка — с виду сложная, но чертовски эффективная. Подарили мне его в свое время, сам бы не купил. Постоянно носить — не ношу, плоховат он для быстрого выхватывания, проигрывает и «кольту», и револьверу. Но для иных целей лучше оружия и не придумаешь.

А у нас никого без оружия оставлять нельзя. Городские стены — это хорошо, но та же нечисть или просто какие-то твари, рожденные Дурными болотами, все равно регулярно в города забираются. В нашем Великореченске месяца не проходит, чтобы кого-то прямо в городе не разорвали. И кто только за стену не проникает. И из-под земли выкапываются, и из реки лезут, и средь людей теряются. Поэтому без оружия — никуда. Ружья в домах у всех под рукой, а после наступления темноты с ними даже на двор ходят.

– Оставляю тебе его. Больше нечего, — сказал я.

– А там ведь что-то есть… — показала она на оружейный шкаф.

– Есть, да не про вашу честь, — ответил я. — Есть мой служебный карабин, который я передавать безнадзорно никому не имею права — оштрафуют. Да и нельзя с ним по городу ходить. Еще винтовка там есть такого калибра, что тебя отдачей расплющит. Двустволка специальная, для вампиров, десятого калибра, с таким же эффектом. Еще винтовка — духовая, для других дел, парализующей иглой стреляет. И остался вот этот самый «маузер», будем его осваивать.

Я сразу пристегнул к пистолету приклад, установил длинный ствол и запретил все это снимать. Затем поучил Машу целиться, взводить, снимать с предохранителя, через полчасика принял экзамен. Вроде нормально — справится, случись чего.

Ну а затем спать завалился: вставать завтра еще затемно.

---

[22] *«Маузер»* – имеется в виду местное оружие, построенное скорее «по мотивам» классического пистолета системы Маузера 1896 года. Того самого, что знаком всем по фильмам про Гражданскую войну. Когда в Великоречье появилась потребность в пистолетах под мощный патрон, был разработан самый мощный из имеющихся — 10х28 мм, с вытянутой остроконечной тяжелой пулей. Габариты патрона не позволяли располагать его в рукоятке, делая ее очень неудобной. И тогда вспомнили о конструкции этого знаменитого в прошлом оружия, в котором магазин находится перед спусковым крючком. Переработали творчески, усилили, добавили затворную задержку, да и про эргономику вспомнили. В результате получили очень мощный и тяжелый пистолет с приставными магазинами на 10 и 18 патронов, продающийся в комплекте с двумя стволами — 180 мм и 320 мм. С длинным стволом, с установленным прикладом, съемной тактической передней рукояткой и прилагающимся оптическим прицелом кратностью х2 пистолет показывает великолепные результаты по кучности на дистанциях до 200 м, что делает его скорее мини-карабином. Многие офицеры различных армий, кому по штату положен пистолет, заменяют его на «маузер».Большой плюс этого пистолета в том, что к нему существуют дозвуковые патроны 10х28 мм с очень тяжелой пулей с закаленным сердечником. И в комплект поставки может входить глушитель, так что на расстояниях метров до 150–200 удается получить достаточно мощное и точное оружие. В такой версии он очень популярен у разведподразделений, а относительная компактность оружия позволяет пользоваться им как дополнительным. Еще одним достоинством этого пистолета стала его легальность ношения, так как в большинстве княжеств постоянно носить винтовку запрещено. А так получается, что на боку висит вполне разрешенный пистолет, который при примыкании кобуры-приклада превращается в карабин.

Глава 7,
в которой герой встречает старого сослуживца и непонятную болотную тварь

Часы показывали без четверти девять, когда я уже стоял в небольшой очереди на досмотр перед погрузкой на паром. Передо мной были всего два купеческих грузовика, идущих куда-то с ящиками товара, и «виллис» урядников с ПКБ[23] на турели и тремя служивыми внутри, направлявшимися на тот берег по какой-то служебной надобности.

Досмотр провели быстро, потому что купеческие грузовики, в каждом из которых было по водителю и один приказчик на все, шли пустыми — за продуктами к кметам-арендаторам на городской земле, — и досматривать у них было нечего. Урядники тоже интереса не вызвали, да и я просто предъявил бляху. Если быть честным до конца, то ящики динамита у меня в кузове были нарушением закона, однако не было и конкретных ограничений на то, что мог с собой возить охотник. И даже если бы меня прихватили со взрывчаткой, я всегда мог сказать, что намерен, мол, ловить и бить тварей диких в горных пещерах. Или глушить водяного, например. В общем, официальный статус охотника частенько помогает.

Зевающий на ходу так, что я начал опасаться за его челюсть, помощник капитана парома распределил наши машины по плоской деревянной палубе, велел заглушить моторы, после чего ушел в рубку. Я выбрался из-за руля, потянулся, огляделся.

Такая необычная бухта, как та, вокруг которой построен купеческий город Великореченск, образовалась после Пересечения миров, когда столкнулись Волга из нашего мира и река Итиль из этого. Здорово тогда досталось всему окружающему, а в тех местах, где русла наложились друг на друга таким образом, как здесь, получились большие бухты, затоны и заводи. А еще у новой, большой реки, впоследствии названной Великой, появился приток, который и впадал в великореченскую бухту. Именно по этому притоку оказалось удобным сплавлять в плотах строевой лес, и этот лес, а точнее — торговля им, положил начало нашему городку. Это потом уже до другого товара дело дошло.

И сейчас бухта сплошь была заставлена самоходными и несамоходными баржами, рыбацкими баркасами. Стоял, пришвартовавшись, танкер, доставивший мазут из Самары, стояла баржа-автовоз из Нижнего, притащившая десяток грузовиков торговому дому «Беляков и Сын», которые торговали машинами на всю округу.

Чуть дальше, за пассажирскими пирсами, стояли на швартовах два пассажирских парохода. Скоростная «Ласточка», билет на которую стоил вдвое против иных, и пузатый грузопассажирский «Лещ», куда можно устроиться не только с багажом, а даже и с машиной. Если денег хватит место в трюме оплатить.

Военная пристань была отделена от гражданских высоким забором. Сейчас за ней стояли целых три корабля, что случалось редко. Сторожевики[24] «Быстрый» и «Бравый», сопровож-

---

[23] *ПКБ* – пулемет Калашникова бронетранспортерный, неизменная с давних времен модель на базе пулемета ПК, принесенная из старого мира и производящаяся в Великоречье на Царицынском Арсенале без всяких изменений. Арсенал выпускает несколько разновидностей этого легендарного пулемета: ПК (просто пулемет на сошках), ПКС (пулемет Калашникова станковый на трехногом станке), ПКБ (пулемет Калашникова бронетранспортерный, предназначенный для монтирования на турели и имеющий брезентовые сумки для сбора гильз и звеньев ленты), ПКСК (пулемет Калашникова станковый крепостной, модель с добавленным принудительным водяным охлаждением ствола, зачастую монтируется в укреплениях в виде спарок).

[24] *Сторожевой катер* – класс легкобронированных кораблей, вооруженных двумя артиллерийскими установками калибром 76,2 мм в башнях, двумя спарками пулеметов ПККБ-С калибра 12,7 мм. Предназначены для патрулирования фарватеров, борьбы с пиратством и охраны торговых караванов. Длина катера — 34 м, ширина — 4,3 м в миделе, осадка — 1,5 м, водоизмещение нормальное — 71 т, дальность плавания экономическим ходом — 820 миль, скорость максимальная/экономическая — 22/16 узлов, экипаж — 18 человек.

давшие караван барж из Царицына с Нижним, и речной монитор[25] «Сом», непонятно зачем заявившийся в наши края. Что военные тут задумали? У нас для таких кораблей ни ремонта нет, ни задач. Сторожевики с караванами ходят, с этим все понятно, а вот монитор… Он только для нападения, а нападать здесь вроде как и не на кого.

Выход из бухты прикрывался каменным молом, возле которого разместились два дота с крепостными пулеметами. На склоне бухточки, на закрытых позициях, виднелась батарея гаубиц — тех самых, что составляли основу обороны городка. Сейчас там было тихо, лишь за колючей проволокой, ограждающей позиции, прохаживался часовой.

А за молом открывалась вся ширь Великой реки. Мне приходилось видеть фотографии реки Волги в своем течении выше Твери. Не такая уж она была тогда и широкая, вовсе не как сейчас, метров двести, не больше. Ну триста, по фотографии сложно судить. Теперь же, соединившись с Итилем и превратившись в Великую, река разлилась шире чем на километр, хотя мы находились в верхнем ее течении. А уж ниже, после Ярославля, ближе к тому же Царицыну и Нижнему Новгороду, и противоположный берег было не разглядеть. Прямо настоящее море.

Палуба дрогнула, под ней приглушенно забормотал большой дизель. По пирсу пробежали двое аборигенов, работающих в порту, отцепляя от кнехтов канаты, удерживавшие паром на месте, и забрасывая их на борт, увешанный старыми автомобильными покрышками. Паром медленно отдалился от причала, подрабатывая подруливающими винтами в тупом носу. Неторопливо развернувшись в сторону выхода из бухты, набрал доступную ему черепашью скорость и пополз к выходу, давя плоским носом мелкую речную волну.

На реке было тихо, лишь кое-где можно было заметить рыбацкие баркасы. Скоро они уйдут к причалам на разгрузку, время лучшего улова уже вышло, и рыбаки на бортах в последний раз выбирают сети, выбрасывая за борт затесавшуюся в улов мелочь. За этим у нас надзор строгий — поймают на том, что ячея слишком мелкая в сети или мелочи в улове больше допустимого, и оштрафуют на первый раз так, что хоть баркас продавай.

Чуть дальше, за баркасами, резал поверхность воды форштевнем небольшой патрульный катер. Он принадлежал околотку, на борту были урядники — четверо. Посреди катера стояла турель со все той же неизменной спаркой крепостных пулеметов. Самое популярное оружие — куда их только не ставят. Их у нас «металлорезками» зовут.

Урядники на реке не бездельничали. Случались нападения даже на рыбаков как со стороны мелких группок бандитов, пытающихся захватить их баркасы, так и со стороны подводной нечисти или чудовищ. На вооружении катерка были даже глубинные бомбы — маленькие железные бочонки, бросаемые за борт руками.

Путь парома лежал не совсем поперек течения, а чуть выше, где в единственном пологом месте обрывистого берега пристроилось небольшое укрепление за частоколом, в котором тоже несли службу городские ополченцы. Эта пристань для городка нашего важна, потому как она — единственный путь, по которому можно с машинами на противоположный берег сгрузиться. Не будет ее — и переправляться придется аж через Тверь. А от Твери берегом до этого места тоже не слишком дойдешь: надо пересекать реку Тверцу, в ширине своей немалую.

Наш городской совет уже не раз обращался к командованию тверского войска, чтобы поставили на той стороне нормальный форт и разместили в нем гарнизон. Не ровен час, отрежут весь угол между Великой и Твердой от снабжения — что тогда делать? Но все письма пока терялись в тверских канцеляриях, и слабенькое укрепление оборонялось ополченцами.

---

[25] *Речной монитор* – класс артиллерийских кораблей с малой осадкой и невысокой скоростью, зато с высокой автономностью, огневой мощью и большим боекомплектом, позволяющим вести длительный артиллерийский огонь. Монитор класса «Сом» вооружен двумя 152 мм гаубицами-пушками в башнях, двумя казнозарядными минометами калибра 120 мм и двумя спарками пулеметов ПККБ-С калибра 12,7 мм. Экипаж — 61 человек, длина — 52 м, ширина — 12 м в миделе, осадка — 1,5 м, водоизмещение — 420 т. Дальность плавания экономическим ходом составляет 3000 миль, максимальная скорость — 11 узлов, экономическая — 8,3 узла.

Дальше от берега, верстах в тридцати, будет форт, в котором несет службу туземный гарнизон, но берег он не прикрывает — лишь перекресток дорог. Неразумно это. Захватит кто берег, и тот гарнизон в окружении окажется. Но у нас все как всегда — пока не обгадишься, и порток менять не треба.

Паром потихоньку допыхтел до противоположного берега, началась швартовка. Я снова забрался в кабину, ожидая сигнала к выгрузке. Вскоре помощник капитана махнул красным флажком, и наша небольшая колонна полезла на пирс, а оттуда по мощенному речным камнем откосу — на высокий берег. Часть берега была ограждена частоколом, в середине которого разместился бетонный колпак пулеметного дота. Все. Маловато для серьезной обороны. На смотровой вышке, возвышавшейся над частоколом, стояли двое ополченцев с биноклями. Невелика сила, серьезное нападение им в жизни не отбить — одна надежда, что сумеют сигнал подать да добежать до катера.

А опасностей в этом мире хватает. Это поначалу, когда мы, пришлые, появились здесь, от нас все разбегались. Огнестрельное оружие, машины, броня, пароходы. А что теперь? Винтовка у любого дикаря имеется, добыть ее дело нехитрое. Винтовки с револьверами, простите, на базарах и в лавках продаются. Да, взрывчатку с порохом только пришлые производят, но те же патроны продаются, и купить их может кто угодно. А динамит, что в кузове лежит у меня, так и вовсе товар — пришлые им торгуют. Нарушение мое не в том, что я его гномам на продажу везу, а в том, что нет у меня для этого лицензии, и налог я потом платить не буду.

Речные пираты из аборигенов нападают на караваны на скоростных моторных лодках и баркасах, и если нападения удачны, то их лодки усиливаются трофейными пулеметами. Бароны с графами из своих замков выезжают на вездеходах, а у ворот стоят не алебардщики, как пару веков назад, а пулеметы на станках и дружинники с карабинами. Дружины местных владетелей покупают броневики, пусть упрощенные и только пулеметные, но все же. Которые давно сжили со свету рыцарскую конницу, кстати говоря.

Управляющие баронские трясут и выбивают дань из крепостных кметов не розгами, а полевым телефоном. В аборигенских городах преступников сажают на кол и разрывают на куски не конями и быками, а лебедками. Благодаря нам уровень вооружения местного населения подскочил небывало, а вот мозги… мозги не изменились. Средневековье здесь, со всеми издержками. Хорошо хоть языческое, а то еще инквизиция завелась бы. И жарила грешников на газу из баллонов. Или ранцевыми огнеметами. Впрочем, последние не только инквизиция использует, а кто попало. Запрут приговоренного в узкую клетку, подвесят на крюк — и ну жечь огнем.

Поначалу немало желающих поуправлять местными землями появилось среди пришлых. Кое-где власть захватили, править начали… да и плюнули на это дело, вернулись в свои пришлые анклавы. Нравы у местных очень уж шокирующие для непривычного человека. Казни казнями, а что скажете, когда красавицы местные месяцами не моются, а из-за пиршественного стола гости обоих полов отлить бегают за шпалеры в том же зале? Вытошнило гостей из пришлых раз, другой — да и плюнули они, решили, что черт с вами, сами управляйте своей помойкой.

К тому же Пересечение миров раздробило весь мир на изрядно изолированные друг от друга куски. Что вдоль рек — с тем оказалось проще. По реке и связь между землями. А вот то, что от реки в сторону, — так или горы, или Дурное болото везде. Неудобно торговать, сплошные объезды, чреватые нападением всякой дряни, неудобно править, неудобно собирать налоги. Вот и распространили пришлые свое влияние вдоль русла Великой от самого верха до самого устья, да еще на Южные острова, но не больше. Все прибрежные государства вроде бы независимыми остались, но влияние пришлых в них сильно, очень сильно. Те просто

данниками стали, дают товар, солдат в сипаи.[26] А чем дальше от Великой — тем меньше влияния. Там уже своим умом и своими нравами живут. И нравы подчас вовсе не цивилизованные. И многие не против жить разбоем или, скажем, попытками облагать налогами торговые пути, эдакие классические «бароны-разбойники». Впрочем, такие они и есть, даром что их дружины сменили копья на трехлинейки или карабины «маузер».[27]

Именно такие захолустные разбойничьи княжества не стеснялись устраивать налеты на земли пришлых и зависимые от них государства. Именно в таких местах трофеи были самыми жирными, а риск… ну какой разбой без риска? Тем более что смерть в Средних веках понятие очень обыденное, ею никого не удивишь. Постоянные войны, антисанитария, нападения банд. И это невзирая на то, что медицина здесь куда сильней, чем в старом мире, потому как магическая. Средний деревенский знахарь сто очков форы даст академику из старого мира, если книгам верить.

И ведь это еще не все. Пусть лечат здесь лучше, но чего в старом мире не было и в помине — всей этой нечисти. Здесь за городские ворота после наступления тьмы если выходить, так только большим отрядом, вооружившись до зубов. И от нечисти с чудовищами люди гибнут часто, смерть обыденна. Зачем такие зверские казни? Да затем, что обычной смертью аборигенов не напугаешь, они с ней все время в обнимку ходят. Вот и приходится властителям пугать своих подданных нечеловеческими муками.

Пока я так размышлял, дошла моя очередь на выезд через ворота частокола. Тут уже никакого жезла я не касался — меня лишь записали в толстенную книгу да и выпустили на дорогу, по которой я дальше поехал один. Урядники сразу свернули направо, вдоль берега, у них просто ежедневный объезд территории, а купеческие грузовики потянулись вдоль реки вверх. Видать, за овощами — там кметы-арендаторы капусту выращивали.

Дорога потянулась через обширные луга, через какие я больше всего ездить любил. Хорошая грунтовка для моей машины как перина, а в лугах засаду устроить куда труднее, чем в лесу, сколь бы высока трава ни была. Да и нечисть предпочитает леса лугам.

В общем, погода радовала, после нескольких дождливых дней выглянуло солнце, немного припекало, и я даже откинул брезентовый верх с кабины. Машину удалось разогнать почти до пятидесяти километров в час, что было отлично для такой дороги. Вскоре, однако, я насторожился. Грунт еще не высох окончательно после дождей, лишь сверху немного прихватился, и на дороге появилось множество следов как от автомобильных колес, так и от лошадиных копыт.

Я остановил «копейку», вылез, присел на корточки. Следы относительно свежие, но прошли здесь еще до того, как выпала утренняя роса. Роса потом на обочинах на следы капала. Значит, шли с вечера. Кто именно шел — гадать не надо. Следы бронетранспортерных колес ни с чем не спутаешь, да и у лошадиных копыт видны отпечатки подков единого образца —

---

[26] *Сипаи* – слово, пришедшее из старого мира и обозначавшее британские колониальные войска в Индии. В Великоречье оно прижилось и стало собирательным для всех пехотных частей, набранных из аборигенов. Не изменившись, слово было перенято туземными языками и диалектами. Кроме слова сипаи, также прижился термин зуавы, обозначающий колониальную кавалерию, и гурки.

[27] Несмотря на не слишком густое население и небольшое количество оружейных заводов, в Великоречье наблюдается заметное разнообразие находящихся в обращении систем оружия, и особенно винтовок. Причиной оказалось то, что арсеналы, находящиеся в разных княжествах, тоже претендовали на авторские права, хоть ни один из них не производил оружия своей собственной конструкции. Производство развивалось по принципу «Кто первый встал, того и тапки». Производство винтовки Мосина под патрон 7,62х54R с закраиной развернулось в свое время на Ярославском заводе. Поскольку винтовки с продольно-скользящими затворами превратились в основное оружие этого мира, их в наибольших количествах закупали аборигены как людских, так и нелюдских рас, стало выгодно их производить и продавать. Тогда Тверской Княжеский Арсенал (ТКА) освоил производство знаменитой винтовки системы «Маузер К98к» под классический патрон 8 мм «маузер» (7,92х57 мм). Астраханский Арсенал, самый маленький из всех, не желая отставать от конкурентов, начал воспроизводить английскую систему «Энфилд», переделав ее под патрон 7,62х54R.

военного. А армия здесь одна может так шляться, да еще на таких копытах: тверская. Хорошо это или плохо? Трудно сказать.

Я вернулся за руль и поехал дальше, размышляя, чем мне грозит изобилие войск в этих местах? Накроют меня с нелегальным динамитом? А поди докажи, что он нелегальный, я уже говорил об этом. Может, я с его помощью намерен вскрывать убежища свидетеля Пантелея, чтобы его властям затем явить во всей красе. Сыскное-то поручение у меня в кармане. Чем еще грозит? Грозит еще тем, что можно напороться как раз на тех, за кем войска отправились. А то, что это не просто учения, сразу ясно. Учения все на правом берегу Великой проводятся, чтобы зря транспорт не гонять. Там пейзаж такой же, разницы никакой. А если уж переправились, значит, причина есть, настоящая.

Прошло несколько БТР,[28] прошли машины с пушками на прицепе. И среди следов лошадиных видны следы не слишком широких, округлых в сечении колес. Такие бывают только у полковых пушек, что на конной тяге. Значит, проследовало не меньше эскадрона драгун, и с ними батарея конной артиллерии.

Тут меня учить не надо, я в Первом драгунском полку, в разведывательном эскадроне, пять лет прослужил, в унтерах в запас вышел. Камуфляжная драгунская куртка со всей остальной формой и сейчас дома в шкафу висит на случай призыва. Так что знаю, что и к чему.

Ладно, чего гадать, надо дальше ехать. Все равно обратно поворачивать не стану. Разве что проверил, как карабин из гнезда вынимается. Мало ли?

Дорога продолжала вилять среди полей, то опускаясь в низины, то поднимаясь на симпатичные пологие холмики, скрывающие, однако, обзор. И примерно через час я выскочил прямо на военную заставу, расположившуюся на опушке леса, где и был остановлен караулом. Двое спешенных драгун с СВТ-К[29] в руках, вроде бы на меня не направленных, остановили меня возле легкой самодельной рогатки, перегораживающей дорогу.

– Стой! Кто такой? — скомандовал стоящий справа от них драгун с лычками обер-ефрейтора на петлицах видного из-под камуфляжа кителя.

Дальше, среди кустов, стояли еще трое, не бросаясь особо в глаза, — страховали тех, что у рогатки. Легкие мягкие фуражки у всех, с княжеским гербом на них, над козырьками подняты противопылевые очки на резинках. Просторные камуфляжные куртки, затянутые ремнями в поясе, с множеством подсумков на ремнях и портупеях. В подсумках запасные магазины, в специальных удлиненных — два «тромблона»,[30] в винтовочных — гранаты. За спиной

---

[28] *БТР-4 и БТР-5* – две основные единицы бронетехники, стоящие на вооружении большинства армий государств пришлых. Эти машины заметно проще, чем современные бронетранспортеры армий нашего мира. Лучше всего их сравнить с послевоенными советскими БТР-40 и БТР-152. Та же конструкция в виде двухобъемного бронированного кузова на шасси грузовиков, но закрытая сверху, с люками и десантными люками в задней стенке. Шасси БТР-4 выпускаются заводом нижегородского товарищества на вере «Баранов и Компаньоны» на базе ГАЗ-63, шасси БТР-5 — в Царицыне, заводом «Автомех» на базе трехосного грузовика ЗИЛ-157. Кузова же к ним в большинстве случаев производятся в Твери, на заводе промышленника Панфилова.Чаще всего бронетранспортеры вооружаются спаркой из крупнокалиберного и единого пулемета. На базе БТР-4 производится самоходная 76,2 мм полковая пушка «василиск», а на базе БТР-5 — ударный бронеавтомобиль «горыныч» — трехосный полноприводный башенный автомобиль на несколько укороченной базе с 82 мм орудием — минометом низкой баллистики.Имеется и огнеметная машина СОУ «Дракон», мало, впрочем, распространенная.

[29] *ТКА* (Тверской Княжеский Арсенал) начал воспроизводить известную в свое время самозарядную винтовку Токарева — СВТ-40. Но производил в компоновке известной бельгийской винтовки FN-FAL, которая, собственно говоря, и была «содрана» с СВТ-40 самым наглым образом в своей механической части, от первой до последней детали. А на ТКА позаимствовали уже с бельгийской версии современные цевье, пистолетную рукоятку, приклад почти на оси ствола, двадцатизарядный магазин, прицельные приспособления на газоотводной трубке и крышке ствольной коробки, откидную рукоятку для переноски и торчащий открыто вперед длинный ствол со щелевым пламегасителем. Разве что магазин получился чуть изогнутый, под патрон 7,62х54R.Винтовка выпускается в нескольких разновидностях. Среди них: пехотная СВТ-П, со стволом 55 см и деревянным прикладом, укороченный карабин СВТ-К для егерей, кавалерии, артиллерии и саперов, со стволом 45 см и складным каркасным прикладом, и СВТС (снайперская), с утяжеленным стволом, с долами длиной 65 см, вывешенным в ствольной коробке консольно и смонтированными на цевье штатными сошками. Прицел штатно используется четырехкратный.

[30] Метание «тромблонов» производится со ствола винтовки, с пламегасителя специальной конструкции или дуль-

плащ-палатка в скатке, притороченная ко дну небольшого ранца. Сбоку на ремне широкий штык-нож в стальных ножнах. Снизу курток защитного цвета галифе без лампасов и высокие сапоги с маленькими шпорами. Кавалерия все же, хоть и конные стрелки.

– Охотник, по поручению на сыск, — отрекомендовался я и вытащил свою серебряную бляху, висящую на груди на кожаном ремешке.

– Поручение где? — спросил обер-ефрейтор.

– Вот оно.

Я протянул ему маленький тубус с документом. Он открыл его, аккуратно достал бумагу со слегка светящейся печатью, протянул ее мне. Я провел над ней ладонью — печать мигнула. Значит, действительно на меня документ выписан, такое не подделаешь.

Он вернул документ, махнул рукой, показывая дальнейшее направление, сказал:

– Прямо езжай, остановись у палатки, где стол стоит. Там тебя зарегистрируют.

– Понял. Бывай, служивый.

Я тронул «копейку» с места, объехал «язык» леса — и оказался на огромной поляне, почти полностью забитой военными. Ничего себе, всерьез выехали!

Вдоль дальней опушки возле лошадей выстроился целый драгунский эскадрон, сила немалая. Посреди поляны стояли четыре «мула»,[31] от которых отцепили и выстроили в ряд стопятимиллиметровые гаубицы с большими дульными тормозами. Станины раздвинуты, стволы задраны вверх, суетится прислуга. С ними еще один БТР-5, с «утесом»[32] и ПКТ в башне — командирский и боевое охранение батареи. Два двухосных БТР-4, заляпанных камуфляжными пятнами, стояли поодаль. Возле одного из них стояли, склонившись у раскладного столика, несколько офицеров, мудрящих, судя по всему, над картой. Второй бронетранспортер был интересней. Возле него стояли двое — мужчина и женщина в черной форме с серебряными погонами, в небрежно наброшенных на плечи летних офицерских шинелях, разговаривая друг с другом, а возле них четверо бойцов из ведомства контрразведки. Их можно отличить по черным же фуражкам с серебряной кокардой.

На БТР подняты два шеста: в такие амулеты дальней связи устанавливают. Понятно, даже военных магиков вытащили с собой — значит, что-то серьезное затевается.

Дальше в поле разворачивались четыре полковые гаубицы-пушки ГПК-2[33] облегченного кавалерийского образца с укороченными, как будто обрубленными, стволами, с огромными катушками дульных тормозов. За ними стоял грузовик с боекомплектом, а вот во втором грузовике прибыл взвод гурков, измазанных зеленым, в лохматом камуфляже, с обмотанными лентой карабинами. Всех привели — значит, точно не шуточки.

Я доехал почти до палатки со стоящим возле нее столом, остановился. За столом восседал вояка с густыми усами и очень знакомым лицом. На видневшихся из-под камуфляжной куртки

ного насадка, при помощи холостого патрона. При этом гранаты имеют пулеулавливатели, и это позволяет стрелять ими при помощи боевого патрона (обычного оболочечного), что повышает скорострельность, но снижает эффективность огня. Максимальная дальность стрельбы надкалиберными 55-мм гранатами ГНО-55 (осколочной) и ГНЗ-55 (зажигательной) производства Тверского Княжеского Арсенала (ТКА) — порядка 330 м, эффективная — 170 м. При стрельбе боевым патроном указанные дистанции уменьшаются примерно на 25 %, с повышением скорострельности.

[31] *«Мул»* – военная модификация популярной двухтонки ГАЗ-63. Полноприводный грузовик с открытой сверху кабиной с откидывающимся вперед плоским лобовым стеклом для возможности установки пулемета. Деревянный кузов заменен на отсек для десанта, борта выполнены в виде навесных панелей, которые могут использоваться для подкладывания под колеса, случись этой проходимой машине завязнуть в грязи. На машине может устанавливаться турель для крепления различных типов пулеметов. Очень популярный военный транспорт как в армиях пришлых, так и в аборигенских — ограничения на его продажу нет.

[32] Крупнокалиберный пулемет НСВ-12,7 «утес» под патрон 12,7х108 мм стоял на вооружении Советской Армии с 1972 года. В новом мире запущен в производство Тверским Княжеским Арсеналом (ТКА), заодно с его местной версией с жидкостным охлаждением ПККБ, позволяющим вести огонь длинными очередями.

[33] Пушка ГПК-2 калибра 76,2 мм предназначена для вооружения в основном кавалерийских частей, поэтому отличается малым походным и боевым весом и даже может перевозиться во вьюках после разборки. Конструкция разработана на базе горной пушки обр. 1938 года. Имеет угол возвышения 80°, поэтому может действовать как гаубица. Дальность огня — до 10 500 м.

защитного цвета петлицах красовался широкий продольный галун вахмистра.[34] Я выбрался из кабины, раскинул руки в приветствии:

– Парамоныч! А ты все служишь!

– Волков, чтоб тебя! — встал навстречу вахмистр.

Мы обнялись, похлопали друг друга по спинам.

– Ну как ты, где ты теперь? — спросил он.

– В охотниках, в Великореченске. А ты все служишь, как погляжу? Повысили?

– Служу, а что мне остается? — махнул он рукой. — Четырнадцатый год в строю, почитай. Зато и повысили, только больше уже некуда. Куда путь держишь?

– В Серые горы, к гномам.

– Так просто? С торговлей?

– Нет, по делу. Ловлю тут одного, взял сыскное поручение, — слегка покривил я душой, смешав мух и котлеты в одной тарелке.

– Злодея, что ли? — хмыкнул Парамонов. — Ну лови. Но поаккуратней.

– А что тут делается? — обвел я рукой военный лагерь.

– Эльфы опять шалить начали. Вылезли из-за Вороньей гряды, прорвались в свой бывший лес, а попутно три хутора сожгли со всеми арендаторами. Двадцать семь человек вырезали.

– Не зверствовали? — спросил я, хоть и заранее ответ знал.

– Эльфы — да и не зверствовали? — хмыкнул старший унтер-офицер Парамонов. — Они же нас даже за животных не держат, зверствовали как могли. Ни одного человека нормально не убили. Разведка троих поймала — нам навстречу дозором шли. Вон они.

Возле штабного бронетранспортера на траве сидели трое изрядно избитых эльфов. Глаза заплыли, носы и губы разбиты, длинные, обычно собранные в хвосты волосы грязны и всклокочены. Никакой красоты, в общем. У всех руки туго связаны за спиной, да еще между собой одной веревкой. Возле них стояли трое же драгун с карабинами наперевес.

– Но вроде бы дали координаты своего лагеря, когда их колдуны поспрошали и заодно к телефону подсоединили, — сказал Парамонов, затем хмыкнул и добавил: — Они на пытку и угрозу смерти хлипковаты: бессмертные, им про конец существования думать невыносительно. Сейчас там гурки[35] разведывают. Если подтвердится, начнет артиллерия работать.

---

[34] *Вахмистр* – высшее возможное звание для нижних чинов в кавалерии, соответствует пехотному подпрапорщику. Заслуживающий это звание может рассчитывать на звезду на галуне в петлице после пяти лет беспорочной службы в этом звании. Система званий в армии Тверского княжества почти полностью копирует таковую у Русской армии до 1917 года, но с некоторыми упрощениями. Так, например, между младшим и старшим унтер-офицерами добавлено звание унтер-офицера, в пехоте аннулировано звание фельдфебеля (на его место «приподнялся» старший унтер-офицер), нет звания зауряд-прапорщика. То есть в пехоте и артиллерии убавилось одно унтер-офицерское звание, а в кавалерии — добавилось.Упомянутые знаки различия относятся к полевой форме. В парадной форме и повседневной все знаки различия размещаются на погонах. На камуфляжных куртках, надеваемых поверх (или в жаркое время вместо) полевого мундира, вместо петлиц имеется шеврон на левой стороне груди, где размещаются знаки воинского звания. На рукаве возле плеча размещается шеврон с номером и эмблемой полка.

[35] Опыт создания подобных частей был перенят тверским князем из опыта Британской империи. Было обнаружено полукочевое племя лесных охотников, прекрасных воинов и следопытов, теснимое со всех сторон выдавленными из своих земель эльфами. По некоторым данным, это были не чистокровные люди, а потомки от союзов людей с лесными дриадами — отсюда такое «чувство леса». Глядя на их чуть зеленоватый оттенок кожи и тонкие черты лица, в это можно поверить.Тверской князь пообещал переселить племя на свои казенные земли, гарантировать каждому отслужившему достойный пенсион и надел земли, а также еще целый список льгот. Обещания соблюдались неукоснительно, даже в госбюджете каждый год одной из первых строк шла статья «на развитие и обустройство народа алху». В результате служба в егерских частях Тверской армии превратилась в почетную обязанность всего этого народа. Воины алху, прекрасно теперь вооруженные, обученные лесной войне чуть не с рождения, проводили успешные операции против эльфов и к тому же отличались редкой беспощадностью к своему исконному врагу. Вражда между ними была вековая. Своих детей они обучали исключительно военному делу — почти с самого рождения. Гурками народ алху поначалу назвали в шутку, вспомнив об отважных непальцах на службе британской короны, но затем алху приняли это слово как самоназвание. Поэтому гурки стало обозначением народа, а также егерских частей Тверского княжества, а не общераспространенным термином, как, скажем, те же сипаи или зуавы.

– В каком направлении?

– На север. Ты, если дальше поедешь, бери южнее и оттуда по окружной дороге к западу. Тогда не нарвешься. Наверное.

– Спасибо за совет, а то я через Пущу напрямую ехать собирался, — поблагодарил я.

– Не, не надо! — замахал рукой Парамонов. — В самое пекло можешь влезть. У нас еще до роты гурков в лесу шляется — засады готовят. Попытаемся артиллерией и драгунами эльфов на засады выдавить. Ты смотри живым им не попадись. Сам знаешь, чем закончится.

– У меня шесть ящиков динамита в кузове, — показал я на свою машину. — Если окружат, мне только гранату туда закинуть. Всех на дерьмо размажет, а уши аж до Твери долетят.

– А чего это ты по дорогам с динамитом таскаешься? — с подозрением спросил Парамонов.

Дружба дружбой, а порядок — прежде всего. Парамоныч всегда таким был, сколько я его помню. А помню давно: я под его началом служил.

– У гномов еще пару заказов хочу взять, — равнодушно сказал я. — Каменные ящеры вроде как завелись, придется пещеры взрывать.

– Ну ты гля. Прям мастер-многостаночник, — усмехнулся Парамонов.

– А что время терять? Раз все равно туда еду. Так подзаработаю попутно. Охотника, что волка, ноги кормят.

– Ну про тебя это точно сказано, Волков.

Неожиданно обе батареи гаубиц — и самоходных, и полковых — разом бабахнули, выпустив куда-то в сторону дальнего леса восемь снарядов. Мы замолчали. Через пару десятков секунд в дальнем лесу рвануло, поднялись дымные облака. Эльфы, балбесы, по старой привычке от всех врагов в лесах прячутся. А артобстрел осколочными снарядами в лесу — самое гиблое дело, лучше под него не попадать. Когда снаряды в стволы деревьев бьются, осколки сверху в любом из укрытий поразить могут. К тому же эльфы до сих пор щели копать не привыкли. Они в жизни ничего не копали и круче мандолины да лука в руках не держали. Ну стакан еще разве. Сейчас, правда, луки они на винтовки сменили и стреляют здорово, но вот шанцевым инструментом не обзавелись, землю под собой копать не научились. Поэтому точные артобстрелы косят их изрядно — проверено.

Быстро перезарядившись, полковые гаубицы бабахнули опять, затем их догнали тяжелые стопятимиллиметровки. А дальше, судя по всему, дали команду: «Беглый огонь», потому что все восемь орудий замолотили в произвольном порядке, словно компания идиотов-переростков колотила кувалдами в большие металлические ворота.

Спешенные драгуны под командой унтеров с обер-ефрейторами начали выстраиваться в цепь — они пойдут к лесу после окончания артобстрела, выдавливая эльфов на егерские засады. Офицеры пока остались у штабного бронетранспортера, вместе с двумя офицерами-волшебниками да их охранниками. Военный колдун на службе без двух солдат охраны может только в палатку к командиру зайти, и все. Как ни крути, а колдун сам по себе и орудие, и обслуга оного, так что похитить такого враг всегда нацелен.

Один из колдунов крутил в руках короткий жезл с кристаллическим навершием. Он у них обычно на все случаи жизни — и средство связи, и аптечка, и оружие. Впрочем, у этого колдуна на поясе висела кобура. Колдунья оружия не носила. Но жезл у нее был точно таким же. Ими всех военных колдунов централизованно снабжали, а вот чары, которые в жезлах были прошиты, — это личное дело каждого, тут их всех в строй не поставишь.

Магичка будто прислушалась к чему-то, повернулась к офицерам и заговорила. Те закивали. Вскоре из-за края ближнего к нам леса, гудя моторами, выскочила пара штурмовиков — «коршунов»,[36] довернувших в плавном вираже в сторону невидимого противника. А следом,

[36] Одним из главных препятствий в развитии авиации в Великоречье оказалось полное отсутствие на освоенных людьми

выше, летел разведчик-корректировщик «аист».[37] Штурмовики прошли над лесом, и каждый как будто вывалил из брюха порцию пустых консервных банок. Словно мусорное ведро перевернули. Затем у каждой летящей к земле банки появился длинный тряпочный хвост, стабилизировавший ее падение, а метрах в пятидесяти над землей эти хаотично на первый взгляд падающие бомбочки начали взрываться с резкими звонкими хлопками, осыпая все внизу тысячами свинцовых картечин.

«Аист», видимо, начал корректировать огонь артиллерии, потому что наступила краткая пауза, а затем разрывы сместились правее и, кажется, дальше. Кто-то отдал команду, и цепь спешившихся драгун направилась в сторону леса, неся карабины наперевес. Операция против напавших эльфов началась. А я решил не досматривать, понимая, что вскоре цепь скроется в лесу и смотреть станет не на что. Попрощался с Парамонычем и поехал себе дальше по указанной доброжелательным старшим унтером дороге. Немного в объезд, но все безопасней, чем через зону боевых действий. В этом он прав: не приведи боги попасть в руки какой-нибудь группке эльфов, вырвавшейся из окружения. Смерть примешь такую лютую, что и представить трудно.

Поэтому я на всякий случай снял свой карабин с предохранителя и загнал патрон в патронник. А на двух цилиндрических гранатах ГОУ-2[38] со снятыми «рубашками» разогнул усики, присоединил к ним длинные деревянные рукоятки, позволяющие закинуть эту гранату подальше. Береженого боги берегут — в этом мире даже младенцы знают. Тем более что наличие богов, как выяснилось, вовсе и не шутка.

Артиллерийская канонада доносилась долго, пока я не отъехал от места проведения операции верст на двадцать. Пару раз на дороге встречал усиленные разъезды драгун, но ко мне они не придирались, полагая, видно, достаточным, что я проехал первые заслоны.

Все, что я сейчас видел, было продолжением и развитием старого, почти двухвекового конфликта. Начался он со столкновения деловитости людей с высокомерием эльфов. После Пересечения миров люди начали налаживать торговые пути с соседями. Самые лучшие отно-

---

пространствах алюминиевых глиноземов. То количество алюминия, которое все же производилось, обходилось очень дорого и едва покрывало нужды моторостроения. Поэтому люди были вынуждены воспроизводить самолеты конструкций до Второй мировой войны, заменяв алюминий и доисторический перкаль стеклотканью, производство которой наладили в Твери. Двигатели выпускались в Ярославле, на моторном заводе, который переселился в этот мир во время Пересечения. Удалось построить, причем в разных городах, целый ряд довольно удачных самолетов.БШ-15 «коршун» — штурмовик-бомбардировщик, выполненный по чертежам знаменитого в свое время истребителя И-153 «чайка» КБ Поликарпова. Прототип был переработан, но основная конструкция сохранена. «Коршун» может нести до 400 кг бомбовой нагрузки (авиабомбы по 50 и 105 кг, осколочные и кассетные), реактивные снаряды (до 16 штук в под крыльевых блоках) или два подвесных контейнера с крупнокалиберными пулеметами.Самолет был выполнен по бипланной схеме, конструкция фюзеляжа — стеклоткань на стальном каркасе.

[37] Самолет «аист» изначально был построен по чертежам самолета ОКА-38 «аист», выпущенного очень малой серией перед Великой Отечественной войной, но вместо рядного V-образного двигателя использовал местную версию звездообразного мотора М-11. ОКА-38 же в свою очередь был переделкой знаменитого немецкого самолета «Fi 156 Schtorch» («аист»), который подарили немцы И. В. Сталину. Переделка была произведена конструктором О. К. Антоновым по личному распоряжению вождя.Мощности мотора М-11 не хватало для полноценной работы самолета, и в ходе переделок его умудрились превратить в смесь «шторьха» и По-2. «Аист» стал бипланом, подобно По-2, но с фюзеляжем, унаследованным от «предка».В Великоречье выпускаются три модификации «аиста». РК-2 (разведчик-корректировщик с дополнительными баками, он же самолет связи), СС-2 (санитарный спасательный) с местами для двух раненых на носилках и одним дополнительным сидячим местом, а также ЛБ-2 (легкий бомбардировщик) — фактически это РК-2 со снятыми дополнительными баками, способный нести 200 кг бомб или 105 кг бомб и восемь реактивных снарядов «оса».

[38] *ГОУ-2* (граната осколочная универсальная) представляет собой комплект из двух чугунных цилиндров с насечками, вставляемых один в другой. С надетой «рубашкой» граната представляет собой оборонительное оружие, со снятой — наступательное. Возможно применение длинной деревянной ручки для увеличения дистанции метания. В армии не пользуется популярностью ввиду сложности конструкции и потому, что после боя надо еще и «рубашки» сдавать, отчитываясь за каждую. И не дай боги, старшина найдет в окопе «рубашку» неиспользованную и брошенную небрежно. Там предпочитают новые реплики проверенных Ф-1 и РГД-5. Впрочем, «обмыв» всех званий и наград производится исключительно путем налива водки в стаканчик «рубашки» от ГОУ-2. Для гражданского же применения ГОУ-2 ограниченно разрешена (те же охотники могут покупать их по предъявлении жетона).По большому счету, ГОУ-2 представляет гибрид германской «Stielhandgranaten 24» («толкушки») с советской РГД-33.

шения установились с гномами, отдававшими должное людским технологиям и готовыми поставлять взамен многое полезное людям. Однако в наших краях единственный пригодный для торгового обмена путь «из людей в гномы», в Серые горы, проходил через самый край эльфийской Закатной пущи. Депутация Тверского княжества совместно с гномами направилась к эльфам на переговоры. Просили в общем-то немногого — разрешения провести дорогу по дну оврага на протяжении семи миль — чуть больше девяти километров — через эльфийский лес, без права проезжим покидать дорогу, в стиле «шаг влево, шаг вправо…» и так далее. Эльфы отказали, причем в достаточно оскорбительной форме.

Здесь опять следует оговориться. У эльфов вообще такая манера общаться с людьми — оскорбительная. Они, почти бессмертные — если, конечно, не пришибить, — воспринимают коротко и жадно живущих людей кем-то вроде насекомых. Вершина природы — они сами, затем деревья их лесов, потом животные и где-то в самом низу списка — люди, гномы и прочие орки. Это у нормальных, традиционных эльфов. Эльфы, как и люди, очень разные, и народы у них разные. Даже языки отличаются. Многие из них с «насекомыми людьми» вполне сжились. Но эльфы Закатной пущи были самыми что ни на есть традиционными, то есть хамами распоследними. Из тех, что всегда напрашиваются на неприятности.

Затем появилась вторая делегация, предлагающая эльфам чуть не луну с небес в обмен на дорогу. Никто не собирался там пилить на дрова их драгоценные мэллорны с аэрболами, или как там вся их святая древесина называется. Но эльфы охамели окончательно — освежевали заживо послов, магией укрепили в них жизнь и сбросили с лошадей рядом с лагерями, где ждали их сопровождающие, нашив на живое тело каждому по куску пергамента с письмом, ничего, собственно говоря, кроме оскорблений и самовосхвалений, не содержащим.

Послов пришлось добить — никакие усилия колдунов не могли восстановить кожу. А с эльфами переговоры прекратились, и Тверское княжество, даже не привлекая гномов, с неохотой покидающих горы, обрушилось на высокомерных обитателей Пущи всеми наличными силами. Магия Пущи не помогла — зажигательные снаряды с напалмом и белым фосфором вполне успешно устраивали пожары. Гурки оказались в лесной войне совсем не хуже самих эльфов, а если честно, то и лучше, потому что учились новому с желанием, а эльфу учиться хоть чему-то, чего не было раньше, — унизительно. Даже винтовки, которыми они все же вооружились, сами они почитали оружием «низким», в подметки лукам не годящимся. Впрочем, из луков никто стрелять и не пробовал, вся эльфийская армия закупила трехлинейки и «Энфилды» через посредников. Противопоставить артиллерии оказалось вообще нечего, пулеметный огонь броневиков выкосил единственную предпринятую эльфами атаку в конном строю. Самым главным шоком для них было то, что можно вести войну, не глядя друг другу в глаза. Например, артобстрелами… К их счастью, производства самолетов тогда еще не наладили. В результате война была выиграна людьми быстро, с малыми для себя и катастрофическими для племени эльфов потерями. Их оттеснили чуть не на сто верст к северу и оставили в покое лишь потому, что не хотели портить отношения с их сородичами из других мест. Геноцид никем не поощряется. В теории.

У эльфов же страх смерти удивительным образом сочетается с фатализмом и верой в пророчества. Примерно раз в несколько лет среди бывших эльфов Закатной пущи появляется очередной полувождь-полупророк, который видит какие-то знаки, который слышит голоса и который умудряется воодушевить соплеменников на совершенно нелепые с военной точки зрения действия. Они предпринимают налеты на людей, обосновавшихся на землях, прилегающих к бывшим эльфийским, расправляясь с поселенцами способами жестокими и мерзкими. Успехи же военные при этом бывают весьма ограниченными, потому что для достижения серьезных военных целей они вынуждены покидать леса, а в чистом поле эльфы проигрывают людской армии по всем статьям. Раньше эльфийские маги опережали людских, а теперь и этого нет, баш на баш, спасибо аборигенам. Где научили пришлых, а где и сами нанялись.

Во время своей службы в Первом драгунском мне довелось в течение нескольких месяцев участвовать в таких операциях, проходивших как раз в этих местах, — вот и сейчас ничего не изменилось. Попартизанят эльфы до холодов, хоть и активно, выбьют у них самых боевитых, и они отступят опять к северу, в новую свою пущу, где вынуждены были обосноваться вместо старой. Если бы их другие эльфы поддержали, то они, может быть, чего-нибудь и добились. Но другим эльфам не до них — их свои пущи заботят. Такого разрозненного народа, как эльфы, и нет нигде более, наверное. Ни до чего им дела нет, даже друг до друга — даром что бессмертные.

А мэллорны их с аэрболами на дрова все же пошли. Когда рубили полосу безопасности вдоль новой дороги, девать их было некуда. Разве что насчет дров я преувеличил. Древесина у мэллорна дивного серебристого оттенка, а у аэрбола — оттенка красного. Вот и пустили их на дорогую мебель и всякое такое, наплевав на святость. Зря, наверное, но очень уж хотели эльфов унизить за казнь послов. Ложа для дорогих ружей из этого дерева делали, как я слышал.

Сейчас я ехал не по той относительно широкой и укатанной дороге, о которой даже понемногу заботились, а по едва заметной в высокой траве колее. Она вела в объезд оставшегося от эльфийской Пущи изрядного куска леса, который отсекла от массива та самая дорога. Крюк не слишком большой, километров под тридцать, но ближе к Дурному болоту, которое в этих местах имеется — из-за него отчасти и пошел тогда спор с эльфами о дороге. А чем ближе к Болоту, тем выше вероятность встретить кого-то, кого встречать не хочется. И скорость на этой дороге ниже, чем на главной, больше тридцати километров в час и не поедешь — так трясет. Да еще с динамитом. Динамит хоть и поустойчивей нитроглицерина, но все равно не подарок.

В общем, я помимо карабина еще и обрез свой помповый к стрельбе приготовил. Положил рядом, патрон в патронник загнал. Если что полезет откуда, первым делом надо хватать дробовик — и в морду. Если морда есть, конечно, потому что я немало чудовищ видел, где понятие «морда» было как минимум неактуальным. Но тело есть почти всегда, так что найдется куда пальнуть. А первые два патрона у меня «пробные», половина снаряжения — серебро, вторая — самовоспламеняющийся свинец, магическая штучка, дорогая чрезвычайно, как то же серебро, а серебро идет к золоту грамм за два. Каждый выстрел мне рублей в шесть золотом обходится, в общем. Зато по таким попаданиям сразу видно, что за тип твари на тебя лезет, чем его гасить — серебром или огнем. Одно из двух всегда на нечисть действует. И такие патроны мне уже раз десять жизнь спасали, так что без их запаса, хотя бы пяти штук, я вообще за городские стены не выезжаю.

Дорога огибала лес, стало удивительно тихо. Даже отголосок далекого боя пропал. Ни птицы не поют, ни звери не бегают — Болото под боком, поблизости от него ничего живое и чистое выжить не может. Хорошо, что сейчас только за полдень солнце ушло и светит так, что лес сам на себя тень отбрасывает, а не в поле. В таких местах даже в маленькую тень надо с опаской заезжать: всякое может случиться.

И случилось. Как я эту чуду заметил — сам не понял. Была она совсем прозрачная, только что деревья, которые через нее видны были, чуть искажались, как в стекле кривом. И еще я привык в таких случаях ничего не проверять, а действовать первым. Левой рукой в руль вцепился, чуть отворачивая машину вправо, сбивая возможной прыжок, а правой рукой помповик за рукоятку ухватил, на руль сверху кинул для упора да в середину силуэта и пальнул. Грохнуло, толкнуло в руку так, что чуть кисть не вывернуло усиленным зарядом, но весь пучок картечи ударился в прозрачную тварь.

Как же она взвыла! Как будто не одна она, а с десяток таких застонал-заблажил на разные голоса от боли и жуткой злобы. Такой вой, если кому интересно, тоже признак нечисти — одну глотку подобной твари целый хор не вытянет. Чудовище обычное всегда одним голосом ревет.

Как будто из колеблющейся пустоты вырвались пучки огня желтого, как из огнемета. Вырвались с силой, как из газовой конфорки. Не серебро — огонь подействовал! А для этого есть у меня средство!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.